

22-я армия:

от первых до победных дней
Великой Отечественной войны.

Ветеран И.
Зязин
- Заслуженный

У. Курдюков

Воспоминания участников боевых действий

22-я АРМИЯ:
ОТ ПЕРВЫХ ДО ПОБЕДНЫХ ДНЕЙ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Воспоминания участников боевых действий



Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2016

УДК 355/359
ББК 63.3(2) 622 - 35
Д22

Д22 22-я армия: от первых до победных дней Великой Отечественной войны. Воспоминания участников боевых действий / Составители: М.И. Дергачева, Л.Н. Сухотина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016.– 310 с.

ISBN 978-5-7996-1797-4
DOI 10.15826/ В 978-5-7996-1797-4

В книге собраны воспоминания участников боевых действий в составе 22-й армии, сформированной на базе Уральского военного округа. Эта армия была одной из первых, кто принял удар фашистских войск.

Представлены очерки, газетные публикации, посвященные 22-й армии, личные воспоминания её ветеранов, с самых первых дней принимавших непосредственное участие в тяжелых, ожесточенных боях за освобождение Калининской (ныне Тверской) и Псковской областей, Белоруссии, Прибалтики от фашистских захватчиков во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также даны карто-схемы описываемых сражений, фотографии военных начальников и бойцов 22-й армии.

Издание рассчитано на широкий круг читателей – всех, кому небезразлична история нашей страны и нашего народа.

УДК 355/359
ББК 63.3(2) 622 - 35

ISBN 978-5-7996-1797-4

© Дергачева М.И., Сухотина Л.Н.,
составление, комментарии, 2016
© Алексеев Д.В., оформление, 2016

*Посвящается 75-й годовщине со дня начала
Великой Отечественной войны*



Помните!

Через века,
через года
помните...

Р. Рождественский

К ЧИТАТЕЛЮ

Эта книга посвящена 22-й армии, сформированной в самом начале Великой Отечественной войны. В её рядах сражались воины, призванные из Кировской, Молотовской (Пермской), Свердловской, Челябинской областей, а также Удмуртской и Башкирской автономных республик. Командный состав армии был укомплектован из командиров Уральского военного округа.

Боевой путь 22-й армии был долог, труден и драматичен. За четыре года Великой Отечественной войны, с июня 1941 года по июнь 1945 года, армия прошла с боями свыше тысячи километров, неся потери, переживая поражения, упорно противостоя беспощадному и сильному врагу, добиваясь побед в борьбе с ним и освобождая свою страну от захватчиков.

В течение этих лет было освобождено от фашистов множество населённых пунктов, малых и больших городов Калининской, Псковской областей, Белоруссии, Латвии, Румынии. Спасены от полного разрушения такой значимый памятник отечественной культуры, как Пушкинские Горы – родовое гнездо А.С. Пушкина, город Полоцк – один из старейших городов Белоруссии, Рига – столица Латвии, и другие.

Воины 22-й армии проявляли в боях отвагу, мужество и героизм, за что были заслуженно отмечены высокими наградами. Звания Героя Советского Союза были удостоены десятки красноармейцев и командиров 22-й армии, среди которых: *Александр Матвеевич Матросов*, рядовой 2-го батальона 91-й стрелковой бригады 6-го стрелкового корпуса, закрывший своим телом

амбразуру дзота и тем самым обеспечивший продвижение наступающей стрелковой роты; *Александр Васильевич Пелевин*, старший сержант, командир отделения 67-го отдельного сапёрного батальона 28-й стрелковой дивизии, который вместе с тремя товарищами в течение ночи 23 декабря 1944 года разминировал и сделал «проходы» в проволочном заграждении обороны врага, чем обеспечил полкам дивизии успешное наступление; *Павел Тимофеевич Кривокорытов*, капитан, командир батареи 1040-го армейского противотанкового истребительного полка, артиллеристы которого в январе 1945 года без прикрытия стрелковых войск насмерть стояли, выдержав за 17 дней пять атак пехоты и танков противника на участке обороны 308-й стрелковой дивизии, и вышли победителями; *Евгений Антонович Мойзых*, старший лейтенант, командир пулемётного взвода 1336-го стрелкового полка 319-й стрелковой дивизии, который со своим взводом первым на подручных средствах форсировал реку Айвиексте в Латвии, отбил у гитлеровцев небольшой плацдарм на её западном берегу и, прикрывая пулемётным огнём, способствовал успешной переправе подразделений полка через эту водную преграду; *Абрам Григорьевич Шарытов*, ефрейтор, стрелок 247-го стрелкового полка 37-й стрелковой дивизии, который только в течение января 1944 года в боях уничтожил три огневые точки противника, свыше 70 вражеских солдат и офицеров; им было захвачено 10 пленных, доставлено из вражеского тыла три «языка»; *Александр Михайлович Беспалов*, комсорг батальона 578-го стрелкового полка 208-й стрелковой дивизии, отважно действовавший при штурме Кёнигсберга в апреле 1945 года, и другие.

Многие сотни воинов 22-й армии стали кавалерами орденов Отечественной войны I и II степени, Александра Невского, Богдана Хмельницкого, Красного Знамени и Красной Звезды; несколько тысяч бойцов заслужили медали и благодарности командования за свой боевой подвиг.

О 22-й армии писали в своих воспоминаниях многие военачальники, писатели и журналисты. И все же не все трагические и победные события, которые пережили воины этой армии,

в полной мере освещены в литературе, не все сведения о тяжелых боях, приведших в итоге к победе, доступны вниманию читателей.

Это и стало причиной создания настоящей книги воспоминаний непосредственных участников в боевых действиях 22-й армии. Она основана на присланных в Совет ветеранов 22-й армии и лично Н.П. Сухотину и И.А. Дергачеву письмах, текстах воспоминаний, справках и других документах. Все многочисленные документы принадлежат личным архивам подполковника запаса Ивана Алексеевича Дергачева и майора запаса, председателя Совета ветеранов 22-й армии Николая Петровича Сухотина. Личный архив И.А. Дергачева, в том числе все материалы, касающиеся Великой Отечественной войны, сберег свою целостность и находится на хранении у его дочери – М.И. Дергачевой, часть документов из личного архива Н.П. Сухотина передана его дочерью Л.Н. Сухотиной в Музей боевой славы Урала (г. Екатеринбург). Документы, материалы, вошедшие в книгу, поступали со всех концов Советского Союза. Идеологическая риторика тех лет и стиль авторских текстов составителями оставались без изменений. Из текстов, как правило, удалялись сведения о местах работы адресатов на момент написания воспоминаний и писем (это 70–80-е годы прошлого века) и адреса проживания.

Эта книга – не научно-аналитический труд историков-исследователей, насыщенный цифрами и фактами, изложенными в строгой хронологической последовательности. В издании собраны материалы и сведения, авторами которых выступили рядовые и сержанты, офицеры и генералы – непосредственные участники и вершители тех событий, о которых они пишут.

Николай Сергеевич Дронов, бывший председателем Совета ветеранов 22-й армии до 1979 года, сменивший его Н.П. Сухотин и бессменный заместитель председателя этого Совета И.А. Дергачев систематизировали воспоминания и письма и бережно их хранили, намереваясь использовать при создании отдельной книги о боевых действиях 22-й армии от первых до победных дней войны. Были написаны отдельные тексты, заметки, планы, но опубликовать их в полном объеме они не успели.

Составители – М.И. Дергачева и Л.Н. Сухотина – предприняли попытку воплотить их намерения, собрав бесценные документы-свидетельства в этой книге.

Настоящая книга состоит из трех частей.

В часть I – «Рубежи войны: боевой путь 22-й армии» – включены материалы, дающие представление о создании 22-й армии, о боевом пути этого крупного воинского соединения в составе разных фронтов в течение всей Великой Отечественной войны. Автор очерков «Боевой путь 22-й армии» и «Победа ковалась в 41-м» – подполковник запаса И.А. Дергачев, служивший в отделе связи 22-й армии с первых и до последних дней войны. Впоследствии он стал известным учёным, доктором филологических наук, профессором Уральского государственного университета, заслуженным работником культуры, членом Союза писателей.

В очерке П.О. Баумана, который во время войны был заместителем начальника штаба 22-й армии, на примере «Крустпилсской операции» виден масштаб и невероятная сложность задач, стоящих перед армией в тот драматический период Великой Отечественной войны. В тексте очерка, как и в других материалах, собранных в этой части, приведены подробные сведения о формировании, составе и боевых действиях 22-й армии, о структуре частей и соединений, о командующих и начальниках штаба армии в разные периоды её истории.

Ряд текстов в части I – «Справка о формировании 22-й армии и вступлении её войск в бои Великой Отечественной войны 1941–1945 годов», «Краткая историческая справка о боевом пути 22-й армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: к книге о 22-й армии», «Краткая справка о наступательных действиях войск 22-й армии по освобождению Латвии от немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» – написан Н.П. Сухотиным, майором запаса, бывшим начальником разведки штаба артиллерии 22-й армии. Описание событий и военных операций, проходивших в сложной, напряжённой обстановке начального

периода войны, включающее настоящие боевые Приказы, в соответствии с которыми и выполнялись эти действия, спланированные по дням и часам, воссоздавалось на основании его длительных и кропотливых поисков в Центральном архиве Министерства обороны СССР.

В части II сосредоточены документы о боевых действиях воинских соединений, входящих в состав 22-й армии. Это воспоминания командиров дивизий, полков и других подразделений. Их оценка событий тех лет даёт представление о сложной, хорошо продуманной и хорошо организованной структуре армии, о медицинских, хозяйственных и других управлениях и службах, об их чёткой и самоотверженной работе.

Невозможно равнодушно читать письма ветеранов-однополчан 22-й армии, присылавших в адрес Совета ветеранов со всех концов Советского Союза свои воспоминания, которые представлены в части III. Авторы этих писем – непосредственные участники военных событий, приведших к Победе над врагом в условиях, казавшихся непреодолимыми.

Внимательный читатель, возможно, найдёт в этих воспоминаниях некоторые расхождения в описании одних и тех же событий разными людьми. Но период написания документов – 70–80-е годы XX века. К тому времени прошли десятки лет с момента, когда эти события происходили. Возможно, некоторые названия, даты и цифры стёрлись из памяти авторов писем, но представляют интерес дела тех дней, воспринятые и запомнившиеся разными людьми по-своему, в зависимости от конкретных задач, стоявших перед ними, от степени ответственности и эмоционального состояния участников тех боевых действий. Однако, объединившись, эти воспоминания составляют более объёмную, живую общую картину, добавляют детали к восприятию описываемых событий и способствуют более полной их оценке.

В третьей части также приведены тексты заметок о событиях Великой Отечественной войны, написанные в разное время, публиковавшиеся в местной прессе и хранящиеся в личных архивах И.А. Дергачева и Н.П. Сухотина.

В течение всей Великой Отечественной войны в рядах 22-й армии сражалось в общей сложности 1 млн 100 тысяч бойцов. 22-я армия с честью и достоинством пронесла своё боевое знамя сквозь пламя войны к Победе.

В честь героизма бойцов, воинских частей и подразделений 22-й армии 7 мая 2014 года в центре г. Екатеринбурга на площади Советской Армии на здании окружного Дома офицеров Центрального военного округа была торжественно открыта памятная доска, на которой золотыми буквами высечены слова: «В память об уральцах, уральских соединениях и частях 22-й армии, вступивших в сражения с немецко-фашистскими захватчиками в первые дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.»

Прошло 75 лет с тех тяжких дней начала Великой Отечественной войны, когда воины 22-й армии одними из первых вступили в военные действия против фашистских захватчиков, и более 70 лет после её победного окончания. Но никогда не забудется подвиг воинов-победителей, сражавшихся во имя свободы своей страны, справедливости и мира.

М.И. Дергачева
Л.Н. Сухотина

ЧАСТЬ I
РУБЕЖИ ВОЙНЫ:
БОЕВОЙ ПУТЬ 22-й АРМИИ



БОЕВОЙ ПУТЬ 22-й АРМИИ

И.А. Дергачев

Много лет отделяет нас от того героического времени, когда в сражениях Великой Отечественной войны советский народ защитил независимость, свободу, спас мировую цивилизацию от фашизма. Но бег времени, как бы ни был он стремителен, не властен стереть из памяти это прошлое, одновременно и трудное, и славное. Наоборот, события Великой войны, подвиг Армии и Народа, одержавших историческую победу, видятся всё более величественными и масштабными. Значение этой победы не только в военно-политических итогах всемирного масштаба. Важен и бесценен также духовный, идейно-нравственный опыт войны. Вот почему мы возвращаемся мыслью к дням 1941–1945 годов.

Естественно, что лучше помнится о тех событиях, которые связаны с решительным разгромом фашизма. Но победа ковалась с первых дней войны и в приближении величественного дня Победы есть вклад 22-й армии, выдвинутой навстречу врагу с рабочего Урала.

Как-то позабылось, что ещё с 12 июня 1941 года эшелоны один за другим несли соединения и части Уральского военного округа в районы прежней государственной границы. Воины-уральцы грудью встретили врага, развивающего наступление, перемалывали его живую силу, уничтожали технику, навязывали свою волю. Но, обо всём по порядку.

В районы сосредоточения, указанные для уральской армии, которая должна была составить вместе с другими группу резервных армий, выехали: 112-я пермская, 153-я свердловская, 98-я ижевская, 170-я стерлитамакская, 174-я челябинская, 186-я уфимская стрелковые дивизии. Мы называем их так по месту довоенной дислокации. Они были объединены в два стрелковых

корпуса. 51-м командовал генерал-майор А.М. Марков, 62-м – генерал-майор И.П. Карманов. Полевое управление армии, её штаб были составлены из офицеров штаба УралВО (Уральского военного округа. – *Сост.*). Командовал армией генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков, членом Военного совета был генерал-лейтенант Д.С. Леонов, начальником штаба – генерал-майор Г.Ф. Захаров. Армия – сложный организм. В неё входили не только стрелковые соединения, но и артиллерийские полки: 56-й и 545-й КАП (корпусные артполки. – *Сост.*), 336-й, 390 и 391-й ИПТАП (истребительные противотанковые артполки. – *Сост.*), 183-й, 397-й и другие отдельные зенитные дивизионы, части связи: 31-й полк, 512-й, 517-й отдельные батальоны, 415-я телеграфно-эксплуатационная рота, 49-й дорожно-эксплуатационный полк, много полевых госпиталей, эвакоприёмник № 41, рота медицинского усиления, санэпидотряд № 36, головные склады, около ста тыловых частей и учреждений. Армия была многонациональной. Были соединения из Башкирии и Удмуртии.

Правым флангом армия заняла себежский укрепрайон, где вместе с частями укрепрайона оборонялась 170-я дивизия генерала Т.К. Силкина, 7 июля его сменил полковник Н.М. Ласкин. Левее, выдвинув передовой отряд далеко вперёд в район Краславы, заняла оборону 112-я дивизия (комдив Иван Андреевич Копяк – участник взятия Екатеринбурга [в 1919 г.], награждённый орденом Красного Знамени. Ещё левее была 98-я дивизия. Все они входили в 51-й стрелковый корпус.

112-я дивизия вступила в бой на шестой день войны. Её передовой отряд под командованием капитана П.В. Зорострова успешно отбивал атаки противника и нанес поражение 111-й ПД (пехотной дивизии. – *Сост.*) немцев. Наша дивизия затем заняла оборону по реке Сарьянка и продолжала перемалывать живую силу противника. Здесь отличился полк полковника Садова. 112-й стрелковой дивизии (с.д. – *Сост.*) была объявлена приказом благодарностью Военного совета армии.

Полоцкий укрепрайон занимала 174-я с.д., командир – комбриг А.И. Зыгин. Левее, в районе Улла – Бешенковичи, находились

части 186-й с.д. полковника А.П. Пилипенко. Ещё не развернувшиеся полностью западнее Витебска располагались части 153-й (в дальнейшем – 3-й гвардейской) дивизии полковника Н.А. Гагена. Дивизия выгрузилась на ст. Витебск 28 июня и 2 июля уже вступила в бои. Остальные дивизии вошли в соприкосновение с противником 7 июля. Против армии (фронт которой составлял 240 км) наступало более 12 моторизованных дивизий немцев, 3 танковых группировки (2 армейских корпуса, танковые группы Буша, Гота, 10-й армейский корпус 9-й армии). Части и соединения армии вели кровопролитные бои, проявляя героизм, стойкость, мужество. 153-я стрелковая дивизия принимала контратаки, нанося урон врагу.

Противник, воспользовавшись тем, что растянутый фронт не позволял надёжно прикрыть стыки, прорвался на стыке корпусов и при помощи десанта в триста человек, высаженного в районе Городка, перерезал дорогу снабжения. Под давлением превосходящих сил противника соединения армии вынуждены были отходить, ведя бои.

К 15 июля, обойдя обороняющиеся дивизии, значительные силы противника вышли в район Невеля, в 10 км от которого находился штаб армии. Разведгруппа немцев завязала бой с ротой охраны штаба армии. Управление войсками было нарушено. С разрешения Генштаба был отдан приказ об отходе частей армии на заранее подготовленную линию обороны в районе г. Великие Луки. Штаб армии переместился к станции Назимово. Оба корпуса оказались окружёнными. За пределами окружения находились лишь прибывшие 6–8 июля 214-я с.д., состоявшая из донецких шахтёров, 48-я т.д. (танковая дивизия. – *Сост.*), прибывшая с Дальнего Востока, но имевшая только небольшое количество учебных танков (она должна была получить боевую технику в районе Двинска, но не успела). Кроме того, в резерве армии оказалась 179-я с.д. и управление 29-го стрелкового корпуса (командир – генерал-майор А.Г. Самохин), выходявшие из боёв через боевые порядки армии. Противник, встречая сопротивление лишь действующей в качестве стрелковой

дивизии неполного состава 48-й танковой, рвался к Великим Лукам, важному стратегическому узлу. 179-я дивизия вела бои в районе г. Невеля (после этих боев в дивизии осталось 200 активных штыков). В обороне Великих Лук приняли участие 48-я танковая дивизия (комполка – Шукшин), ополченцы и сводный отряд, состоящий из связистов и солдат других специальных частей. Сложилось тяжёлое положение. Враг ворвался в город, завязались уличные бои, которые шли два дня (18 и 19 июля). 20 июля за нами оставалось лишь депо. Был получен приказ Ставки: «Великие Луки не сдавать». При участии подходящих к городу частей 214-й с.д. противник был выброшен из Великих Лук и отеснён на 5–6 километров от его окраин. Началась месячная оборона города. 61-й стрелковый корпус, хотя и с потерями, оторвался от противника, преследующего его, прорвал кольцо окружения и 26 августа занял снова оборону юго-восточнее Великих Лук. 153-я с.д. вышла в район 20-й армии и из состава 22-й армии с 15 июля выбыла.

Значительно сложнее пришлось 51-му корпусу, его дивизиям. Они были окружены, дороги отхода перерезаны крупными силами противника. 112-я и 98-я с.д. вели трёхдневные героические бои на шоссе Невель – Пустошка, в районе совхоза Репище, неся тяжёлые потери. Был ранен командир 112-й дивизии И.А. Копяк. Он продолжал руководить боем, лёжа на носилках. Эти дивизии, как и 170-я с.д., перестали существовать как соединения, хотя знамя 112-й с.д. было вынесено из окружения. Они были расформированы, а оставшийся в живых личный состав влился в другие соединения. <...>

Армия продолжала жить и сражаться, стойко отражая все попытки прорыва на Великолуцком направлении. Так было до 21 августа. 212-я, 186, 214, 126-я с.д. перешли по приказу командования в наступление. Армия была вдохновлена поражением немцев под Ельней. Части этих дивизий уже продвинулись на 6 км. Но фашисты собрали здесь большой кулак. Против армии действовало, кроме пехотной, две танковых дивизии полного состава и одна механизированная. Они смяли боевые

порядки наступающих, вышли на временный пункт управления армии в совхозе «Ушицы», стали окружать части и соединения, развёртывая наступление и на Великие Луки, и на Торопец. Армия в тяжёлых условиях окружения снова была вынуждена, ведя арьергардные бои силами артиллерийских полков, связистов и отдельных частей, прорывающихся из окружения, отходить на восток. Много мужества проявили солдаты и офицеры армии, продолжая сражаться в этих условиях, не пропуская врага, не давая совершить ему марш, отдавая с боем каждую пядь земли. Командующий армией Ф.А. Ершаков вышел из окружения только 10 сентября. Он был назначен командующим 20-й армией, снова попал в окружение и погиб в плену.

С 28 августа армией стал командовать генерал-лейтенант В.А. Юшкевич. Он командовал ею до 4 апреля 1944 года.

Начальником штаба с сентября 1941 года стал полковник, позднее генерал, М.А. Шалин. Генерал Г.Ф. Захаров был отозван в распоряжение Генштаба 16 августа. Членом Военного совета с октября стал генерал-лейтенант А.М. Катков. Генерал Д.С. Леонов вошёл в состав Военного совета Калининского фронта.

На рубеже Западная Двина – северный Андреаполь – станция Торопа армия вела оборонительные бои до начала октября, предпринимая контратаки, отесняя назад противника, пытавшегося улучшить позиции. Особенно успешными были действия 256-й с.д. Однако глубокий прорыв немцев на Ржевском направлении заставил Ставку дать 22-й армии директиву оторваться от противника и занять новый рубеж обороны по Волге – от оз. Волго до Сытьково. Успешно осуществив передислокацию, соединения армии отражали все попытки фашистов с ходу форсировать Волгу.

Когда в отдельных местах немцам удалось навести переправы, был взорван так называемый Волжский бейшлот – плотина, регулирующая сток Волги. Валом воды высотой в 4 метра были снесены 100 километров переправы. В течение октября – декабря, не получая пополнения, которое было необходимо для зимнего контрнаступления под Москвой, армия вела оборонительные

бои, сохраняя (вместе с 27-й армией) плацдарм для будущего наступления 4-й ударной армии, не давая соединиться московской и ленинградской группировкам противника. В обороне стояли 178-я, 179, 186, 220-я с.д., 250-я т.д.

В середине января 1942 года, после успешного наступления 4-й ударной армии, 22-я армия получила приказ перейти в наступление на Нелидово – Белый. Армия была усилена рядом соединений. В наступление шли 119-я (ставшая затем 17-й гвардейской) стрелковая дивизия, 178-я (вскоре переподчинённая 31-й армии) и 186-я стрелковые дивизии. Прибыли 155-я (бывшая 4-я московская коммунистическая), 158-я (ополченцы Москвы), 362 и 360-я стрелковые дивизии. Выйдя из района Белый, армия охватила ржевскую группировку противника с запада. Фронт её оказался повернутым на юг и восток. Бои велись в течение всего 1942 года. Задача сковывать силы немцев, чтобы не дать возможности им перебросить подкрепление на юг, была выполнена. Предпринимались отдельные попытки окружить фашистов, сделать Ржевский котел, но они не увенчались успехом. В конце 1942 года в этих боях участвовал танковый корпус М.Е. Катукова. Для координации действий приезжал маршал Г.К. Жуков.

В феврале 1943 года в армию прибыл новый начальник штаба – генерал-лейтенант Николай Сергеевич Дронов. А в самом начале марта, передав свои соединения 39-й армии, штаб и отдельные части, включая все тыловые, были перебазированы на правый фланг Калининского фронта, в район г. Холм. В состав армии здесь вошли: 2-й гвардейский стрелковый корпус (45-я лыжная бригада, 8-я гвардейская Панфиловская дивизия, 33-я и 117-я стрелковые дивизии) и 6-й стрелковый корпус, состоящий из бригад: 54-й, 74, 91, 78, 75, 46 и 150-й дивизии, которая прославит себя взятием рейхстага. Армия занимала фронт от Холма до Великих Лук. Здесь постоянно велись бои местного значения. В марте же 1943 года была предпринята попытка прорвать оборону противника на направлении Насва, но успехом она не увенчалась. Во время боёв по прорыву обороны под

Чернушкой был совершён подвиг Александра Матросова. Памятник этому отважному воину, не пожалевшему жизни для успеха дела, для уничтожения фашистской нечисти, стоит в Великих Луках. <...>

1943 год прошёл в оборонительных боях. Только к концу года были взяты Новосokolьники, и Москва салютовала нашей армии. В Новосokolьниках было захвачено большое количество паровозов.

В 1944 году армия, пополненная новыми дивизиями, среди которых была 43-я гвардейская латышская стрелковая дивизия, 26-я и 115-я стрелковые дивизии и некоторые другие, провела наступательную Насвинскую операцию, подробно описанную в романе В. Лациса «Буря». Приходилось брать так называемые Беженицкие высоты. <...>. С марта 1944 года в армии пребывала группа членов правительства Латвийской ССР.

Сразу же после этого, перегруппировав силы к правому флангу, армия получила боевую задачу создать плацдарм на реке Великой, севернее Пушкинских Гор, Михайловского, Тригорского – пушкинских мест, имена которых дороги сердцу каждого, а создав его, развивать наступление с целью перерезать пути отхода ленинградской группировке противника. Армия успешно справилась с первой частью задачи. Плацдарм силами 115-й, 33, 26-й с.д. и 8-й гвардейской с.д., при очень большом участии 1040-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка, был захвачен и удержан. Просьба командующего армией об усилении её корпусом, который можно было бы ввести в бой, развивая успех, не была принята. Командование фронтом передало участок севернее Пушкинских Гор сначала 10-й гвардейской армии, а через несколько дней – 1-й ударной армии, оставив дивизии, находящиеся на плацдарме, в составе 10-й армии.

22-я армия была передислоцирована в район западнее Невеля с задачей участвовать в летней операции по освобождению Белоруссии и Прибалтики. Она действовала на направлении Россоны – Клястицы – Освея, граница Латвийской ССР. Армия оказалась в тех самых местах, где вели бои героические 112-я

и 98-я стрелковые дивизии. В Освее находился в начале войны штаб 51-го стрелкового корпуса. На реке Сарьянке дивизии корпуса вели успешные оборонительные бои.

11 июля 1944 года армия перешла в наступление, к 18 июля она прошла более 120 километров, разгромив ряд частей и соединений немцев, усиленный батальон которых (до тысячи человек) был окружён в лесах севернее Клястицы. Здесь армию встретили героические белорусские партизаны, которые с 1941 по 1943 год держали в своих руках три района: Освейский, Россонский, Клястицкий, не допуская немцев на свою территорию. Здесь два года действовала советская власть, части партизанской армии держали под своим контролем дороги. Встреча с партизанами как-то особенно заставила почувствовать единство народа, воюющего там, где только встречается враг, не склонного возлагать задачи борьбы на кого-то другого. Фронт и тыл за линией фронта были сжаты в единый могучий кулак.

18 июля 1944 года части 130-го латышского с.к. перешли границу своей республики. Вместе с ними перешли границу члены правительства во главе с председателем Совета Министров Латвийской ССР Вилисом Лацисом. <...>

Дальнейшие операции на территории Латвийской республики, где армия имела в своём составе 130-й латышский с.к., 100-й и 90-й с.к., развивались успешно. В них отражались решительные сдвиги, которые произошли в соотношении сил, в оснащённости армии техникой.

Враг всё ещё был сильным, но мощь огня, быстрота нашего маневра, опыт ведения боёв были уже совершенно иными. Заботы партии о перестройке промышленности и мобилизации усилий всех трудящихся на создание техники, которой можно нанести решающий удар по врагу, разгромить его наголову, о подготовке офицерских кадров и в целом боевых резервов – всё теперь облегчало выполнение собственно военных задач. Остановлюсь еще только на одной операции – Крустпилсской, являющейся образцовой, свидетельствующей о выдающемся мастерстве военачальников.

С апреля 1944 года командующим армией был назначен генерал-лейтенант Г.П. Коротков. Армия в течение суток повернула ударные части на 90 градусов и нанесла мощный решающий удар по противнику, не ожидавшему наступления с этой стороны. Крустпилс же – важный стратегический пункт, освобождение которого позволило быстро продвинуться армии до района Огре. В дальнейшем армия была передислоцирована на левый берег Даугавы. В Рижской операции, закончившейся освобождением столицы Латвии, она действовала с юга, со стороны Елгавы. Части 130-го с.к. участвовали в этой операции и одними из первых вошли в левобережную часть города. В приказе Верховного командования среди войск, освободивших Ригу, были названы также части генерала Г.П. Короткова и генерала Д.К. Бранткална, командира 130-го латышского стрелкового корпуса.

Ряд частных операций, имевших целью сковывать противника, не давать ему возможности вывести трехсоттысячную армию из Курляндии, чтобы встретить этими силами нас под Берлином, армия также провела успешно. Здесь важна была демонстрация полной серьёзности намерений и достаточной мощи для их осуществления. Армия всё это делала умело, операции её приезжали координировать маршал Василевский и маршал артиллерии Воронов.

В середине апреля 1945 года, сдав участок обороны другим армиям, 22-я армия была передислоцирована в район Бухареста (Румыния). Вместе со штабом армии и всеми её частями в Румынию были направлены дивизии бывшего Ленинградского фронта, к этому времени расформированного. В августе 1945 года, сдав соединения и многие части Одесскому военному округу, штаб армии прибыл в Крым.

Маршал А.И. Ерёменко высоко ценил чёткость работы штаба 22-й армии, стойкость её солдат и офицеров.

Просматривая боевой путь армии, задумываешься: а что же она совершила такого, что должно остаться в памяти потомства, ему в поучение?

И ответ находится: величие нашей Победы в том, что её ковали все и везде. Все воины. Весь народ. <...>

Кровь, пролитая нашими воинами в изнуряющих и гибельных сражениях 1941 года, обернулась Победой 1945 года.

Стойкость и мужество, терпение и воля к победе характеризовали 22-ю армию на всех этапах её боевого пути – пути славного, пути, которым может гордиться страна и Урал, давший своих сыновей фронту: и Уральский военный округ, создавший штаб высокой культуры, и партийная организация области, воспитавшая настоящих советских людей, и все люди Каменного пояса, родные нам уральцы.

г. Свердловск, 1978 год. Публикуется по машинописному подлиннику с рукописной правкой и личной подписью автора. Личный архив И.А. Дергачева, дело 610, ед. хр. 4, л. 1–9.



Иван Алексеевич Дергачев (1911–1991) начал участвовать в военных действиях с 30 июня 1941 года младшим лейтенантом, командиром взвода телефонно-телеграфной роты 31-го отдельного полка связи 22-й армии. День Победы встретил подполковником, офицером штаба этой армии, так что на протяжении всей войны он был свидетелем и участником напряженной работы не только связистов, но и других родов войск. Награждён орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, а также медалями «За боевые заслуги» и «За Победу над Германией». После окончания войны вернулся к своей мирной профессии, стал доктором филологических наук, членом Союза писателей, Заслуженным работником культуры. До последних дней был профессором Уральского государственного университета. С момента образования Совета ветеранов 22-й армии был заместителем председателя, активно участвуя в сборе материалов о боевом пути армии. В его личном архиве, находящемся у М.И. Дергачевой, имеются письма участников войны, воевавших в составе 22-й армии, а также много рукописных и машинописных текстов, схем и фотографий, часть из которых вошла в настоящую книгу.

ПОБЕДА КОВАЛАСЬ В СОРОК ПЕРВОМ

И.А. Дергачев

Перед самой войной

Ещё было безоблачным небо над страной, но война уже стояла на самом пороге нашего мирного дома. Предпринимая дипломатические шаги, чтобы оттянуть её начало, правительство всё же усиливало оборонительную готовность нашего государства.

Генеральный штаб принимал меры по укреплению нашей обороны. Тринадцатого мая начальник Генерального штаба отдал распоряжения о выдвижении 21-й, 22 и 19-й армий из Уральского, Приволжского и Северо-Кавказского военных округов на рубеж Западной Двины и Днепра. Их сосредоточение в районе будущей дислокации предусматривалось в срок до третьего июля. Группа этих армий составляла резерв Главного командования. Двадцать первого июня командование этой группой было возложено на Маршала Советского Союза С.М. Будённого.

Ещё в мае дивизии Уральского военного округа были пополнены за счёт призыва на трёхмесячные сборы офицеров, сержантов и солдат, находившихся в запасе. Дивизии эти были уральскими не только по месту постоянной дислокации, но и по составу.

Во исполнение указаний Генерального штаба эшелоны дивизий, корпусных управлений, их частей и штаба 22-й армии, сформированного из офицеров штаба УралВО (Уральского военного округа. – *Сост.*), уже с 12 июня, то есть за десять дней до войны, начали отправляться по чёткому графику к месту назначения. Стоявшие в местах лагерных сборов части соединений поднимались по тревоге и грузились в эшелоны. Мысли о близкой войне все как-то старались отгонять, шли разговоры лишь о предстоящем участии в больших военных маневрах.

Первой прибыла на место 112-я стрелковая дивизия из Пермской области. С 17 по 21 июня её части, выгрузившись на станции Дретунь, разместились в прилегающих лесах. Но уже в первый день войны, 22 июня, на станцию, где находилось ещё неразгруженное боевое имущество дивизии, фашисты совершили налёт, в котором участвовало до сорока самолётов. Появились первые жертвы, но их было немного, благодаря верному решению по размещению войск, принятому командиром дивизии комбригом Я.С. Адамсоном.

Первые эшелоны сформированной в Башкирии 186-й стрелковой дивизии подходили к той же станции Дретунь начиная с вечера 21 июня. За неделю, с 21 по 28 июня, прибыли все части 98-й стрелковой дивизии Удмуртии. Полки свердловской 153-й стрелковой дивизии выгрузились в районе Витебска к 28 июня. В те же дни собрались в район Дретуни части 174-й дивизии челябинцев, хотя некоторые эшелоны её задержались до начала июля.

Одновременно со стрелковыми частями перемещались и артиллерийские части округа – 545-й и 46-й корпусные, 360-й, 390-й гаубичные артиллерийские полки, зенитные дивизионы.

Отдельный батальон связи округа на Западной Двине пополнился личным составом и техникой, и на его базе были сформированы 31-й отдельный полк, 512-й, 517-й батальоны связи, а также несколько отдельных строительных и эксплуатационная роты. Пополнение связистов из Свердловска прибыло в Невель 30 июня.

В составе частей армии также были отдельный батальон охраны штаба, 135-й автобат, сапёрные батальоны, 49-й дорожно-эксплуатационный полк, несколько полевых подвижных госпиталей, рота медицинского усиления, головные склады, полевая почта и прочие.

Полевое управление армии выехало двумя эшелонами, прибыло полностью к 25 июня и разместилось в Великих Луках. Командовал армией генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков, участник гражданской войны, окончивший Военную академию

имени М.В. Фрунзе, членом Военного Совета стал корпусной комиссар Д.С. Леонов, начальником штаба – генерал-лейтенант Г.Ф. Захаров – выпускник Академии Генерального штаба, который в УралВО также возглавлял штаб. Артиллерией армии командовал генерал-лейтенант П.Н. Ничков; военно-воздушными силами – полковник Антошин; начальником оперативного отдела был полковник Нерянин, разведывательного – майор Непобедимцев. Во главе отдела связи стоял полковник П.К. Панин, впоследствии генерал-лейтенант, начальник связи 2-го Прибалтийского фронта. Заместителем командующего по тылу был генерал-майор А.И. Вострухов. Во главе других отделов штаба и управлений тыла стояли также бывшие офицеры штаба УралВО и его тыловых служб.

На базе окружной военной газеты сформировалась редакция армейской газеты «Вперёд за Родину», редактором которой был назначен военный журналист А. Кузьмин.

Войска армии сосредоточились на старых славянских землях, где за длительную историю Руси не раз отражались нападения врага. Полоцк – один из древнейших белорусских городов, сведения о котором в летописных сводах начали появляться с 862 года, Витебск носит своё имя с 1021 года. Названия других местечек, где вскоре предстояло развернуться боевым действиям армии, также вызывают в памяти то упорные бои Петра I со шведами (под Себежем) во время Северной войны, то волнующие эпизоды разгрома наполеоновских войск (под Клястицей). Обильно были политы кровью русского народа берега Западной Двины, узкие дефиле между большими озёрами, дороги, проходящие сквозь строй высоких сосен, зелёные поляны среди густых широколиственных лесов. Здесь и предстояло уральцам встретить врага.

25 июня армия получила приказ штаба группы маршала С.М. Будённого организовать оборону на линии Сущёво – Новосокольники – Невель – Витебск. Но, поскольку обстановка менялась стремительно, уже через два дня задачу уточнили: армии предписывалось держать оборону по среднему течению

Западной Двины от латвийского города Краслава до Витебска (полоса фронта до 260 км).

Надо было перебросить дивизии к участкам их обороны в сжатые сроки. Местами удавалось использовать железную дорогу, автотранспорт, но многие части делали до сорока километров в день в пешем строю. Хотя война была всё ещё где-то там, впереди, чувство сжатого, спрессованного и угрожающего времени не покидало ни командование, ни офицеров, ни солдат.

До начала июля заняли линию обороны все дивизии армии. К этому времени они уже оборудовали позиции, создавали полосы препятствий, строили дзоты, подготавливали наблюдательные пункты. На правом фланге находились соединения 51-го стрелкового корпуса генерал-майора А.М. Маркова. Входящая в его состав 170-я дивизия под командованием генерал-майора Т.К. Силкина занимала позиции в Себежском УР (укреплённом районе. – *Сост.*) В оперативном подчинении командира этой дивизии состояли, кроме того, отдельные пулемётные батальоны укрепрайона. Доты УР были в порядке, так как их подновляли в 1938–1939 годах. Опираясь на систему пулемётного огня и артиллерии корпуса и дивизии, наши войска могли здесь успешно обороняться и надёжно прикрывать стык Западного и Северо-Западного фронтов.

112-я дивизия того же 51-го стрелкового корпуса заняла оборону почти на самой границе Латвийской ССР – по речке Сарьянке южнее озера Освея. Командовал этой дивизией участник гражданской войны, награждённый за бои по освобождению Екатеринбурга орденом Красного Знамени, полковник И.А. Копяк. Комбриг Я.С. Адамсон был отозван в Пермь для формирования новых соединений.

98-я дивизия под командованием генерал-майора М.Ф. Гаврилова заняла рубеж Дрисса – Дисна, левофланговый в линии обороны 51-го стрелкового корпуса. В подчинение ей были переданы части 126-й стрелковой дивизии полковника Е.В. Бедина. Эта дивизия, начав свой путь в войне с кровопролитных боёв

на Немане в районе города Алитус, затем отступала с боями и вышла в район обороны нашей армии.

В центре фронта армии Полоцкий УР обороняли два полка 174-й дивизии генерал-майора А.И. Зыгина. В его оперативном подчинении было также пять отдельных пулемётных батальонов, составлявших гарнизон УР. Левее, на участке от районного центра Витебской области Улла до местечка Бешенковичи, оборудовала свои позиции 186-я дивизия генерал-майора Н.И. Бирюкова. На фланге армии западнее Витебска, прикрывая стык с 19-й армией, заняла оборону 153-я стрелковая дивизия полковника Н.А. Гагена. Но сразу после начала активных боевых действий (уже с 5 июля) эта дивизия была выведена из состава 22-й армии и подчинена 20-й. <...>

Последние три дивизии составляли 62-й стрелковый корпус генерал-майора И.П. Карманова.

В районе Невеля в армейском резерве оставался один полк 174-й дивизии. Кроме того, в состав армии 29 июня был включён 29-й стрелковый корпус генерал-майора А.Г. Самохина. Кроме корпусного управления, батальона связи и артиллерийского полка, в корпус входила всего лишь одна – 179-я – стрелковая дивизия полковника Н.Г. Гвоздева, которая располагалась около совхоза «Ушицы» (близ станции Кунья). Начав бои ещё до того, как успели развернуться его другие дивизии, корпус вскоре оказался обескровленным и был выведен сначала в район Свенцяи, а оттуда – под Великие Луки.

29 июня командный пункт армии был переведён в лес, десятью километрами севернее Невеля.

Уже начинался июль. Положение на фронтах всё обострялось. Попытки Советской Армии удержать фашистские орды, измотать их контратаками танковых соединений (в которых участвовало с нашей стороны до 1400 танков) и не дать им выйти на Западную Двину и Днепр успеха не имели. Силы были пока неравными. Авиация немцев безусловно господствовала, несмотря на весь героизм советских лётчиков. Всё ещё действовал фактор внезапности. Важно было во что бы то ни стало задержать

противника, создать плотный фронт обороны, чтобы подтянуть резервы из тыла, сформировать новые дивизии. Здесь был важен каждый день. В сражении, развернувшемся на Западной Двине под Полоцком, 22-я армия выиграла почти две недели. Это был уже подвиг.

До того как развернуться ожесточённому Полоцкому сражению, армия провела своеобразную разведку боем.

Своеобразную потому, что немецко-фашистские войска группы «Север» стремительно продвигались в направлении к Двинску (Даугавпилсу). Передовые части вражеских танковых дивизий вот-вот могли выйти к городу, форсировать Западную Двину и беспрепятственно двинуться по правому её берегу на восток, не давая развернуться главным силам нашей армии. 25 июня 112-я дивизия получила задачу форсированным маршем выйти в район Краславы, перекрыв дорогу от Двинска. От станции Дретунь до Краславы – около 150 километров, и марш дивизии мог занять 4–5 дней. Поэтому решили, упреждая фашистов, выбросить им навстречу на машинах передовой отряд дивизии. Командиром отряда назначили капитана П.В. Зороастрова, опытного артиллерийского офицера. В состав отряда вошёл отдельный разведывательный батальон, артиллерийский дивизион на быстроходных тракторах, а также две усиленные стрелковые роты 395-го стрелкового полка. 26 июня отряд занял оборону под Краславой, окопавшись на господствующей над городом высоте Замковой. В этот день немцы заняли Двинск. Передовой отряд дивизии запоздал. 27 июня он вступил в бой с противником. Прочно зарывшись в землю, несмотря на ожесточённые бомбёжки авиации, отряд не только удерживал позиции, но переходил в контратаки и трижды выбивал фашистов из города. К первому июля основные силы дивизии также стали подтягиваться в этот район. Но обнажение фланга Западного фронта в связи с отходом соединений Северо-Западного фронта заставило командование армии отвести дивизию на рубеж от озера Освея, где она занимала позиции на реке Сарьянке.

С передовым отрядом 112-й дивизии был известный кинооператор Роман Кармен. Он заснял ряд эпизодов этих боёв, в которых солдаты и офицеры поняли, что хваленые немецкие войска можно бить, истреблять, не пропускать, навязывать им свою волю. Много фашистов полегло в боях с отрядом капитана П.В. Зороастрова.

Армия напряглась, изготовилась, жерла орудий смотрели на запад, непрерывно работала разведка, прощупывающая, что же происходит перед фронтом, в предполье её обороны. Шли вереницы обозов с беженцами, гнали скот, везли нехитрый скарб. Двигалось само человеческое горе.

Армейские связисты пробивались по уцелевшим проводам на запад, стремясь получить дополнительные сведения о противнике, о его продвижении. Советские люди чувствовали себя на посту, даже оставаясь в тылу вражеских войск. Они передавали сведения о количестве боевой техники фашистов.

Отходили группы солдат и офицеров, потерявших свои подразделения, шли отдельные части, которые уже были небоеспособны и выводились на переформирование. Встречи с ними позволяли прикоснуться к самой войне. Складывался рабочий опыт войны.

Пройдёт совсем немного времени, и 22-я армия будет участвовать в сражении, которое потом получит название Полоцко-го. Это существенная часть Смоленской оборонительной операции. Неполностью развернувшиеся части и соединения армии уральцев примут на себя удары до 16 бронетанковых, моторизованных и пехотных дивизий гитлеровцев, поддерживаемых мощными соединениями авиации 8-го авиационного корпуса Рихтгофена и других соединений немецких воздушных войск.

Полоцкое сражение

Немецкое командование придавало захвату Полоцка большое значение. Оно полагало, что ударом по правому флангу Западного фронта, который оборонялся 22-й армией, можно обеспечить решающий успех всей группы армий «Центр».

Наше командование понимало намерение гитлеровцев. В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза А.И. Ерёменко, назначенный 2 июля 1941 года заместителем командующего Западным фронтом, пишет: «Замысел противника заключался в том, чтобы уничтожить армию и выйти на фланг и в тыл всего Западного фронта. Для этого наносились концентрические удары по трём направлениям: на правом фланге – через Себеж и Идрицу силами 10-го армейского корпуса, в центре – через Дисну и Борковичи силами 57-го моторизованного корпуса и на левом фланге – через Городок на Великие Луки частями 39-го моторизованного корпуса. В центре удар носил вспомогательный характер. Он должен был сковать 22-ю армию с фронта, в то время как она будет окружена фланговыми ударами».

События самого сражения развивались так.

4 июля узел связи армии, где до этого текла размеренная жизнь, оказался в центре внимания офицеров всех управлений и отделов штаба. В течение дня поступали всё новые и новые сведения о приближающемся противнике, о выходе его передовых отрядов к позициям дивизий, о попытках захватить переправы. Ожидание кончилось. Вся армия вступила в бои.

Раньше всего о том, что разведка обнаружила движение крупных сил противника в направлении к Западной Двине по дорогам на Уллу и Бешенковичи, сообщил командир 186-й дивизии. Это была 20-я танковая дивизия немцев. После четырёхдневных боёв под Лепелем она получила задачу форсировать Западную Двину.

Командир 186-й дивизии принял меры, чтобы встретить противника во всеоружии: уплотнил оборонительные порядки полков, введя батальоны, только что выгрузившиеся из последних эшелонов дивизии, за счёт наших частей, отходивших от Лепеля, усилил артиллерийскую группу. Кстати, в расположение дивизии вышли также подразделения курсантов Лепельского миномётного училища. От Лепеля до Уллы вражеские части двигались походным порядком, с развёрнутыми знамёнами, без каких-либо групп прикрытия.

Уверовав в расчёты Генерального штаба вермахта, немцы решили, что они уже уничтожили все военные силы СССР, и полагали, что на Двине и Днепре русских уж никак быть не может. Именно подобный расчёт лежал в основе плана «Барбаросса». Но фашисты просчитались.

По воспоминаниям генерала Н.И. Бирюкова, дивизия уральцев сумела уничтожающим огнём трёх дивизионов артиллерии накрыть колонны врага в междуозёрном дефиле. На картах, захваченных у пленных офицеров вермахта, частей Советской Армии в полосе Улла – Бешенковичи не числилось. Изрядно потрепанные нашими огневыми налётами полки немецкой дивизии были вынуждены долго приводить себя в порядок. Только вечером они вышли к мостам через Западную Двину. Несмотря на сильные атаки при поддержке авиации (на бомбёжку заходило одновременно до шестидесяти фашистских самолётов), захватить переправы враг так и не смог. Нашими войсками мосты через реку были взорваны.

На другой день, имея абсолютное превосходство в силах, особенно в танках, авиации, миномётах, немцы пытались создать плацдармы на северном берегу Западной Двины. Сильными контратаками уфимская дивизия отбрасывала передовые эшелоны противника на левый берег. Многие фашистские солдаты «нашли себе могилу в водах реки», как говорилось в боевом донесении штаба.

В сводке за этот день сообщалось: «На Полоцком направлении всю ночь шли ожесточённые бои с противником, пытавшимся форсировать реку Западная Двина. Все атаки противника отбиты с большими для него потерями». Так боевые действия уральцев вошли в сообщения Совинформбюро.

В планах немецкого командования задержка на Двине не предусматривалась. Штаб гитлеровской 3-й танковой группы Гота планировал здесь прорыв обороны с ходу. По его расчётам, танковая дивизия вермахта к вечеру 6 июля должна была достигнуть уже города Велижа, находящегося километрах в двухстах восточнее Западной Двины в районе Уллы.

Враг не принял во внимание мужество и стойкость уральцев. В первые же дни боёв 22-я армия начала навязывать противнику свою волю.

5 июля в глубоком тылу 186-й дивизии, в районе местечка Городок, немцы высадили авиадесант. Триста фашистских диверсантов пытались захватить населённый пункт, но были истреблены тыловыми частями. Появление противника в тылу не внесло смятения в ряды бойцов. Дивизия продолжала обороняться.

6 июля немцы подтянули переправочные средства и при поддержке авиации снова атаковали наши войска. Ожесточённые контратаки наших частей успеха не имели. Фашистам удалось захватить плацдармы. 8 июля некоторые подразделения дивизии были потеснены. Однако правый фланг её стойко удерживал район Уллы, не давая противнику продвинуться. Оборона Уллы отмечалась в сводке Совинформбюро.

Первая неделя боёв на участке 170-й дивизии стерлитамакцев складывалась не совсем удачно. Вечером 4 июля две пехотные дивизии немцев вышли к полосе её обороны. Позднее, как об этом пишет Д.Д. Лелюшенко, сюда же была брошена гитлеровским командованием ещё и дивизия СС «Мёртвая голова». Немецкую пехоту поддерживали танки. Авиация противника господствовала в воздухе. Положение особенно обострилось, когда под давлением немцев некоторые подразделения пулемётных батальонов начали отходить, не имея на то приказа. Возникла опасность выхода противника на фланг стойко обороняющегося 717-го стрелкового полка майора Гогиайшвили.

Приехавший в армию заместитель командующего фронта, тогда генерал-лейтенант А.И. Ерёмченко, был как раз на этом участке. Он помог командованию дивизии организовать управление боем, поддерживал боевой дух солдат. 8 июля контратакой со стороны городка Клястицы, обратив противника в бегство, дивизия полностью восстановила положение и удерживала рубежи в Себежском укреплённом районе до тех пор, пока отход на северо-запад соединений 27-й армии не открыл её правый фланг.

Ожесточённые бои в районе Дриссы вела с 4 июля также 112-я дивизия. Ей приходилось отражать немецкие атаки, в которых участвовало до шестидесяти танков. Так было, например, на участке 416-го полка 7 июля. Только в боях с 8 на 9 июля, по оценке представителя штаба армии, уральцы уничтожили до 5000 солдат и офицеров противника. Вплоть до 14 июля дивизия вела сдерживающие бои, хотя и была несколько потеснена.

Соседняя, 98-я стрелковая дивизия, усиленная частями 126-й дивизии, вела упорные бои севернее местечка Дисна, где немцы также стремились форсировать Западную Двину. 7 июля, под давлением немецких танков, дивизия отошла за реку Дриссу, взорвав через неё мосты, и продолжала настойчиво контратаковать немцев, наступавших на её позиции, как сказано в боевом донесении, «мощными силами». В сводке Совинформбюро были отмечены боевые действия 98-й дивизии, не давшей врагу осуществить свои планы.

Наиболее устойчиво оборонялась 174-я стрелковая дивизия, опиравшаяся на сооружения Полоцкого укрепрайона. На её правый фланг в районе Дисны наступали две немецкие дивизии: 19-я танковая и 14-я моторизованная. Гитлеровцы придавали этому направлению особое значение. 174-я дивизия контратаковала. В боевом донесении генерал А.И. Зыгин писал, что «немцы не выдерживают штыкового удара». Г. Гот, командовавший фашистской танковой группой, в своей книге «Танковые операции» специально останавливался на боях его войск на этом направлении. Дважды – 5 и 6 июля – части немецких дивизий были выброшены с плацдармов, которые им удавалось захватить. Г. Гот пишет: «С трудом отражая многочисленные атаки противника и налёты его авиации, дивизия (Гот имеет в виду свою 19-ю танковую дивизию.– *Сост.*) смогла удержаться и в последние дни расширила плацдарм». Но тут же добавляет: «О продвижении нечего было и думать». 174-я дивизия челябинцев прочно удерживала свои рубежи. По оценке командования нашей армии, она «проявила исключительное упорство, героически сражалась».

За бои на Западной Двине командир дивизии генерал А.И. Зыгин был награждён орденом Ленина, комиссар дивизии А.Г. Евсеев – орденом Красного Знамени.

Прорыв немцев к Витебску южнее Бешенковичей и захват ими города обнажили фланг армии. Частью сил немцы повели наступление на север. 9 июля передовые отряды моторизованного корпуса достигли местечка Городок и заняли его.

Для того чтобы не допустить дальнейшего продвижения противника в район Невеля, что грозило окружением ряда наших частей, командование армии сформировало подвижной отряд, состоящий из двух дивизионов 697-го истребительно-противотанкового полка, только что прибывшего из Московского военного округа, одной роты полка 174-й дивизии из резерва армии и некоторых подразделений батальона охраны армейского штаба под командованием старшего лейтенанта Н.Д. Пластинкина. Обстановка была столь напряжённой, что батальон охраны, который всегда должен был бы находиться вблизи командного пункта армии, в течение месяца участвовал в боях одиннадцать раз!

Командиром одного из артиллерийских дивизионов, вошедших в подвижную группу, был капитан А.В. Чапаев, сын знаменитого героя гражданской войны. Солдаты его дивизиона с гордостью называли себя чапаевцами. Армейская газета «Вперёд за Родину» посвятила боевым делам командира и его подчинённых целую полосу.

Подвижная группа, умело маневрируя артиллерией и несколькими танками батальона охраны, выбила немцев из Городка и удержала позиции. На другой день подвижной отряд был заменён частями 214-й стрелковой дивизии генерал-майора А.Н. Розанова, сформированной в Донбассе. Она прибыла на фронт из резерва командования только 8–9 июля, а 10 июля уже заняла позиции, прикрывающие открытый фланг севернее Городка, и удерживала их. Хотя Городок 12 июля немцы захватили, основные позиции шахтёров были уже хорошо укреплены, и дивизия отразила все попытки противника продвинуться в направлении Невеля.

Чтобы прикрыть оголённый правый фланг армии, 170-я дивизия после 12 июля начала отходить на восток, к Идрице. Она сдерживала противника, наносила ему урон, однако самой ей также приходилось защищаться не только от фронтального нажима врага, но и прикрывать фланг с севера.

К 14 июля обстановка сложилась следующим образом. Фашистские дивизии с севера и юга охватывали соединения армии полукольцом. Кроме того, между дивизиями образовались бреши во фронте. Удерживать прежние позиции в этих условиях означало поставить под удар всю армию, весь её боевой состав, способный на дальнейших рубежах нанести врагу ещё не один удар. Военный Совет армии доложил командующему Западным фронтом обстановку и просил разрешить с 14 по 18 июля провести отход на новую оборонительную линию, подготовленную западнее и южнее Великих Лук.

15 июля маршал С.К. Тимошенко приказал командующему армией «с боями, спокойно, изматывая противника последовательно отводить армию на тыловой рубеж».

Но во второй половине дня 14 июля в районе Дисны, на стыке обороны наших 98-й и 174-й дивизий, 19-я танковая и 14-я моторизованная дивизии немцев прорвали оборону и стали стремительно продвигаться в сторону Невеля через Дретунь одной колонной и через Клястицы – другой. В ближайших тылах обороняющихся частей резервы были ничтожно малы, заслоны, выставленные на пути танков и мотопехоты, смяты. 15 июля, рассекая армию на изолированные группировки, фашисты вышли к самому Невелю. В бой с ними были введены части 48-й танковой дивизии полковника Д.Я. Яковлева, находившейся в резерве фронта. Эта дивизия, стоявшая на Дальнем Востоке, ещё до начала войны была направлена в Прибалтийский военный округ, где должна была получить новую боевую технику. 6 июля её эшелоны в связи со сложившейся обстановкой были задержаны в пути и были выгружены в районе станций Чернозём и Невель. Дивизия располагала 98 танками учебного назначения с малым моторесурсом. Только 15 танков Т-34 были новыми. Один из полков

дивизии вступил в бой под самым городом и продолжил его уже на улицах. Танкисты нанесли ощутимый урон немцам и в живой силе, и в технике, что отмечал Г. Гот в книге «Танковые операции».

Вслед за танковой и моторизованной дивизиями в прорыв были введены ещё четыре немецких соединения. Они выдвинулись на шоссе Невель – Пустошка и стали занимать позиции вдоль него, отрезая пути отхода 51-му стрелковому корпусу. Часть немецких танков повернула на Езерище и стала угрожать 214-й дивизии с тыла, перекрыв дорогу не только ей, но и другим соединениям 62-го корпуса.

Находившийся в лесу близ Невеля штаб армии оказался под угрозой захвата. Мотоциклисты противника уже завязали бой с одной из рот батальона охраны у самого штаба, когда с разрешения Ставки командующий и штаб армии переместились к станции Назимово, восточнее Великих Лук, на оборудованный там запасный командный пункт.

Оба корпуса армии оказались в окружении. Дорогу на Великие Луки прикрывали части нашей 48-й танковой дивизии. 19-я танковая дивизия группы Гота, встречая на своём пути лишь артиллерийско-танковые заслоны этой дивизии, преодолевая их сопротивление, двинулась к Великим Лукам, крупному узлу железных дорог.

Сложилось опасное положение. Штаб продолжал руководить окружёнными корпусами по радио. Соединения организовали круговую оборону, предпринимали контратаки, стремились прорваться.

Наступили наиболее тяжёлые дни боёв. Дивизии 62-го корпуса – 174-я, 186-я и влитая в него 214-я – после пятидневных боёв, сохранив структуру и управление, прорвались через кольцо окружения и вышли в назначенный им район обороны южнее и юго-восточнее Великих Лук.

Корпус всё это время действовал собранно, мужественно, бойцы и офицеры не поддавались панике. Уже сказывался предыдущий опыт – части и соединения грамотно вели бой на прорыв

окружения, умело контратаковали противника, тут же занимая оборону вне окружения.

В более сложное положение поставили немцы наш 51-й стрелковый корпус, его 112-ю и 98-ю стрелковые дивизии и один полк 170-й дивизии. Фашисты быстро уплотнили свои боевые порядки от Невеля до Пустошки. Против двух наших дивизий действовало пять немецких, в том числе танки 14-й моторизованной. Особенно ожесточёнными были бои в районе совхоза Репище, где вместе со штабом 112-й дивизии, её артиллерией сосредоточились основные силы стрелковых частей. Три дня дивизия пермяков пыталась пробить брешь в боевых порядках фашистов. 21 июля командир корпуса генерал А.М. Марков по радио запросил разрешение прорваться штыковым ударом без боевой техники. К этому времени было израсходовано горючее, боеприпасов оставалось мало. В ночь на 22 июля, отсекая противника на флангах сосредоточенным пулемётным огнём, штыковой атакой, многие подразделения вышли из окружения. Но образовавшаяся брешь была быстро закрыта немцами. Некоторые стрелковые подразделения с двумя дивизионами 545-го корпусного артиллерийского полка свердловчан продолжали бои в окружении ещё двадцать шесть долгих часов. Им пришлось выходить мелкими группами, просачиваясь через оборону немцев, прокладывая себе дорогу огнём и штыком.

Командира дивизии полковника А.И. Копяка ранило в ноги. Он руководил боем с носилок. Дивизия несла большие потери. Но жизни свои пермяки отдали не зря: на счету дивизии уже было много тысяч истреблённых врагов.

В таком же положении находились части 98-й дивизии, которая тоже с боями вышла к шоссе Невель – Пустошка около местечка Усть-Долыссы, северо-западнее Репища. Она была задержана сконцентрированными в этом районе частями немецких дивизий, и ей тоже пришлось выдержать многодневные бои, ломать оборону немцев штыковым ударом. Между нашими окружёнными дивизиями не было локтевой связи. Они вели бои порознь.

Трудящиеся Перми и Удмуртии должны знать эти священные места. Здесь их дивизии вели неравные, изнурительные бои не на жизнь, а на смерть, на две недели остановив противника и тем самым сорвав его планы. Многие солдаты и офицеры этих соединений здесь сложили свои головы.

Сохранившийся личный состав был сведён в полки, за которыми оставлены номера дивизий. Предполагалось пополнить их за счёт маршевых батальонов и снова развернуть в дивизии. Свои знамёна с поля боя уральцы вынесли.

Подвиг армии, задержавшей немцев на две недели, когда было так необходимо выиграть время, трудно переоценить. При этом 22-я армия не только не пропускала противника, но и нависала над флангами групп фашистских армий «Север» и «Центр», не давая им возможности слить свои действия. Она постоянно угрожала ударами во фланги, заставляя тем самым гитлеровское командование менять и ограничивать стратегические задачи.

На рубежах у Великих Лук

Сковав основные силы нашей армии в окружении, немцы двинули свою 19-ю танковую дивизию на Великие Луки.

Оборону самого города командование армии поручило командиру 29-го стрелкового корпуса генералу А.Г. Самохину. Как было написано выше, этот корпус не был укомплектован. Его единственная 179-я дивизия, также далеко не полная по личному составу, стояла юго-восточнее Великих Лук, у совхоза «Ушицы», перекрывая дорогу на Торопец, куда в обход города могли направиться танки противника. Полковник Н.Г. Гвоздев получил приказ оборонять непосредственно примыкающий к городу участок. В его распоряжение были переданы два батальона 134-й дивизии, отошедшей с боями к Великим Лукам с северо-запада. Был собран сводный отряд, сформированный из солдат тыловых служб и выходящих из окружения отдельных групп бойцов и офицеров. В оборонительных боях приняли также участие бойцы Великолуцкого батальона ополченцев.

18 июля фашистам удалось ворваться в центральные кварталы города. Завязались уличные бои. Отважно действовали наши танкисты. Отличились ополченцы и бойцы сводного отряда. Так, группа связистов под командованием заместителя командира роты 31-го отдельного полка связи Е.А. Фрейдлина, заняв оборону в здании телеграфа, оказала немцам упорное сопротивление и подожгла фашистский танк. Комсомолец Фрейдлин посмертно награждён орденом Красного Знамени.

К вечеру 18 июля город был почти полностью захвачен противником. Держались некоторые группы солдат и офицеров, отдельные мелкие подразделения упорно продолжали сопротивление в районе депо и авиагородка. 19 июля полковник Н.Г. Гвоздев предпринял попытку выбить немцев из центральных районов города, но сил не хватило. К утру 20 июля последние точки сопротивления в городе немцы подавили.

В десять часов утра была подготовлена оперативная сводка штаба армии о потере Великих Лук. Как правило, до тех пор пока в населённом пункте продолжались бои наших частей, хотя бы даже и на окраине, он считался не сданным противнику. Но около десяти часов к телеграфному аппарату Бодо, по которому армия поддерживала связь с Москвой, был вызван командующий армией. После нескольких минут ожидания на телеграфной ленте побежали слова: «Передаю приказ Ставки: Великие Луки не сдавать». Смысл категорического приказа был ясен. Ставка ещё не имела донесения о сдаче города, между тем стратегическое значение Великих Лук оценивалось очень высоко. Москва, зная об очень тяжёлом положении 22-й армии, тем не менее требовала стоять на прежних рубежах. От этого зависело многое. Пока мы удерживаем Великие Луки, две группировки немецких войск по-прежнему оказываются разъединены, что улучшает стратегическое положение наших фронтов. Командующий армией понимал это. И тогда были приняты меры по захвату Великих Лук. Подтянув отдельные части 179-й дивизии, 366-й стрелковый полк 126-й дивизии, вышедшей из окружения, а также 48-й отдельный разведывательный

батальон танковой дивизии, у которого ещё сохранилось пять танков, командование организовало ночной штурм города. Штурм возглавил командир разведывательного батальона 48-й танковой дивизии майор И.А. Вовченко.

Бой развивался стремительно. К утру Великие Луки снова стали нашими. Удалось отбросить противника на шесть километров. На улицах города были захвачены 9 исправных немецких танков и другая боевая техника.

И.А. Вовченко сам описал этот бой в заметке, напечатанной газетой «Вперёд за Родину» 9 августа. Он рассказывал:

«В течение десяти минут артиллеристы вывели из строя четыре вражеских танка. Один из уцелевших танков стал вести огонь в лоб нашей пехоте, задерживая её продвижение. На своей уже выдавшей вида машине стремительно бросаюсь к врагу. Начался поединок. Сразу беру инициативу в свои руки. От пятого снаряда фашистскому танку пришёл конец.

Путь для пехоты расчищен. Огонь врага заметно стих. Фашисты не выдержали натиска, стали отходить. Врываемся в предместье. Кое-где из окон и чердаков строчат немецкие автоматчики. Снимаем их одного за другим.

В центре города враг делает отчаянную и последнюю попытку задержаться. Бойцы идут в атаку. Их лица полны решимости и уверенности в победе. Удар был стремителен и жесток. Если фашисты вначале отходили, питая кое-какие надежды, то теперь они были охвачены паникой. Враг бежал, оставляя своих раненых и убитых, вооружение и награбленное добро. Штабные офицеры прыгали из окон квартир в нижнем белье. Обер-офицер фон Шульце настолько растерялся, что не успел угнать свою машину».

Успех штурма Великих Лук был определён не только боевым порывом участников, улучшившейся воинской выучкой солдат и офицеров, но и тем, что в ночь на 21 августа соединения 62-го стрелкового корпуса, вышедшие из окружения, смогли перерезать пути отхода от города 19-й танковой дивизии немцев. Это внесло нервозность в действия хваленых гитлеровских войск.

Г. Гот в книге «Танковые операции» объясняет поспешный отход своей дивизии тем, что ей, мол, был дан приказ возвратиться в состав корпуса. Но даже и такой приказ означал, что цели, поставленные немецким командованием по разгрому 22-й армии и выходу на фланг и в тыл Западного фронта, не были достигнуты. Стратегическая инициатива гитлеровской армии оказалась скованной действиями войск уральцев. Командующий 3-й танковой группой немецких войск просто делает хорошую мину при плохой игре: угроза окружения и смелый удар советских войск заставили немцев убраться из Великих Лук. Наши войска, вышедшие из окружения, а также 256-я стрелковая дивизия, прибывшая из резерва фронта, 27 июля создали прочный фронт обороны северо-западнее города и к юго-востоку от него до озера Двинье.

На этих рубежах, несмотря на многократные попытки немцев вновь прорвать фронт обороны и занять Великие Луки, армия удержалась до двадцатых чисел августа.

Действия 22-й армии были высоко оценены командованием фронта. В статье А.И. Ерёмченко, опубликованной в середине августа в «Красной звезде» и перепечатанной в армейской газете, говорилось, что бои как на Смоленском, так и на Полоцком направлениях сорвали стратегический план вермахта. Многие дивизии немцев были здесь совершенно разбиты, другие выводились в резерв для пополнения.

В книге «История Великой Отечественной войны» (т. 2) отмечается, что войска армии «задержали наступление 3-й танковой группы Гота и в значительной мере охладили наступательный пыл немецких войск».

К августу нашим войскам удалось стабилизировать фронт на большом протяжении от Луги до Смоленска. Ставка спланировала проведение частных наступательных операций, в ходе которых предполагалось изматывать силы противника, наносить его войскам большой урон в личном составе и технике и в конечном счёте сковывать выполнение стратегических планов гитлеровского командования. 12 августа 34-я армия Северо-

Западного фронта нанесла удар на Старую Руссу, захваченную немцами, и продвинулась на 60 километров. Вслед за этим перешли в наступление и другие армии фронта. Этот прорыв заставил немцев перебросить с Западного фронта 39-й танковый корпус 3-й танковой группы Гота, ослабив таким образом группу армий «Центр». Тогда 17 августа перешла в наступление 19-я армия Западного фронта под командованием И.С. Конева. Нанося удар в направлении на Духовщину и Ельню, она в первый же день прорвала оборону противника на глубину до 10 километров. На день позднее начали наступательные операции 39-я и 30-я армии. По общему замыслу эти удары должна была поддерживать и 22-я армия, нависшая над левым флангом группы армий «Центр». Ей была поставлена задача выйти снова в район Невеля и развивать успех на Полоцк. В армии царило радостное возбуждение: она наступает!

21 августа 126-я, 179, 214-я дивизии 29-го стрелкового корпуса, а также соединения 62-го стрелкового корпуса, имея во втором эшелоне 51-й стрелковый корпус с малочисленными, очень ослабленными в боях 98-й, 112, 170-й стрелковыми дивизиями, в 13.00 перешли в наступление, взломали оборону противника и к исходу дня продвинулись на глубину от 3 до 6 километров, потеснив пехотные части немцев. Но за линией немецкой обороны был сосредоточен уже знакомый армии, пополненный и укомплектованный 57-й танковый корпус группы Гота. Его 19-я и 20-я танковые и 30-я моторизованная дивизии в ночь на 22 августа нанесли контрудар на стыке с левым соседом нашей армии, на участке 186-й дивизии, опрокинули её боевые порядки, вышли в район станции Кунья и начали развивать наступление одной дивизией в направлении на Торопец, другой – в сторону Великих Лук, выходя в тылы нашей армии. Командующий армией генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков находился в это время с оперативной группой на временном пункте управления в районе совхоза «Ушицы». Он и несколько офицеров штаба армии попали в окружение. Снова сложилось тяжёлое положение. Руководство войсками перешло к начальнику штаба генерал-майору

Б.А. Пигаревичу, находившемуся на командном пункте около станции Назимово. В районе Великих Лук сопротивление немцам оказывали части, оборонявшиеся на рубеже западнее города. Великие Луки фашисты сумели занять только 24 августа. В окружении оказалось большинство дивизий. Прорвавшиеся из кольца вышли на рубеж Торопца, где силами связистов 31-го отдельного полка связи под командованием майора Кольшева, а также 135-го автобата, 38-го медсанбата, 709-го, 390, 360-го гаубичных артиллерийских полков, 56-го корпусного артполка, 187-го отдельного зенитного дивизиона и некоторых других частей, находившихся в районе Торопца в связи с реформированием, была организована временная оборона. На этот рубеж вышли основные части 174-й, 214, 186-й стрелковых дивизий, 697-й противотанковый артиллерийский полк, корпусные части 62-го стрелкового корпуса. К 29 августа стали подтягиваться разрозненные части других дивизий (112-я, 98, 170-я), а также 179-я, 126-я стрелковые дивизии. Отдельные группы офицеров и бойцов выходили из окружения до середины сентября. Опыт предыдущих боёв в окружении позволил теперь вывести войска без значительных потерь. Сплошная линия фронта была восстановлена.

В стойкой обороне

К 9 сентября 22-я армия заняла рубеж обороны по реке Западная Двина. Она была пополнена частями 133-й и 256-й стрелковых дивизий. 112-ю, 98 и 170-ю стрелковые дивизии пришлось расформировать. Под их номерами позднее созданы новые соединения. Части 48-й танковой дивизии, которая понесла большие потери в районе Великих Лук, были переданы на формирование 46-й и 126-й танковых бригад, находившихся в резерве армии.

Командующим армией был назначен бывший командир 44-го стрелкового корпуса генерал-майор В.А. Юшкевич. Командный пункт армии находился в лесу, около реки Жукопы, близ станции Пено.

Решить свои задачи гитлеровцам так и не удалось. Не вышли немцы и на железную дорогу Москва – Ленинград, что

ставилось их 57-му танковому корпусу в качестве основной задачи. Опыт июльских боёв сказался на состоянии наших войск. Они не теряли управления, в условиях окружения организовывали оборону на промежуточных рубежах. И, может быть, самое главное, что продемонстрировали июльские бои, – это то, что солдаты и офицеры боролись бесстрашно. Даже оставаясь разделёнными на отдельные группы, они настойчиво, не уклоняясь от боёв, не впадая в панику, организованно шли по немецким тылам и прорывались через боевые порядки фашистских войск.

В эти дни на калининской земле начали формироваться партизанские отряды. Некоторые офицеры и солдаты, попавшие в окружение, оставались в их составе, принимали участие в борьбе против захватчиков.

Население, не страшась фашистов, очень помогало группам, выходящим из окружения. Была всеобщей вера, что немцы пришли ненадолго, что Красная Армия скоро возвратится. Председатели колхозов в счёт поставок зерна выдавали из колхозных амбаров хлеб и другие продукты питания под расписки офицеров. Во многих домах, выставив в караулы женщин и детей, солдатам давали возможность обсушиться, кормили их и напутствовали самыми тёплыми словами.

На рубеже Западной Двины соединения армии вели активную оборону. Инициатива целиком была в наших руках. Отдельные частные операции проходили с большим успехом. 256-я стрелковая дивизия 3 октября провела бои, улучшавшие её позиции, разгромив при этом до двух полков фашистской пехоты. Войска начали подготовку к длительной обороне: зарывались в землю, строили дзоты, землянки, прорывали ходы сообщения.

Так продолжалось до октября, когда началась фашистско-немецкая операция «Цитадель». Немцам удалось прорвать нашу оборону и развить стремительное наступление своих соединений. Левый фланг 22-й армии оказался оголённым на глубину до 150 километров. 3 октября командующий фронтом отдал

приказ об отводе войск армии на рубеж Волги от Осташково до Сытьково, крупного села севернее Ржева. Отвод соединений и частей должен был пройти скрытно.

На Волге

С 4 по 8 октября, благодаря ряду демонстраций, вводящих в заблуждение противника относительно целей наших войск, арьергардные части нашей армии сумели так незаметно оторваться от немцев, что те не раскусили и не упредили нашего маневра, не успели перерезать путей нашего передвижения. Только 8 октября фашистские дивизии вышли к Волге. Начались бои за переправы. Противник пытался с ходу захватить плацдармы на левом берегу. Местами под прикрытием авиации ему удалось это сделать, и он навёл мосты. По приказу командующего в верховьях Волги было взорвано два пролёта бейшлота – подпорной плотины, поддерживающей высокий уровень воды в питающем реку озере Волго. Вниз по течению реки пошёл вал воды высотой около четырёх метров и длиной до ста двадцати километров. Все переправы, наведённые к этому времени немцами, были снесены водой, а на плацдармах, захваченных противником, завязались ожесточённые бои, в результате которых части врага, оказавшиеся на нашем берегу, были сброшены в реку.

22-я армия по-прежнему нависала над левым флангом армии «Центр» и вместе с 27-й армией клином разделяла две группировки немецких войск: группы «Центр», наступающей на Москву, и группы «Север», нацеленной на Ленинград. Ряд дивизий армии, в том числе челябинская 174-я, были переданы другим армиям. А 22-я армия к началу обороны на Волге имела только четыре дивизии: 256-ю, 179, 186, 249-ю. Последующее оголение фланга армии заставило командование растягивать боевые порядки, одновременно поворачивая лицом на юг. Армия занимала линию обороны от озера Волго до Торжка на шоссе Ленинград – Москва. Немецкое командование видело невыгодное для него положение армии, нависающей над флангом войск, вышедших к Калинин, и пыталось изменить ситуацию, предпринимая

атаки на боевые порядки наших войск. В связи с занятием немцами Калинина фронт армии оказался ещё более растянутым. Потребовалось усиление армии. В её состав прибыли 178-я и 220-я стрелковые дивизии.

17 октября приказом Ставки был организован Калининский фронт, командование которым было поручено генерал-полковнику И.С. Коневу. В состав фронта, кроме 22-й армии, находящейся на его правом фланге, вошли также 29-я, 30 и 31-я армии.

На фронте 22-й армии в это время противник сосредоточил тринадцать дивизий, перешёл в наступление на Торжок, пытаясь вырваться в тылы Северо-Западного фронта около Вышнего Волочка и таким образом расчленив наши Западный и Северо-Западный фронты. В атаках на позиции армии, как пишет И.С. Конев, участвовало одновременно до 60–70 танков. Боевые порядки подвергались интенсивной бомбёжке. Фашистская авиация производила до ста самолётных вылетов в сутки. Упорная и поистине героическая оборона дала свои результаты. Массированным огнём артиллерии и пехоты, переходя в контратаки, дивизии армии отбивали все попытки немцев опрокинуть и смять наши войска. В это время армией командовал генерал-майор В.И. Вострухов, бывший заместитель командующего по тылу. Генерал В.А. Юшкевич был отозван и назначен командующим 31-й армией.

«Когда положение на фронте сложилось особенно критическое, – пишет И.С. Конев, – а артиллерийские снаряды, гранаты и бутылки с зажигательной смесью были на исходе, бойцы и командиры 249-й дивизии генерал-майора Г.Ф. Тарасова ринулись в штыковую атаку. Она была настолько бурной, яростной и стремительной, что немцы не выдержали и панически бежали. Наши части, преследуя противника, восстановили положение, заняв прежние позиции. Враг испытал силу русского оружия и на этом участке впредь не отважился предпринимать никаких боевых действий».

Много пришлось пережить в эти дни старинному городу Торжку, известному в связи с именем Пушкина. На него фашисты обрушивали бомбовые удары, пытаясь смести город с лица земли.

6 ноября враг попытался нанести удар по соединениям 22-й армии в районе Селижарово. Перейдя здесь в наступление силами двух недавно пополненных дивизий, фашисты решили прорваться к Кувшиново, близ которого, в селе Сафонтьево, находился штаб 22-й армии. Контрударом войск армейского резерва, подкреплённого силами резерва фронта, они были остановлены. Полтора месяца после этого армия вела напряжённые бои, удерживая свои рубежи, изматывая противника, сковывая его силы, не давая перебрасывать резервы и продолжая угрожать с фланга армиям группы «Центр», которые рвались к Москве.

После разгрома немцев под Москвой, с продвижением войск Калининского фронта, армия своим левым флангом начала преследовать отходящие дивизии немцев, не давая им оторваться и привести себя в порядок. Успешная стратегическая операция 4-й ударной армии, сформированной на основе 27-й, введённой в бои с плацдарма, удержанного 22-й и 27-й армиями, привела к выходу её к Великим Лукам. 11 января 22-я армия тоже перешла в наступление на Нелидово, Белый. Она вышла в район этого города Смоленской области и, оказавшись фронтом на восток, образовала один из фасов Ржевского выступа.

Начинался новый этап войны. В самоотверженных сражениях уральцы накопили боевой опыт по руководству войсками, сформировали крепкие офицерские кадры, получили хорошую боевую закалку.

В дальнейшем 22-я армия прошла ещё большой и славный путь: вела бои на Ржевском выступе, билась насмерть под городом Холм в составе Северо-Западного фронта, прорывала сильно укреплённую линию фашистов на Бежаницких высотах в районе станции Насва. Ей салютовала столица нашей Родины Москва, когда армия взяла город Новосокольники. Ей довелось вести жаркие бои в дорогих сердцу каждого пушкинских местах – армия отвоевала плацдарм на реке Великой близ Михайловского и Тригорского. Она вместе с другими армиями освобождала Латвию. В её составе прославил себя 130-й латышский стрелковый корпус. Здесь, начиная с февраля 1944 года, проявила себя

43-я гвардейская стрелковая латышская дивизия. В перечне частей, в честь которых был дан салют в связи с освобождением Риги, упомянуты и войска 22-й армии. Она вела успешные боевые действия, не позволяя немцам вывести войска из Курляндского котла.

В самом конце войны штаб армии, её армейские части вместе с дивизиями Ленинградского фронта, переданными в подчинение 22-й армии, были передислоцированы в Румынию, где и встретили День Победы, день радости и торжества, день, поставивший точку в конце большого, тяжёлого и славного исторического пути.

Январь 1981 г.

Текст публикуется по машинописному экземпляру с рукописной правкой из личного архива И.А. Дергачева, дело 610, ед. хр. 7, л. 1–19.

Статья под таким названием – один из вариантов текста – была напечатана в 1981 году в журнале «Урал», № 8.

**СПРАВКА О ФОРМИРОВАНИИ 22-й АРМИИ
И ВСТУПЛЕНИИ ЕЕ ВОЙСК В БОИ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.**

Н.П. Сухотин

Формирование 22-й армии и её дальнейшая деятельность как войскового соединения непосредственно связаны с историческим событием в жизни советского народа – Великой Отечественной войной 1941–1945 гг. И потому нам, ветеранам 22-й армии, памятно и дорого не только то короткое время, отводившееся для её формирования, но и все последующие годы упорных сражений с немецко-фашистскими захватчиками, от начала до победного дня.

Нам, живым свидетелям того события, памятны дни, когда советский народ как один поднялся на защиту своего Отечества. Где бы ни жил советский человек и чем бы ни занимался, он искренне чувствовал причастность и свой долг участия в борьбе с врагом за Родину и делал для этого всё от него зависящее. Фронт и тыл страны были едины в достижении победы.

Так поступили и уральцы. Средний Урал, как мы знаем, был превращён в могучий опорный край державы, в мощный арсенал оружия и кузницу кадров для Вооружённых Сил страны. Более 500 соединений и отдельных частей было сформировано и отправлено на фронт для борьбы с фашистскими захватчиками. В числе первых среди них была 22-я армия.

В предвоенные месяцы в адрес правительственных и военных организаций поступали из различных источников многочисленные сведения, содержащие информацию о действиях и намерениях руководства Германии, во многом не согласующиеся с заключённым в 1939 году договором «О ненападении».

Войсковой пограничной разведкой наблюдались и многочисленные передвижения войск нацистской Германии, и

сосредоточение их, в ряде случаев, в районах, близких к нашей западной границе.

В этой связи Советским правительством и Министерством обороны СССР были приняты соответствующие меры, в том числе выдвижение войск на запад из внутренних военных округов.

Уже в середине июня 1941 года были в движении: с Урала – войска 22-й армии в район города Великие Луки (ныне – Псковской области), а из других военных округов в свои районы сосредоточения направлялись 21-я, 19 и 16-я армии. В состав 22-й армии в то время вошли все шесть штатных дивизий Уральского военного округа: 170-я, 112, 98, 174, 186 и 153-я стрелковые дивизии с полевыми управлениями и артиллерией (56-й и 545-й корпусные артполки – КАПы) 51-го и 62-го стрелковых корпусов, а также 430-й отдельный батальон связи, позднее, в июле 1941 года, преобразованный в 31-й полк связи армии, и некоторые другие административно-технические и медицинские службы.

Штаб армии был укомплектован офицерским составом из числа военнослужащих штаба Уральского военного округа. Командующим войсками 22-й армии был назначен генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков, бывший в то время командующим войсками Уральского военного округа, Членом Военного совета – корпусной комиссар Д.С. Леонов (начальник политуправления), начальником штаба армии – генерал-майор Г.Ф. Захаров (начальник штаба УралВО).

Соединения и части, вошедшие в состав 22-й армии, находясь в летних лагерях для прохождения плановой боевой учёбы, с получением директивы Наркомата обороны СССР, организовано, «по тревоге» отбывали в указанный им район сосредоточения. Вначале это происходило под девизом «прохождения учёбы в новых условиях», но с приближением эшелонов к месту назначения и прослушивания по радио выступления наркома иностранных дел В.М. Молотова стало известно, что страна находится в состоянии войны.

В утренние часы 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Германский фашизм вероломно, без объявления

войны и в нарушение всех договорённостей, огромной военной мощью перешёл западную границу и предпринял «марш» в глубь нашей страны, сжигая и уничтожая на своём пути всё живое и дорогое советским людям.

Дыхание войны чувствовалось уже на дальних расстояниях от районов предстоящих сражений. Эшелоны с войсками армии подвергались «облёту», а разгрузка их на станциях назначения проходила, как правило, под огнём действующей авиации противника. Тут и там горели строения, на глазах рушились и капитальные железнодорожные сооружения.

Выгрузившись, войска без промедления двигались в районы своих оборонительных участков и приступали к выполнению поставленных им боевых задач.

Свой первый оборонительный рубеж в Отечественной войне войска 22-й армии по приказу Ставки Главного Командования (минуя вхождение в резервный фронт, как предполагалось) заняли на правом фланге Западного фронта территории по линии городов: Себеж – Дрисса – Дисна – Полоцк; посёлков: Улла – Бешенковичи – город Витебск, общей протяжённостью в 240 км. 110 тысяч воинов-уральцев с первых дней развернувшейся войны по зову Правительства стали грудью на защиту своего Отечества.

Рубеж этот воинам не забыть. И не только потому, что его в то время надо было в короткое время как-то обустроить (оборудовать в инженерном отношении) для борьбы с врагом, но и потому, что он был первым в их жизни, когда с оружием в руках, не щадя своей жизни, нужно было защитить свою Родину, защитить благополучие и саму жизнь советских людей.

По плану «Барбаросса», подписанному Гитлером в декабре 1940 года, «Советская Россия должна быть разбита в кратковременной кампании (в течение нескольких месяцев 1941 года)». Наибольшее значение гитлеровское командование и сам Гитлер, как известно, отводили Московскому направлению (через города Минск – Смоленск), по которому наша столица должна быть занята уже в августе 1941 года. И в своих намерениях, в силу сложившихся в то время обстоятельств, фашистские захватчики

преуспели. 28 июня 1941 года ими был занят Минск, а 10 июля их войска вели бои уже под Смоленском.

В предвидении своего дальнейшего движения на восток немецкое командование не исключало возможности, при сложившейся обстановке, удара 22-й армии по тылам их войск, и потому оно (командование) приходило к выводу и конкретной задаче окружения и уничтожения 22-й армии, с последующим выходом войск в тыл Западного фронта.

В короткий срок перед фронтом армии было сосредоточено от 12 до 15 моторизованных, хорошо укомплектованных дивизий 3-й танковой группы войск генерала Гота и трёх армейских корпусов (28-го, 2 и 50-го а.к.), усиленных частями 39-го мехкорпуса.

22-я армия какого-либо усиления не получила и вступала в сражения с этой бронированной армадой врага без наличия в своём распоряжении танков и боевой авиации, при некомплекте средств связи и автотранспорта, так необходимого для переброски войск.

Это обстоятельство усложнялось ещё и тем, что борьбу с противником армии предстояло вести на широком фронте, когда на дивизию приходился оборонительный участок по фронту в 40 км (против 8–10 км по «полевому уставу»), не имея при этом надлежащего армейского резерва.

Справа действовала 21-я армия Северо-Западного фронта, слева – 20-я армия Западного фронта.

С вечера 6-го и 7-го июля 1941 года вся линия обороны армии была в огне сражений. Для отражения наступательных действий противника и удержания оборонительного рубежа использовались все средства и все возможности, которыми располагала армия, в том числе огневая мощь Себежского и Полоцкого укрепрайонов (УР'ов) и естественные преграды (лесные массивы, озёра, рельеф местности и др.), имевшиеся на участках обороны дивизий. Основной же огневой и ударной силой в войсках была и оставалась на все годы войны наша прославленная артиллерия и её отважные артиллеристы. Своим огнём артиллерия надёжно

поддерживала в боях стрелковые соединения и части, мастерски разрушала доты, дзоты и другие инженерные сооружения врага.

На полях сражений, тут и там, нередко можно было видеть «свечи» чёрного дыма от подбитых артиллеристами танков и бронемашин, а на светлом небосклоне наблюдать тёмные дуги горящих машин гитлеровских асов.

Столь же ответственно и мужественно несли свою нелёгкую службу армейские связисты и героические медики: военные врачи, медицинские сёстры и санитары наших госпиталей и медсанбатов дивизий.

Замыслы немецкого командования подтверждались не только разведывательной информацией, получаемой штабом армии, но и первыми днями развернувшихся сражений.

Для достижения поставленной задачи «по уничтожению 22-й армии» противником были предприняты мощные концентрированные удары по флангам армии (на участках 170-й и 186-й дивизий) с последующим прорывом обороны в центре, в районе города Полоцка, на участке 174-й стрелковой дивизии, которые в перспективе должны были соединиться в районе города Невель, в 100 км от «передовой» войск.

В те напряжённые дни борьбы с фашистскими захватчиками политотдел 22-й армии обратился к воинам с призывом «Драться до конца, с честью выполнить боевой приказ Советского Правительства... Отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей Родины». Этот призыв в войсках находил глубокое, взволнованное понимание, и в подразделениях создавался дух наступательного порыва.

Обстановка в 22-й армии складывалась сложная. Она беспокоила руководство Западного фронта и его командующего, Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. По этой причине в первых числах июля в войска армии прибыл для ознакомления заместитель командующего фронтом генерал А.И. Ерёменко.

Оценив создавшееся положение и сделав некоторые замечания по ходу ведущихся сражений (см. его книгу «На Западном направлении»), он лично присутствовал и принимал участие

в достижении боевых успехов 170-й и 214-й дивизий в районах городов Себеж и Городок, принял участие и в ликвидации крупного авиадесанта противника, выброшенного в то время в районе пункта Боровуха-1 (на участке обороны 98-й стрелковой дивизии) с привлечением к этой операции для приобретения опыта генералов и командиров дивизий армии.

Так, кратко, проходило формирование 22-й армии и её вступление в сражение с фашистскими захватчиками на её первом оборонительном рубеже Отечественной войны.

А дальше, приобретая боевой опыт и стойкость в сражениях с противником, 22-я армия не только продолжала успешно отражать его мощные атаки, неизменно поддерживаемые огнём артиллерии, танков и авиации, но и сама переходила в наступление.

Большим испытанием на прочность войск явились сражения в условиях окружения, происходившие дважды: в июле и в августе 1941 года.

Неся немалые потери в людях и боевой технике, дивизии, мобилизуя свои силы, всё же пробивали «окна» в кольце окружения и выходили, не забывая при этом раненых товарищей и документы штабов. В этих же целях использовались и возможности «выхода» малыми группами воинов, применяясь к местным условиям и времени суток. Свои боевые знамёна дивизии сохранили. Штаб 22-й армии в окружении не был. Он в своё время переместился в другой район. Единственным исключением за весь период Отечественной войны является случай, когда в окружении оказалось «Временное полевое управление» войсками армии (ВПУ) с членами Военного совета, размещавшееся в то время в районе совхоза «Ушицы», в 20 км юго-восточнее города Великие Луки. Произошло это в августе 1941 года в результате второго окружения войск 22-й армии. Деятельность ВПУ была прекращена, а присутствовавшие там генералы и офицеры штаба армии благополучно его покинули.

В течение двух месяцев на огромной площади в 12–13 тысяч квадратных километров войска 22-й армии вели упорные бои с бронетанковыми силами противника. 15 отборных дивизий

фашистских захватчиков, рвавшихся на восток, к рубежам нашей столицы – Москвы, были скованы (удерживались в боях) войсками 22-й армии, наносившими им ощутимый урон.

За проявленные доблесть, мужество и отвагу в боях многие воины-уральцы были удостоены правительственных наград и повышения в званиях, а дивизии за стойкость и активные действия с врагом были соответственно отмечены военными Советами армии (170-я, 112, 98-я стрелковые дивизии) и Западного фронта (112-я, 174 и 153-я стрелковые дивизии).

Приведя себя в порядок по выходе (в конце августа) из окружения, войска армии в обновлённом составе заняли один из первых тыловых рубежей в районе города Торопец общей длиной в 35 километров. Справа по-прежнему действовала 27-я армия, слева – 29-я армия Западного фронта.

Рубеж этот памятен ветеранам армии тем, что:

а) с ним связано восстановление после драматических событий организованности и былой боеспособности армии;

б) 28 августа 1941 года прибыл и вступил в должность командующего 22-й армией генерал-лейтенант В.А. Юшкевич (бывший командующий, генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков, был отозван в распоряжение Наркомата обороны СССР);

в) на основании директивы Ставки Главного Командования полевые управления трёх имевшихся стрелковых корпусов: 51-го, 62 и 29-го были расформированы; высвободившийся офицерский состав был направлен на доукомплектование дивизий армии;

г) в связи с большими потерями в боях личного состава и боевой техники приказом командующего 22-й армией от 1 сентября 1941 года три дивизии армии: 170-я, 112 и 98-я были расформированы;

д) было принято решение о перемещении штаба армии из района Мартисово в район города Андреаполь.

Обстановка на западном фронте в это время складывалась очень сложная. С занятием (16 июля 1941 года) города Смоленска гитлеровское командование всей мощью группы войск

«Центр» предприняло наступление в северо-восточном направлении – на Ленинград и Москву. С трёх сторон – с запада, севера и юга – бронетанковые колонны противника рвались к стенам нашей столицы. В сентябре 1941 года также вступил в силу конкретный план гитлеровцев «по уничтожению Москвы как столицы Советского государства», под новым наименованием «Тайфун».

Под руководством наших выдающихся полководцев того времени – генералов Г.К. Жукова, А.И. Ерёменко, И.С. Конева, К.К. Рокоссовского, Б.М. Шапошникова, С.К. Тимошенко и др. развернулось историческое сражение «Битва за Москву», продолжавшееся с 30.09.41 г. по 20.04.42 г. Исход этого сражения был важен для одной и другой борющихся сторон. Напряжение в войсках было огромным.

Ставка Главного Командования (а позднее и Верховного Главного Командования) принимала меры по усилению Западного фронта. Воздвигались оборонительные сооружения в окрестности и в самой Москве. Многие тысячи москвичей вступали в ряды формируемых дивизий ополченцев. Охраняли они свой город и от пожаров.

О событиях, происходивших на ближних подступах к Москве, войска 22-й армии были достаточно информированы. В беседах с воинами чувствовалось их душевное волнение, а вместе с ним и твёрдая вера в Победу и сохранение дорогой столицы такой, какая она есть, на века.

Организовавшись на новой основе (без полевых управлений стрелковых корпусов), 22-я армия успешно отражала многочисленные атаки противника, удерживая занимаемые рубежи.

По тактическим соображениям и с разрешения штаба фронта армия с 1 сентября 1941 года обороняла очередной, третий, рубеж в районе города Андреаполь протяжённостью в 90 километров, а с 6 октября – и свой четвёртый рубеж по реке Волга и её притокам на участке городов Осташков – Селижарово и далее – до посёлка Киселёво, что на реке Большая Коша, протяжённостью в 70 километров.

Штаб 22-й армии был перемещён в это время в село Тысяцкое, что в двух километрах от города Кувшиново Калининской области.

Рубеж на реке Волга памятен однополчанам армии, главным образом, по двум причинам: во-первых, потому, что в этом районе в течение трёх месяцев 1941 года проходили очень ответственные и упорные бои с противником, а во-вторых, добываясь успехов в сражениях, 22-я армия, действуя в составе Калининского фронта, перешла в наступление. В наступление, которое не прерывалось на протяжении всего периода Отечественной войны. Чувство радости и гордости воинов по этому поводу трудно передать. Перелом в ходе сражений с фашистскими захватчиками отмечался и на других участках Калининского и Западного фронтов.

В этой исторической для 22-й армии борьбе с превосходящими силами противника на Волге в составе 22-й армии принимало участие в боях 11 стрелковых дивизий: 126-я, 133, 249, 256, 179, 186, 174, 178, 250, 220 и 5-я, усиленные десятью артполками Резерва Главного Командования (РГК), зенитные артдивизионы и другие части специального назначения.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с противником, многие воины армии были удостоены правительственных наград.

С организацией на базе войск соседней с 27-й армией 4-й ударной армии под командованием генерала А.И. Ерёмко оборонительный рубеж для 22-й армии командованием фронта был уточнён в [следующих] границах: справа – искл. Хотошино – Березуг – с 4-й ударной армией и слева – по линии Луковниково – Высокое – с 39-й армией, одновременно сохраняя отсечённые позиции по рекам Малая Коша и Итомя, общей протяжённостью 80 км.

Общему наступлению войск 22-й армии по всему фронту, начавшемуся 11 января 1942 года по боевому приказу № 06/оп, предшествовали упорные бои с противником как на правом, так и на левом флангах армии. Ещё более упорными становились они при наступательных действиях наших войск.

15 января 1942 года изгоняются фашистские захватчики из города Селижарово с форсированием Волги на всём участке

оборонительного рубежа армии. И с этого времени 22-я армия, совместно с действиями соседней армии, проходит с боями свой длинный путь, более чем 1000 км, по фронтовым дорогам Отечественной войны, освобождая обширные территории и многие тысячи населённых пунктов нашей Великой Родины.

Ориентировочно текст написан в период 1985–1990 гг. Печатается с подлинника из архива Н.П. Сухотина, в настоящее время хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).



Николай Петрович Сухотин (1905–1991)

был призван в ряды Красной Армии 22 июня 1941 года и участвовал в военных действиях в годы Великой Отечественной войны в должности старшего помощника и начальника разведки штаба артиллерии 22-й армии. После окончания войны по декабрь 1945 года находился в составе штаба артиллерии Таврического военного округа. В декабре демобилизован как специалист народного хозяйства в звании майора запаса. Награждён тремя орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией» и другими медалями. В послевоенное время работал по гражданской специальности на ответственных инженерных должностях на крупных машиностроительных

заводах Свердловска (Екатеринбурга), в Управлении Средне-Уральского совнархоза и на других предприятиях.

С 1979 по 1991 год был Председателем Совета ветеранов 22-й армии, членом Президиума Свердловской секции Советского Комитета ветеранов войны (СКВВ). Награждён «Почётным знаком СКВВ».

Большая часть архива Н.П. Сухотина находится на хранении у его дочери Л.Н. Сухотиной, часть документов была сдана в Музей боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

**КРАТКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА
О Боевом Пути 22-й Армии
В Великой Отечественной Войне
(к книге о 22-й армии)
*Н.П. Сухотин***

Время неумолимо отдаляет нас от тех исторических событий и незабываемых переживаний советских людей, которые были связаны с минувшей Великой Отечественной войной 1941–1945 годов.

В утренние часы 22 июня 1941 года фашистская Германия в нарушение имевшегося Договора «О ненападении» от августа 1939 г. вероломно (без объявления войны) огромной военной мощью вторглась на территорию нашей Родины.

Преодолевая сопротивление советских войск и неся большие потери в живой силе и боевой технике, враг предпринял «марш» вглубь нашей страны, сжигая и уничтожая на своём пути всё живое и дорогое советским людям, созданное ими за многие годы.

И, как известно, эти действия фашистской Германии, поддерживаемые империалистическими силами западных стран, имели далеко идущие цели. По «Плану Барбаросса», подписанному рейхсканцлером Гитлером в декабре 1940 года, Советская Россия должна быть разбита «в кратковременной кампании» (в течение нескольких месяцев 1941 года).

Ворвавшиеся бронемеханизированные войска противника (объединённые в армейские группы «Север», «Центр» и «Юг»), плотно прикрываемые авиацией с воздуха, должны были наступать (и наступали) по трём направлениям: на Киев, Москву и Ленинград.

Наибольшее значение, как писал в своих воспоминаниях Г. Гот, гитлеровское командование и сам Гитлер придавали

Московскому направлению (через города Минск и Смоленск), по которому наша столица должна быть занята уже в августе месяце. И не просто занята, а, как заявлял Гитлер, город должен быть окружён так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель – будь то мужчина, женщина или ребёнок – не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Он считал также, что Москва и её окрестности должны быть затоплены, чтобы возникшее на их месте море навсегда скрыло советскую столицу от цивилизованного мира. Такая же участь ожидала и Ленинград.

С первых дней Великой Отечественной войны развернулись упорные бои с фашистскими захватчиками на фронте длиной 4,5 тысячи километров от Баренцева до Чёрного моря. В них участвовало с германской стороны: 190 хорошо отмотелизованных дивизий, свыше 4000 танков, около 5000 боевых самолётов, более 47 тысяч орудий и миномётов.

По сравнению с войсками советских западных приграничных округов агрессор имел почти двойное общее численное превосходство.

Это обстоятельство осложняло обстановку на фронтах развернувшейся войны. Враг продолжал продвигаться, захватывая обширные территории нашей страны. Нависла угроза свободе и самой жизни советских людей.

В эти тревожные дни Правительство призвало народ на беспощадную борьбу с агрессором, на священную Великую Отечественную войну. Директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года перестраивалась вся жизнь страны, предусматривалась мобилизация всех её сил и средств на отпор врагу. Выразался горячий призыв к защите Отечества под девизом «Всё для фронта, всё для победы!».

Советские люди от мала до велика отозвались на этот призыв (как мы помним и знаем) с большой тревогой и гневом в адрес фашистских захватчиков. Каждый житель нашей великой страны, где бы он ни жил и чем бы ни занимался, в эти грозные дни глубоко понимал и чувствовал свою личную причастность и долг защищать Родину и её будущее.

<...> В те дни повсеместно у райвоенкоматов стояли очереди добровольцев, стремящихся встать в ряды Красной Армии. На рабочие места фабрик и заводов, за руль тракторов и другого сельскохозяйственного оборудования становились великие труженицы-женщины, а за ними и малолетняя молодёжь – подростки. В «Фонд войны» трудящимися делались многочисленные отчисления, отправлялись воинам подарки, а в индивидуальном порядке (из личных сбережений) делались взносы на «строительство боевого самолёта» (или эскадрильи), «на современный танк» и другие цели.

Этот подъём и забота советских людей о защите своего Отечества сохранялись на протяжении всего периода Великой Отечественной войны. Фронт и тыл страны были едины в достижении Победы.

Говоря об этом, невольно вспоминается и прозвучавшая в начале войны замечательная песня композитора А. Александрова на стихи В. Лебедева-Кумача «Священная война». Она звучала везде в сердцах защитников Родины: в воинских частях и в госпиталях, на театральных сценах и в трудовых коллективах страны. Не оставляет без волнения она слушателей и в наши дни.

В предвоенные месяцы 1941 года в адрес наших правительственных организаций из разных источников поступали многочисленные донесения о действиях и намерениях Германии, во многом не согласующиеся с заключённым Договором 1939 года или противоречащие ему.

Как отмечал в своих воспоминаниях маршал Г.К. Жуков, фашистская Германия, располагая огромным людским резервом в результате захвата (или подчинения) многих европейских государств, уже к июню 1941 года довела общую численность своих войск до 8 миллионов 500 тысяч человек, увеличив её, в сравнении с 1940 годом, на 3 миллиона 550 тысяч человек.

У нас же к июню, с учётом призыва дополнительного контингента военнообязанных 1905–1918 годов рождения, в Вооружённых Силах было около 5 миллионов человек.

Учитывая это обстоятельство, Наркоматом обороны СССР были приняты соответствующие меры, и прежде всего выдвижение войск на запад из внутренних округов.

С Урала в район Великих Лук двигалась 22-я армия, из Приволжского военного округа в район Гомеля – 21-я армия, из Северо-Кавказского военного округа в район Белой Церкви – 19-я армия, из Харьковского военного округа на рубеж р. Западная Двина – 25-й стрелковый корпус, из Забайкалья на Украину, в район Шепетовки, – 16-я армия.

22-я армия была сформирована на базе штатных соединений и частей Уральского военного округа.

В её состав вошли шесть дивизий: 170-я стрелковая дивизия (с.д. – *Сост.*) (командир – генерал-майор Т.К. Силкин), 112-я с.д. (командир – полковник И.А. Копяк), 98-я с.д. (командир – генерал-майор М.Ф. Гаврилов), 186-я с.д. (командир – генерал-майор Н.И. Бирюков), 174-я с.д. (командир – комбриг А.И. Зыгин), 153-я с.д. (командир – полковник Н.А. Гаген), с полевыми управлениями 51-го (командир – генерал-майор А.М. Марков) и 62-го (командир – генерал-майор И.П. Карманов) стрелковых корпусов.

Средствами артиллерийского усиления армии являлись 545-й и 56-й корпусные артполки (КАПы), а с первых чисел июля 1941 года их существенно дополнили 336-й и 360-й гаубичные артполки (ГАПы) резерва главного командования (РГК), дивизион 390-й ГАП, реорганизованный позднее в 440-й ГАП, и 697-й артполк противотанковой обороны (ПТО), в котором командиром 3-го дивизиона был капитан А.В. Чапаев – сын легендарного полководца Гражданской войны В.И. Чапаева. В эти же дни в состав армии вошла и 48-я танковая дивизия, вооружённая учебно-боевыми машинами Т-26 (командир – полковник Д.Я. Яковлев).

Армия располагала достаточными средствами связи и подготовленным личным составом, сведёнными в армейский 31-й полк связи (командир – полковник К.П. Колбасов), а также отдельные 512-й и 517-й батальоны с 415-й телеграфно-эксплуатационной ротой.

В состав армии входили и действовали несколько отдельных зенитных артдивизионов противовоздушной обороны (ПВО), а также и приданная 46-я авиационная дивизия с числом пилотов до 70 человек и ограниченной боевой техникой (командир – полковник Писарский).

На уровне стоявших перед армией задач в борьбе с врагом своевременно решались и все вопросы, относящиеся к организации тыла армии. Его штабом в короткий срок были организованы и укомплектованы специалистами и специальной техникой около 100 его подразделений и учреждений. С первых дней Отечественной войны штабу тыла и его службам надлежало решать многие вопросы по обеспечению действующих войск и всего личного состава армии боеприпасами, стрелковым оружием, питанием и обмундированием; оказанию воинам медицинской помощи, а при необходимости – и их лечению в армейских полевых госпиталях. Большое внимание уделялось поддержанию на должном уровне прифронтовых дорог, которые должны были быть в постоянной готовности к выполнению требований фронта по обеспечению армейским автотранспортом (автобатами, авторотами) и обустройству ремонтных баз.

Штабом тыла и политотделом армии уделялось постоянное внимание деятельности «Армейской почтовой базы» и армейской газеты «Вперёд за Родину!».

Почтовая связь с родными и близкими, информация о событиях, происходящих в борьбе с врагом, для воинов имели большое значение. Это поддерживало их в моральном отношении и повышало стойкость в боях. Первый номер армейской газеты вышел уже в июне 1941 г. <...>

Полевое управление 22-й армии (с его штабом, специальными управлениями и отделами) было укомплектовано офицерским составом из числа офицеров, работавших в штабе Уральского военного округа.

С началом Отечественной войны и образованием 22-й армии первым её командующим был назначен генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков (бывший командующий войсками УралВО); чле-

ном Военного совета армии стал корпусной комиссар Д.С. Леонов, бывший начальник Политуправления штаба; начальником штаба армии был назначен генерал-майор Г.Ф. Захаров, бывший начальник штаба УралВО. Со временем этот состав командования армией изменялся, сообразуясь со складывающейся обстановкой и решениями Ставки Верховного Командования.

За период Великой Отечественной войны назначались:

– *командующими 22-й армии:*

- 1) генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков, с июня по август 1941 года;
- 2) генерал-лейтенант В.А. Юшкевич, с августа 1941 по апрель 1944 года;
- 3) генерал-лейтенант Г.П. Коротков, с апреля 1944 года до конца войны и расформирования армии в августе 1945 года; на период выполнения В.А. Юшкевичем боевых заданий Ставки обязанности командующего 22-й армии исполняли:
- 4) генерал-майор В.И. Вострухов, с октября 1941 по февраль 1942 года;
- 5) генерал-майор Д.М. Селезнёв, с декабря 1942 по март 1943 года;

– *членами Военного совета 22-й армии:*

- 1) корпусной комиссар Д.С. Леонов, с июня по август 1941 года;
- 2) генерал-майор А.М. Катков, с октября 1941 года до конца войны;
- 3) полковник И.Л. Чёрный (по тылу 22-й армии), с марта 1942 года до конца войны.

– *начальниками штаба 22-й армии:*

- 1) генерал-майор Г.Ф. Захаров, с июня по август 1941 года;
- 2) генерал-майор Б.А. Пигаревич, с августа по сентябрь 1941 года (погиб в авиакатастрофе);
- 3) генерал-майор М.А. Шалин, с сентября 1941 года по февраль 1943 года;
- 4) генерал-майор Н.С. Дронов, с февраля 1943 года до конца войны и расформирования армии.

22-я армия – 110 тысяч воинов-уральцев, – выполняя свой священный долг перед Родиной, с первых дней Великой Отечественной войны вступила в бой с фашистскими захватчиками. В напряжённых сражениях с врагом, проходивших днём и ночью в любых погодных условиях, войска армии в сочетании с действиями других армий, за период Отечественной войны освободили огромные территории и десятки тысяч населённых пунктов Калининской (ныне – Тверской), Псковской областей и Латвийской ССР. Был освобождён город Селижарово (на Волге), велись успешные бои за освобождение города Белый (в пределах его северо-восточной окраины). Задача по его полному освобождению была передана 39-й армии. Были освобождены: г. Холм, Новоскольники, районные города Насва, Локня, Новоржев с форсированием р. Великая. В марте 1944 года было очищено от захватчиков обширное предместье Пушкинских Гор – Михайловское. Фотография дома А.С. Пушкина, выполненная с наблюдательного пункта, была с разведсводкой отправлена в штаб артиллерии Калининского фронта.

На территории Латвийской ССР были освобождены города: Освея, Виляны, Рудзети, Крустпилс, Гостини и др. В октябре 1944 года войска 22-й армии принимали участие в освобождении столицы Латвии – города Риги.

За период Отечественной войны 22-я армия прошла с боями по фронтовым дорогам путь более 1000 километров, действуя в составе пяти фронтов:

- Западного фронта – с июня по октябрь 1941 года;
- Калининского фронта – с октября 1941 года по апрель 1943 года;
- Северо-Западного фронта – с апреля по октябрь 1943 года;
- 2-го Прибалтийского фронта – с октября 1943 года по март 1945 г.;
- Ленинградского фронта – в течение марта 1945 года.

В марте 1945 года по решению Верховного Главного Командования 22-я армия полным составом была передислоцирована в Румынию, где и встретила незабываемый Победный День в Великой Отечественной войне – **9 мая 1945 года.**

В августе того же 1945 года армия возвратилась на Родину и по приказу Ставки была расформирована. Соединения и отдельные части были распределены по действовавшим в стране военным округам, а офицерский состав штаба армии был направлен на укомплектование организуемого Таврического военного округа в город Симферополь. Некоторая часть офицеров была демобилизована.

* * *

Войска армии по прибытии в назначенный район сосредоточения в силу сложившейся на фронтах Отечественной войны обстановки и принятого в связи с этим решения Ставки Главного Командования от 26 июня фактически миновали вхождение в состав Резервного фронта, как предполагалось ранее. В полосе действий Западного фронта создавался новый оборонительный рубеж по линии: р. Западная Двина – Полоцк – Витебск – Орша – Могилёв – Мозырь с целью остановить дальнейшее продвижение противника к Москве, нанося ему существенный ущерб в живой силе и боевой технике. К выполнению этой задачи привлекались войска 13-й, 19, 20, 21 и 22-й армий. Командующим Западным фронтом был назначен нарком обороны СССР маршал С.К. Тимошенко, его заместителем – генерал-лейтенант А.И. Ерёмченко, начальником штаба – генерал-лейтенант Г.К. Маландин.

Первый оборонительный рубеж армии (26 июня–16 июля 1941 г.) (схема 1)

Для 22-й армии была определена полоса оборонительных действий в следующих границах. Справа: Вильнюс – Краслава (исключая Пушкинские Горы), слева: Минск (исключая Борисов), Колышки (25 км восточнее Витебска), г. Белый с оборонительным рубежом по линии г. Себеж – г. Дрисса – г. Дисна – г. Полоцк – г. Улла – г. Бешенковичи – г. Витебск, общей протяжённостью 240 км.

Определившийся рубеж, естественно, не был надлежаще оборудован в инженерном и стрелковом («огневом») отноше-

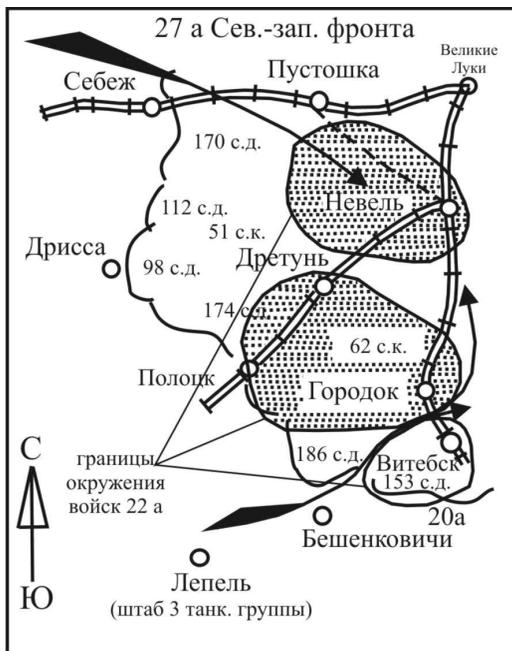


Схема 1. Расположение на местности оборонительного рубежа №1 (протяжённостью 240 км) в период 26.06. 1941 г. – 12.07.1941 г. Включал населённые пункты: Себеж, Дрисса, Дисна, Полоцк, Улла, Бешенковичи, Витебск.

нии. Всё надо было создавать. А времени для этого практически не было. Войска выполняли лишь какой-то минимум из этого комплекса, умело используя рельеф местности и естественные преграды (лесные массивы, озёра, заболоченные места и др.). Нуждались в проведении восстановительных работ и вошедшие в эту оборонительную систему армии два укрепрайона (УРа): Себежский и Полоцкий, законсервированные в 1939 году. Использование этих мощных опорных пунктов в оборонительных целях было крайне необходимо. Воины 186-й, 170 и 174-й стрелковых дивизий, имевшие отношение к их использованию, для оживления их огневой мощи сделали немало. Уместно сказать здесь о том, что выдвигание войск 22-й армии и многочисленных организаций тыла в район предстоящих сражений с фашистскими

захватчиками проходило в сложных условиях. Война чувствовалась повсеместно и во всём.

Передвигающиеся войсковые колонны и транспорт с боевым имуществом, армейские госпитали, прифронтовые железнодорожные станции и города – всё подвергалось непрерывным обстрелам и бомбёжке с воздуха авиацией противника.

В тылы наших войск время от времени забрасывались хорошо вооружённые десанты. Действовали и диверсанты. Всё это надо было преодолевать и вести борьбу с врагом, начиная уже с подходов к определившемуся оборонительному рубежу армии.

Войска наши авиацией не прикрывались – её не было. Средствами защиты и сдерживания действий авиации противника был огонь наших зенитных артдивизионов и отдельных батарей, которые входили в состав дивизий и некоторых штабов армии. Артиллеристы действовали неизменно отлично, смело и эффективно, что, конечно, ободряло и восхищало воинов. Применялись в этих целях и другие средства защиты: маскировка, рассредоточение войск, использование естественных укрытий, «оповещение» и др. Враг это чувствовал и менял тактику атак, он действовал отчаянно, не исключая обстрела даже отдельно идущих автомашин или малых групп воинов.

Эта «отвага» гитлеровских асов во многих случаях не оставалась безнаказанной. Даже при ограниченных возможностях борьбы с авиацией противника войска армии сбивали до 60 и более самолётов в месяц. Однако постоянное господство авиации противника в воздухе существенно осложняло действия армии. Что касается приданной 22-й армии 46-й авиадивизии, то она по классу своих боевых машин (Ar-2 и СБ-м) использовалась в армии исключительно в разведывательных и агитационных целях и время от времени, по приказу командующего или штаба армии, наносила бомбовые удары по скоплению войск врага. В сражениях с боевой авиацией фашистских захватчиков эскадрильи дивизии не участвовали.

С определением Ставкой Главного Командования боевого задания армии её штаб 26–28 июня 1941 года по решению Военного совета был временно размещён в г. Великие Луки, а его второй эшелон – в лесном массиве, севернее станции Назимово. По прибытии (ж.д. эшелоном) личный состав штаба незамедлительно включился в действия по выполнению решения Ставки.

Войскам 22-й армии приказом № 01/оп от 29. 06. 1941 года была доведена до сведения полоса оборонительных действий армии и ближайшая задача – «о недопущении выдвижения противника севернее р. Западная Двина».

Для выполнения этой задачи каждой дивизии армии были определены участки оборонительного рубежа, определены задачи артиллерии, подразделениям армейской связи и другим службам армии, реально содействующим успеху наших войск.

Оборона правого фланга армии от ж.д. узла Себеж и города Себеж, находящегося в 3 км от железной дороги (по мелководной реке Исса и далее до городов Дрисса и Дисна включительно), возлагалась на войска 51-го стрелкового корпуса (командир – генерал-майор А.М. Марков) и его дивизий: 170-й с.д. (командир – генерал-майор Т.К. Силкин), 112-й с.д. (командир – полковник И.А. Копяк) и 98-й с.д. (командир – генерал-майор М.Ф. Гаврилов).

Оборона левого фланга армии – от гор. Дисна – Полоцк – Улла – Бешенковичи – Гнездиловичи – Витебск – ст. Крынки (за исключением самого г. Дисна) возлагалась на войска 62-го с.к. (командир – генерал-майор И.П. Карманов) и его дивизии: 174-ю с.д. (командир – комбриг А.И. Зыгин), 186-ю с.д. (командир – генерал-майор Н.И. Бирюков) и 153-ю с.д. (командир – полковник Н.А. Гаген).

Свои оборонительные участки (дивизии и огневые позиции) артиллерия армии занимала во второй половине 3-й декады июня месяца. Первыми из дивизий прибыли 112-я, 174, 186 и 98-я стрелковые дивизии, остальные – несколькими днями позднее.

Одновременно во исполнение приведённого выше приказа № 01/оп штабом армии был сформирован так называемый

«подвижной армейский резерв». Состав его в силу обстоятельств был невелик. Он включал один стрелковый полк 174-й стрелковой дивизии, усиленный артиллерией и необходимым для передвижений автотранспортом. Размещён он был в районе города Невеля.

В последующие дни (уже в июле) этот «резерв» время от времени несколько усиливался за счёт частей, выходявших под давлением противника с территории Латвии (126-й, 179-й и другие стрелковые дивизии), но и в этом случае его возможности оставались ограниченными или не соответствующими складывавшимся боевым требованиям армии.

Таким образом, шесть уральских дивизий с полевыми управлениями двух стрелковых корпусов 22-й армии к 1 июля 1941 года заняли свой первый оборонительный рубеж, ставший одновременно правым флангом Западного фронта. Справа действовала 27-я армия Северо-Западного фронта, слева (расположенные уступом) войска 20-й армии, командующим которой был генерал П.А. Курочкин, а с сентября 1941 года – генерал Ф.А. Ершаков.

Тем временем гитлеровский план «Барбаросса» действовал, и дела в Прибалтике и Белоруссии, как подчеркивал маршал Г.К. Жуков в своих воспоминаниях, складывались «крайне неблагоприятно». 8-я армия Северо-Западного фронта отходила на Ригу, 11-я армия пробивалась в направлении Полоцка.

Для усиления фронта и в целях прикрытия Псковско-Ленинградского направления Ставкой Главного Командования было приказано 21-й мехкорпус (командир – генерал Д.Д. Лелюшенко) передислоцировать в район города Даугавпилс, расположенный на реке Западная Двина, а 22-й армии одну дивизию выдвинуть в район города Краслава Латвийской ССР. Этой дивизией, по решению командующего армией, стала 112-я стрелковая дивизия (командир – полковник Я.С. Адамсон, позднее – полковник И.А. Копяк).

Дивизия, сосредоточившись к 23 июня 1941 года в районе ж.д. станции Дретунь, в 10 км восточнее Полоцка, с получением боевого задания на выдвижение в заданный район определила боевой порядок своего форсированного марша (150 км), а также и организацию в отражении возможной встречи с противником.

Передовой отряд дивизии под командованием капитана П.В. Зорострова, преодолевая многочисленные осложнения в пути, связанные с действием авиации противника, к исходу 25 июня достиг, как и планировалось, восточных окраин Краславы.

«По ходу движения отряда, – как пишет в своих воспоминаниях капитан П.В. Зоростров, ставший позднее полковником, – потери отряда не казались нам большими».

Бóльшие переживания и сочувствие вызывали у воинов страдания и горе, которые переносили группы беженцев, двигавшихся по дорогам на восток. «Мы видели, как среди трупов матерей ползали окровавленные дети. Седой старик, держась за голову, стоял над убитой женой. По дороге брела женщина и непрерывно кричала на одной ноте. Она вела за руку ослепшую от осколков девочку. И многое другое...». И далее: «Мы поседели на войне, повидали немало самых чудовищных злодеяний врага, но та кошмарная картина и по сей день не потускнела в памяти. Именно тогда, 25 июня 1941 года, мы начали сознавать, что имеем дело не с солдатами противника, а с убийцами и преступниками в солдатской форме». Сказано искренне и правдиво. Подобные кошмарные явления и неприязнь фашистских захватчиков к советским людям сохранялись на протяжении всего периода Отечественной войны.

Краслава жила, но война чувствовалась во всем. Учреждения и организации продолжали её покидать. Улицы были пустынные, окна домов закрыты ставнями. Город подвергался бомбёжкам. Деревянные строения продолжали гореть, и едкий дым пожаров стлался по улицам, по берегам Даугавы.

С запада и северо-запада город прикрывал большой лесистый холм, названный жителями «Замковой горой», в связи с тем, что здесь расположен старинный замок бывших латышских графов Платеров. Именно здесь, на западном склоне горы, сразу же по прибытии, в ночь на 26 июня, отряд занял оборону, превратив «Замковую» в «боевой рубеж».

В полдень наступившего дня отрядом капитана П.В. Зорострова была установлена связь с 21-м мехкорпусом, которому предстояло действовать по соседству – справа.

Противник наступал, и в первые же дни [разведкой] было установлено, что перед фронтом находились две механизированные дивизии (111-я и 121-я) и крупные танковые соединения врага.

К 30 июня подошли главные силы дивизии и по мере прибытия их в данный район практически сразу же вступали в бой с развернувшимися силами противника. Происходили упорные бои. Краслава переходила из рук в руки несколько раз.

Однако силы были далеко не равные. Нанося ощутимый ущерб наступающим соединениям фашистских захватчиков, плотно прикрываемых авиацией с воздуха, 21-й мехкорпус вместе с войсками 27-й армии отходил на северо-восток, а части 112-й с.д. – на восток, к реке Сарьянка, на участок оборонительного рубежа 22-й армии между 170-й и 98-й дивизиями.

Другие дивизии и части армии, подвергавшиеся активной бомбёжке с воздуха, в непосредственное соприкосновение с противником по всему фронту вошли 6 и 7 июля 1941 года.

Перед фронтом армии войсковой разведкой было установлено действие пяти армейских корпусов 3-й танковой группы генерала Гота, входившей в состав Группы армий «Центр», и 16-й армии – Группы армий «Север» противника общим составом, по разным источникам, в 13 или 15 дивизий, с тремя танковыми в том числе.

На правом фланге оборонительного рубежа 22-й армии против 170-й и 112-й стрелковых дивизий действовали пять немецких дивизий 28-го и 2-го артиллерийских корпусов: 290-я, 123, 121, 12 и 32-я пехотные дивизии.

На левом фланге против обороняющихся 186-й и 153-й стрелковых дивизий действовали со стороны немцев четыре с половиной дивизии 39-го мехкорпуса, в том числе 14-я, 18-я механизированные дивизии, 20-я и 7-я танковые дивизии.

В центре, в направлении г. Полоцк, против обороняющихся 98-й, 174-й стрелковых дивизий и 126-й стрелковой дивизии, вышедшей из окружения при отходе с территории Латвийской ССР, наступали три с половиной дивизии 50-го артиллерийского корпуса, а также 57-й механизированный корпус: 253-я, 251-я

пехотные дивизии, 19-я танковая дивизия и половина 14-й механизированной дивизии, имея в оперативном резерве две дивизии: 81-ю и 206-ю 23-го артиллерийского корпуса*.

Развернувшиеся бои носили упорный и напряжённый в моральном и физическом отношении характер. Позиции воинов армии были в огне сражений.

Бесконтрольно действовавшая авиация противника не только плотно прикрывала движение своих механизированных соединений, но и постоянно обстреливала, бомбила боевые порядки наших войск.

Вносила свой вклад (если можно так выразиться) в эти сражения и артиллерия врага, ведя массированный огонь с ближних и дальних позиций.

В борьбе с превосходящими силами противника создавалась, естественно, сложная обстановка. Она усложнялась ещё и тем, что борьба шла на широком фронте, когда обороняющаяся дивизия имела участок по фронту в 40 километров против 8–10, предусматриваемых «Полевым уставом Красной Армии», а количество миномётно-артиллерийских стволов на километр фронта составляло всего 4–5. И всё это при условии, что 22-я армия, как уже упоминалось, в своём распоряжении танковых частей фактически не имела. Не прикрывались её действия и с воздуха.

Воины-уральцы, как и солдаты соседних армий, оказавшись впервые в своей жизни в такой обстановке, не дрогнули. Они оставались на высоте своего патриотического долга и верности своей присяге. В армии повсюду проявлялся массовый героизм. Не щадя своей жизни, воины сражались с врагом до последнего патрона и снаряда.

Это не просто фраза: так это было!

* Эти данные находят подтверждение в изданиях Военно-исторического отдела Научного управления МО СССР. Что касается упоминаемых в некоторых изданиях 111-й немецкой пехотной дивизии и 18-й штурмовой дивизии, то они, понеся большие потери в боях под г. Краслава, своим полным составом здесь уже не участвовали

В борьбе с бронетанковой боевой техникой противника, с его авиацией и при разрушении оборонительных инженерных сооружений (проволочных заграждений, блиндажей, дотов, дзотов и др.) привлекались, как правило, все средства, которыми располагала армия.

Главной же ударной и огневой силой войск для 22-й армии была и оставалась на протяжении всего периода войны артиллерия, наносившая во всех случаях огромный ущерб врагу, его живой силе и технике. Артиллеристы дорожили своим оружием и были внимательны к нему, хорошо им владели и огонь вели с повышенной точностью: «каждый снаряд – в цель!». И потому факелы огня и густого чёрного дыма от подбитых в бою вражеских танков или бронемашин можно было наблюдать повсеместно. Нередки были и случаи, когда на голубом небосклоне появлялись тёмные дуги горящих самолётов противника, неизменно вызывавшие у наблюдающих искреннее восхищение и радость.

Все эти осязаемые результаты действий артиллерии, как и сама стойкость и отвага в бою, конечно, положительно сказывались на моральном состоянии и боеспособности сражающихся, поддерживали их и вселяли уверенность в победе.

Велика была роль в боях и наших связистов. В труднейших условиях, нередко под огнём противника, они с присущей им находчивостью и мужеством наводили или восстанавливали связь штабов с действовавшими соединениями или частями армии. Потеря связи с частями была недопустима, она влекла в этих случаях серьёзные осложнения и даже невыполнение боевой задачи. Связисты армии (тоже наши уральцы) относились к своим обязанностям со всей ответственностью.

Большим уважением у бойцов Отечественной войны пользовались и наши медицинские работники. В трудных условиях фронтовой действительности они с чувством высокого долга делали всё возможное и, казалось бы, невозможное ради спасения жизни человека, жизни солдата, с оружием в руках сражавшегося с врагом за счастье своей Родины. Особо сложны и трудны были

эти задачи у медработников медсанбатов дивизий и отдельных воинских частей.

Находясь в боях рядом с бойцами или в непосредственной к ним близости, они под огнём, рискуя всякий раз своей жизнью, всегда были готовы оказать раненому помощь, вынести с поля боя, чтобы в палатках, простреливаемых нередко пулями и осколками снарядов врага, врачи-хирурги могли сделать несложную операцию. Затем раненые воины при содействии автосанитарных рот эвакуировались в полевые военные госпитали для прохождения необходимого восстановительного лечения.

* * *

Определившаяся группировка войск фашистских захватчиков имела главную задачу – окружить и уничтожить войска 22-й армии с последующим выходом во фланг и тыл всего Западного фронта.

Для этого данной группировкой были предприняты наступательные действия (удары) по трём направлениям:

на правом фланге – через Себеж на Идрицу;

на левом фланге – через Городок и Невель на Великие Луки;

в центре – через Дисну и Борковичи на Невель.

В преддверии этих действий противнику силами 3-й танковой группы 6 июля 1941 года удалось форсировать реку Западная Двина в районах Дисна и Улла, захватив при этом на северном её берегу плацдармы, что в значительной степени осложнило обстановку у обороняющихся дивизий армии.

170-я стрелковая дивизия, действуя на правом фланге оборонительного рубежа, опираясь в какой-то степени на огневую систему укрепрайона, в течение нескольких дней июля 1941 года успешно отражала яростные атаки крупных сил врага. Предпринимая контратаки, дивизия не раз восстанавливала своё положение, ликвидируя прорывы противника, нанося ему немалый ущерб. Однако силы дивизии день ото дня убывали. Пополнения не было. А правый фланг, граничивший с соседней 27-й армией, оказался открытым. В этих условиях дивизия, чтобы избежать

окружения, медленно, с упорными боями отходила на восток, оставляя, к сожалению, и город Себеж (9.07.1941 г.).

112-я стрелковая дивизия, с выходом 5 июля на свой основной (армейский) оборонительный рубеж по реке Сарьянка, сразу же, не теряя времени, позаботилась о создании защитных оборонительных сооружений и о готовности к отражению очередных атак противника.

В этот же день Приказом по дивизии отмечалось «большое упорство, смелость и храбрость воинов, проявленные в боях с фашистами».

Доводился до сведения и приказ Военного совета 22-й армии «об объявлении благодарности всему личному составу и ряду частей дивизии за проявленную доблесть, мужество и отвагу в боях под Краславой».

Развернувшееся 7 июля наступление фашистских захватчиков по всему фронту 22-й армии захватило и участок 112-й с.д. Против сил дивизии наступало более двух вражеских дивизий с танками.

«Авиация врага, – как пишет в своих воспоминаниях капитан П.В. Зороастров, – не давала ни часа передышки. Бомбардировке подвергалось всё расположение дивизии: от переднего края до тылов. Пикировщики сбрасывали сотни бомб с истошно воющими сиренами. Для вящего устрашения гитлеровцы применяли пустые металлические бочки из-под горючего с пробитыми в них отверстиями. Низвергаясь вниз, бочки издавали ни на что не похожие пронзительные звуки». Такое «сопровождение» наступающих сил врага с воздуха отмечалось на участках обороны всех дивизий армии – на огромной площади прифронтной полосы.

Но воины 112-й дивизии в своих действиях не теряли чувства самообладания и собранности в борьбе с противником. Располагая приобретённым за несколько дней сражений опытом, они мужественно отражали многочисленные атаки врага, нанося ему немалый ущерб в живой силе и технике. Но силы дивизии не беспредельны. День ото дня они сокращались, и дивизия

с боями отходила от рубежа к рубежу на северо-восток в направлении пос. Репище, что в 15 километрах юго-западнее города Невель*.

98-я стрелковая дивизия, согласуя свои оборонительные действия с соседними 112-й и 174-й дивизиями, также с первых дней развернувшихся сражений вступила в бой с превосходящими силами врага, усиленными 19-й танковой и 14-й моторизованными дивизиями.

Волею судьбы наша дивизия оказалась в центре оборонительного рубежа армии, в промежутке между Себежским и Полоцким укрепрайонами, на том участке, на котором командование противника планировало осуществить прорыв нашей обороны – в центре. Кроме того, в силу обстоятельств перед дивизией стояла и задача пропуска через свои боевые порядки войск 11-й армии, отходивших с территории Латвии под давлением противника при активном воздействии авиации.

Всё это в существенной степени осложняло оборонительные задачи дивизии, демаскировало расположение её частей, создавало дополнительные трудности в перегруппировке сил и в обеспечении войск оружием.

Воины дивизии оказывали упорное сопротивление действиям противника, мужественно контратаковали прорывавшиеся группы гитлеровцев, неизменно нанося им большие потери. Борьба же складывалась не в пользу обороняющихся.

98-я дивизия, усиленная подразделениями 126-й стрелковой дивизии из числа соединений, отходивших с территории Латвии, под давлением превосходящих сил врага была вынуждена, как и соседние дивизии справа, оставлять занимаемые позиции и переходить, сообразуясь с обстановкой, на новые рубежи в общем направлении на северо-восток, к озеру Нещердо и Невелю**.

* Подробно о действиях дивизии написано в книге П. Зороастрова «Это было под Краславой». Пермь, 1983

** Об этом можно прочитать в книге С.П. Зубарева «Боевая доблесть сынов Удмуртии». Ижевск, 1982

Таким образом, в силу складывавшихся обстоятельств, все три дивизии 51-го стрелкового корпуса с артиллерией были вынуждены с боями отходить. В неравных сражениях с противником они несли значительные потери, восстановить которые в тот момент командование армией возможностей не находило.

Напряжение в войсках нарастало. Масштабы борьбы росли день ото дня. Немецкое командование в эту борьбу вводило всё новые и новые свежие силы, сопровождавшиеся танками и активными действиями авиации с воздуха.

К середине июля 1941 года войска с полевым управлением 51-го корпуса оказались в окружении, в плотном кольце семи дивизий противника. Возникла новая, сложнейшая задача – выхода войск из создавшегося положения. Для достижения этого командующим корпусом 19 июля отдаётся приказ по организации прорыва и выхода войск из окружения на восток, в общем направлении на Новосокольники. Со стороны командования 22-й армии в этих же целях были привлечены силы 179-й с.д. и образованного отряда под командой полковника Бунина численностью 500 человек.

Воины соединений, оказавшиеся в окружении, понимали и чувствовали остроту создавшегося положения. Мужественно, с присущей уральцам отвагой, они продолжали сражаться с врагом.

Артиллеристы, оставаясь без снарядов, горючего или конной тяги (лошадей), снимали замки с орудий и закапывали их в памятные для них места. То же делали и связисты со своими приборами. Это делалось для того, чтобы это оружие и аппаратура не попали в руки фашистских захватчиков, с искренней надеждой, что оно в своё время ещё хорошо послужит Отечеству. Оставаясь с личным оружием, воины-артиллеристы вливались в пехотные подразделения дивизий и участвовали в боях в общем строю с однополчанами.

В результате упорных сражений в «кольце окружения» время от времени образовывались «окна», желанные просветы к свободе. Они были кратковременными, но хорошо использовались

войсками. В первую очередь пропускались обозы с ранеными, а затем уже – штабы и личный состав соединений.

В одном из таких прорывов из окружения вышел, будучи тяжело раненным, и командир 112-й стрелковой дивизии полковник И.А. Копяк.

Весь процесс выхода из окружения войск 51-го стрелкового корпуса был осложнён рядом причин и в том числе упреждающими действиями противника, занявшего 16 июля 1941 года город Невель.

Дивизии понесли большие потери в последующие дни июля, но, отбиваясь от преследующих фашистских захватчиков, мелкими группами выходили из окружения.

Сложно развивались события и на левом фланге оборонительного рубежа 22-й армии. 3-я танковая группа немцев, форсируя реку Западная Двина, всей своей мощью двинулась на восток. С первых дней сражений, 6–7 июля, ей удалось прорвать оборону 186-й стрелковой дивизии на участке Улла – Бешенковичи, а в центре, обойдя Полоцкий укрепрайон, вклиниться в расположение 174-й стрелковой дивизии на стыке с 98-й с.д. В образовавшийся прорыв на участке 186-й стрелковой дивизии противником с ходу были введены в бой две танковые и до трёх моторизованных дивизий 39-го мехкорпуса. Развернувшиеся бои носили ожесточённый характер. 186-я дивизия и привлечённые части 62-го стрелкового корпуса, контратакуя ворвавшиеся силы врага, стремились в течение 7 и 8 июля восстановить положение на занимаемом рубеже.

Силы, однако, были далеко не равные. У обороняющейся стороны не было сил и средств, чтобы достойно, на равных, вести борьбу с колоннами танков и действиями вражеской авиации. Дивизия, неся немалые потери, была вынуждена отходить в северо-восточном направлении, в район Великих Лук. Враг же, развивая успех в северо-восточном направлении, 10 июля врывается в город Городок, а 11 июля занимает город Витебск, вступая при этом в соприкосновение с войсками 19-й армии генерала И.С.Конева. Это событие на участке 186-й стрелковой дивизии

привело в итоге к окружению противником всех трёх дивизий 62-го стрелкового корпуса. 153-я дивизия, оборонявшая город Витебск и его обширное предместье с запада от пос. Гнездиловичи по линии группы озёр Сарро до ст. Крынки (на железной дороге Витебск – Смоленск), героически отражала многочисленные атаки 7-й танковой дивизии фашистских захватчиков, нанося ей при этом ощутимый ущерб.

Во исполнение приказа командира корпуса, дивизия, её командир полковник Н.А. Гаген принимают решительные меры, чтобы вырваться из кольца окружения. И это дивизии удаётся. 11 июля 1941 года, расставшись с 22-й армией, она в сложных условиях осуществляет хорошо продуманный марш по территории, занятой к тому времени противником. Преодолевая все трудности в пути, дивизия 18 июля вышла к реке Гарница. Умело, с соблюдением надлежащей маскировки, форсировала её и в районе Гробово – Заречье, что на Смоленщине, вышла из окружения.

24 июля на подступах к Смоленску дивизия соединилась с действиями главных сил Западного фронта и вошла вначале в состав 16-й армии, а спустя несколько дней, 25 июля, по решению штаба фронта она была включена в состав 20-й армии. За время выхода из окружения 153-я дивизия численно не убавилась, а значительно даже увеличилась – с 12 до 16 тысяч человек. Произошло это за счёт групп и воинских подразделений, также выходивших из окружения и присоединявшихся к колоннам дивизии.

«За исключительную организованность, отвагу, стойкость и дисциплину в боях при выходе из окружения» Военный совет Западного фронта объявил всему личному составу дивизии *благодарность*. В дальнейшем дивизия участвовала в Смоленском сражении и в *разгроме врага в районе Ельни, где фашистские захватчики потерпели первое крупное поражение в Отечественной войне*.

За героизм, проявленный на белорусской и смоленской земле, большая группа воинов 153-й стрелковой дивизии была удостоена высоких правительственных наград, а их дивизия

по Приказу № 308 от 18.09.1941 года Наркома обороны СССР преобразована в 3-ю гвардейскую.

* * *

Мужественно и стойко вела бои в эти дни и 174-я стрелковая дивизия. Под командованием комбрига А.И. Зыгина дивизия, совместно с действиями Полоцкого гарнизона, отдельных подразделений 17-й стрелковой дивизии, перемещавшейся в то время в другой район боевых действий Западного фронта и восстановленного «укрепрайона», успешно удерживала свой оборонительный рубеж.

Согласовывая свои действия с действиями соседей, дивизия отражала многочисленные, хорошо спланированные атаки противника, активно поддерживаемые танками, артиллерией и плотно прикрываемые авиацией с воздуха.

Особенно жестокие и упорные бои складывались в районах пос. Борковичи и Боровухи-1, где, в дополнение ко всему, 7 июля 1941 года был сброшен хорошо вооружённый десант силою до двух батальонов. На все эти действия врага воины дивизии отвечали отвагой и стойкостью в борьбе, горячим стремлением защитить свою Родину, не щадя своей жизни.

«Стойкость защитников Полоцка, – как пишут однополчане в своих воспоминаниях, – ошеломляла гитлеровское командование». Об этом свидетельствуют и слова командира немецкой 3-й танковой группы генерала Г. Гота, который в своих мемуарах называет Полоцк «крепостью», которую можно взять лишь обойдя с тыла, и признаёт, что «в Полоцке находится способный руководитель».

Так оно и было. Фланги дивизии были охвачены противником, а подступы к городу Полоцку и сам город оставались в руках советских воинов. Полмесяца дивизия вела напряжённые, непрерывные бои с превосходящими силами врага, не сделав «ни шагу назад».

Силы сопротивления, однако, таяли день ото дня. Потери росли. И только по приказу командующего 22-й армией генерала

Ф.А. Ершакова 16 июля дивизия предприняла отход с занимаемого рубежа. Под командованием своего командира умело и с малыми потерями дивизия с боями выходит из кольца окружения и достигает назначенного района своего сосредоточения, попутно содействуя выходу из окружения и штабу 62-го стрелкового корпуса.

За успешные действия по отражению фашистских захватчиков и высокую организованность дивизии при выходе из окружения товарищу А.И. Зыгину командующим Западным фронтом была объявлена благодарность с присвоением воинского звания генерал-майор. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1941 года он был награждён орденом Ленина.

Развернувшиеся события в войсках беспокоили и ставили в трудное положение командование армией. В целях перелома хода событий или хотя бы сдерживания продвижения врага командующим и штабом армии принимались все возможные для того меры. Так, 4 июля при переговорах начальника штаба армии с начальником штаба фронта генералом Г.К. Маландиным была выражена просьба поддержать действия 22-й армии и выделить из резервов в её распоряжение один танковый полк, две истребительные эскадрильи, некоторые средства ПВО и три батальона автомашин для срочной переброски пехоты в нужные районы фронта. Было обещано, но, к сожалению, не выполнено.

В первых числах июля 1941 года армию посетил заместитель командующего Западным фронтом – генерал-лейтенант А.И. Ерёмченко. Детально ознакомившись с обстановкой, он нашёл её сложной, отметил некоторые недостатки в руководстве войсками, а также в действиях соединений 51-го стрелкового корпуса и лично его командира А.М. Маркова.

Генерал-лейтенант принял непосредственное участие в боях 170-й и 98-й стрелковых дивизий (51-го стрелкового полка) по восстановлению ими положения на занимаемых оборонительных участках фронта, в отражении войск противника по захвату города Городок на левом фланге фронта армии в операции по ликвидации

крупного десанта гитлеровцев, сброшенного в центре армейского оборонительного рубежа в районе Боровухи*.

Несколькими днями позднее, по согласованию со штабом фронта, командование 22-й армии в целях восстановления положения на левом фланге армии, обострившегося в связи с прорывом фронта на участке Улла – Бешенковичи, на основании боевого приказа № 04 от 11 июля 1941 года предприняло наступательную операцию «по уничтожению ворвавшегося противника». К этой задаче были привлечены силы 186-й, 174 и 214-й стрелковых дивизий, артиллерийские части усиления РКК и средства авиадивизии армии. С юга на город Витебск планировалось наступление 19-й армии Западного фронта под командованием генерала И.С. Конева.

Боевым приказом № 04/оп от 11 июля 1941 года предусматривалось:

1. 51-му стрелковому корпусу (170-я, 112, 98-я с.д. и отряду полковника Воробьёва) удерживать занимаемое положение, одновременно подготовить новый рубеж по фронту: Козлы, Акутово, Волково, восточный берег оз. Себежское, Клястицы и далее по восточному берегу реки Нища.

Отход – только с разрешения командующего армией.

2. 62-му стрелковому корпусу (174-я, 186, 214 и 50-я стрелковые дивизии) во взаимодействии с частями 19-й армии с утра 12.07. организовать наступление по уничтожению ворвавшегося противника в район м. Городок, Сиротино, Оболь.

Командиру 62-го с.к. в Полоцком УРе оставить не более усиленного стр[елкового] полка и части гарнизона УРа.

Остальным частям 174-й с.д. организовать наступление в направлении – ст. Оболь, 186-й с.д. – в направлении Стодолище, а 214-й с.д. – в направлении ст. Сиротино, ст. Ловша. Части 19-й армии будут наступать из района севернее Витебска в направлении Шумилино.

*Подробно об этом эпизоде можно прочитать в книге А.И. Ерёменко «На западном направлении». М., 1959

Всем частям наступать с основной задачей уничтожения во-
рвавшегося противника.

К[омандный] п[ункт] 62-го корпуса – Труды.

3. Командующему ВВС с рассвета 12.07.1941 года всеми си-
лами атаковать противника в районе Швейхи, Сиротино, Ловша,
искл. Городок, Оболь, ст. Ловша, Шумилино, оз. Задновское.

Не допустить подход новых частей противника к переправам
Усвица-1–8, Улла, Бешенковичи.

Штурмовыми действиями содействовать наземным войскам
по уничтожению противника.

Ершаков, Леонов, Захаров.

* * *

Состав 22-й армии в первой декаде июля 1941 года несколько
изменился. Выбыла 153-я стрелковая дивизия и дополнительно
вошли две дивизии полного состава – 214-я стрелковая дивизия
и 48-я танковая дивизия с учебно-боевыми танками Т-26, с ар-
тиллерией РК: 336-м артполком, 697-м артполком ПТО, 390-м
ГАП и двумя инженерными батальонами.

В районе обороны армии сосредоточивались в эти дни и мало-
численные части 29-го стрелкового корпуса (126-я, 179 и 50-я стрел-
ковые дивизии), выходившие из окружения с территории Латвии.

Предпринятые наступательные действия 22-й и 19-й армий
на левом фланге армии не увенчались, однако, успехом. Бро-
нетанковые силы противника, плотно прикрываемые авиацией
с воздуха, значительно превосходили силы и возможности со-
ветских войск.

В упорных боях, развернувшихся на широком фронте, враг,
неся большие потери, всё же продвигался. В эти июльские дни
1941 года в огне пожарищ оказались города: Витебск, Городок,
Невель и многие населённые пункты этих районов.

В столь сложном положении находились и войска право-
го фланга армии – 51-го стрелкового корпуса. Продолжая бои
в плотном кольце окружения, они в какой-то момент не усмо-
трели прорыв танковой колонны противника на участке 170-й

стрелковой дивизии. Учитывая, что правый фланг армии был открыт, так как соседняя 27-я армия в это время отходила на северо-восток к городу Холм, колонна врага, обойдя Полоцкий УР с севера, предприняла продвижение на восток, на Идрицу, Пустошку и 19 июля, при активной поддержке авиации, ворвалась в город Великие Луки и заняла его.

Акция противника могла обернуться очень серьёзными осложнениями в плане оборонительных действий 22-й армии. Требовались незамедлительные меры в ликвидации прорыва и освобождении города. Эта ответственная задача боевым приказом № 07 от 21.07.1941 года командующим армией была возложена на 29-й стрелковый корпус, его командира – генерала А.Г. Самохина и дивизии: 48-ю танковую; 179 и 126-ю стрелковые, усиленные артиллерией РГК.

В развернувшихся уличных сражениях советские воины мужественно и стойко отстаивали каждую улицу дорогого города. Рядом с ними в одном строю, не щадя своей жизни, участвовали в боях народные ополченцы города и молодёжь под руководством Ф.Н. Муромцева. Тут и там поднимались столбы чёрного дыма от горящих бронемашин. Гибли и сами фашисты. В этой борьбе, к сожалению, был нанесён немалый ущерб городу и его защитникам. Двое суток шли упорные бои с захватчиками, поставленная задача войсками была выполнена, и город 21 июля был освобожден.

Для поддержания надлежащего порядка в нём и осуществления в дальнейшем мер по охране города Великие Луки командованием армией тем же боевым приказом № 07/оп был назначен начальник гарнизона. Им стал в столь ответственное время генерал Т.К. Силкин.

* * *

К 22 июля 1941 года дивизии 62-го стрелкового корпуса, выйдя из окружения и сосредоточившись в указанных районах, приводили себя в порядок и, приняв пополнение своих рядов из армейского резерва, были в состоянии готовности к выполнению новых оборонительных задач.

Соединения и артиллерийские части 51-го стрелкового корпуса в своих действиях отставали и к этому времени продолжали ещё прорываться из окружения, одновременно отбиваясь от наседавших сил врага.

Исходя из сложившейся новой обстановки в борьбе с фашистскими захватчиками и сохранявшейся перед войсками задачи о «недопущении продвижения врага на восток», Военный совет 22-й армии принимает решение об организации нового оборонительного рубежа по линии: пос. Веретье 1-е, 2-е и 3-е, Еремеево, Веснинское (все в 8–10 километрах северо-западнее города Великие Луки) и далее на юг и юго-восток по пунктам: Городище, Рожково, Макаровка, Горки, Курилово, оз. Едрица, Карпово (у оз. Двинье) общей протяжённостью 80 километров с размещением штаба армии в районе ст. Назимова, и к 25 июля 1941 года армия занимает этот рубеж (схема 2).

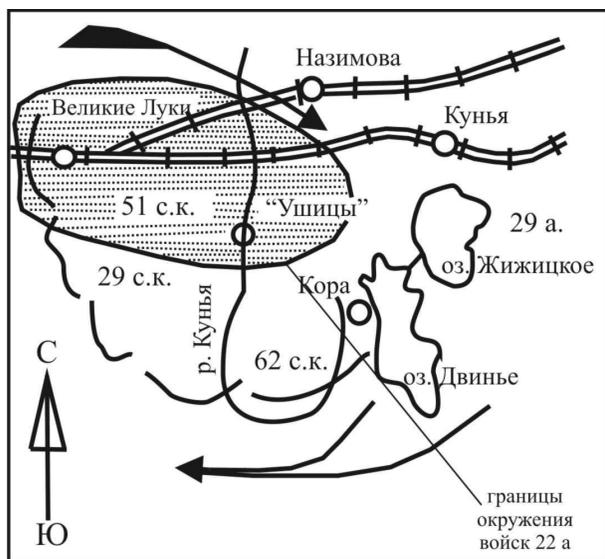


Схема 2. Расположение на местности оборонительного рубежа № 2 (протяжённостью 70 км) в период с 18.07.1941 г. – 25.08.1941 г. Включал населенные пункты: Великие Луки, Веретье, Шабалдино, Рыжково, Макаровка, Дреки, Карпово

Следует отметить, что войска из окружения выходили с боями в северо-восточном направлении. Более успешно это выполнялось 174-й и 186-й с.д., а также 48-й т.д. Штаб 22-й армии за весь период с начала боевых действий в окружении не был. ВПУ 22 (временный пункт управления. – *Сост.*), размещавшийся в районе совхоза «Ушицы», вышел из окружения с войсками.

[В то же время] справа правый фланг армии оставался попрежнему открытым. Слева от оз. Двинье к востоку находились войска 29-й армии под командованием генерал-лейтенанта Масленникова.

Военным советом армии принимается решение (см. Приказ № 21 от 26.07.1941 г.) о реорганизации трёх дивизий 51-го стрелкового корпуса: 170-й, 112, и 98-й в одну дивизию по причине понесённых ими больших потерь личного состава в минувших боях. Сводная дивизия организационно сохраняла прежнюю нумерацию дивизий и состояла из трёх стрелковых и двух артиллерийских полков общей численностью 5000 человек. Командиром её был назначен полковник Н.М. Ласкин, бывший командир 170-й с.д. Новая дивизия была включена в состав армейского резерва и к 27.07.1941 года размещена в районе совхоза «Ушицы» в 15 километрах юго-восточнее города Великие Луки.

Что касается 155-го гаубичного артполка 98-й стрелковой дивизии, сохранившего некоторую боеспособность, то ему была определена другая задача: объединиться и поддерживать боевые действия 214-й стрелковой дивизии.

* * *

Определившийся оборонительный рубеж в инженерном отношении оборудован не был, однако имел, с военной точки зрения, многие естественные преграды, усиление которых техническими средствами создавало войскам хорошую основу для сдерживания наступающего противника.

Закрепившись на новом, втором, оборонительном рубеже, соединения и части армии восстанавливали свою боеготовность

после окружения, вели разведку сил противника и отражали на отдельных участках фронта действия разведгрупп немцев.

По данным армейской разведки, перед фронтом действовала новая группировка войск противника составом в четыре дивизии: 253-й, 110, 86 и 206-й, поддерживаемые танками и авиацией. С нашей стороны продолжали действовать всё те же соединения и части. В соотношении пехотных (стрелковых) соединений противник численно превосходил наши силы в 1,5 раза, а по танкам и авиации – преимущество было полное. В начале августа штабу и командованию армией авиаразведкой было доложено, что против левого фланга армии, в 6–8 километрах, в районе деревень Вязовка, Борисково Подворье, Бородино и др., противником сосредоточены силы до трёх дивизий (двух танковых и одной пехотной), предположительно готовящихся осуществить прорыв обороны армии с выходом в её тыл.

Сведения и предположения эти не лишены были оснований, и командованием армии были восприняты как должное.

Боевым приказом № 13 от 4.08.1941 года войскам была определена задача – «не допустить прорыва противником рубежа на левом фланге армии, для чего упорно оборонять рубеж от оз. Савинское до оз. Двинье». Большая ответственность в этом возлагалась на 62-й стрелковый корпус (174-ю, 186 и сборную 170-ю стрелковые дивизии), поддерживающую его артиллерию РГК и действия 46-й авиадивизии.

Столь угрожающее положение в те дни сохранялось и на севере расположения 22-й армии. Существовавший разрыв между 22-й и соседней 27-й армиями облегчал успешное продвижение войск 4-й танковой группы немцев на северо-восток в направлении городов Холм и Пено, реально угрожая ударом во фланг и по тылам армии.

Требовались бдительность и высокая готовность армии к отражению возможных действий врага, к недопущению его прорыва с севера. Частным примером подготовки к этому может служить боевой приказ №14 от 5 августа 1941 года.

Обстановка на фронтах борьбы с фашистскими захватчиками продолжала оставаться сложной. С трёх сторон своего расположения 22-я армия вела оборонительные бои с превосходящими силами противника. Невосполнимыми оказались и потери, главным образом в артиллерии, понесённые войсками в июле в боях, в окружениях и при выходе из них. Учитывая всё это, Военный совет армии обратился к командованию Западным фронтом со следующим «Боевым донесением №13 от 26.07.1941 года»*.

«Главнокомандующему войсками Западного фронта,
Маршалу Тимошенко С.К.

После непрерывных 20–25-дневных боёв части войск 22-й армии имеют большой некомплект в личном составе и в матчасти артиллерии, особенно – противотанковой: в миномётах, в станковых и ручных пулемётах. Обороноспособность понизилась, несмотря на большую активность в ведении боёв.

Данными наземной и воздушной разведок установлено, что в районе Адамово, Пухово противник сосредотачивает силы мехчастей, создавая реальную угрозу выхода в тыл наших войск, обороняющих район Великих Лук.

Наличных сил для противодействия этому наступлению противника нет. Боевой и численный состав 22-й армии по состоянию на 25.07.1941 года колеблется по личному составу 25–40%, в окружении – 10–20%.

Войска 22-й армии требуют срочного пополнения личным составом и матчастью. При растянутом фронте в 80 километров огневая насыщенность низкая.

Просьба разрешить отвести части армии на более узкий фронт. Желателен фронт в 30 километров: Акулины (6 км северо-западнее ст. Назимово), Орешково, Федюнино, Панково. Разрешить начать отход войскам армии в ночь на 27 июля. Промежуточный рубеж – река Кунья.

* Центральный архив МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 28, л. 22

Требуется винтовок – 30000, ручных пулемётов – 2400, миномётов калибра: 50 мм – 500, 82 мм – 325, 120 мм – 70, а также орудий калибра: 45 мм – 275, 76 мм ПА – 80, 76 мм орудий ДА – 70, 122 мм гаубиц – 110, 152 мм – 175.

Ершаков, Леонов, Захаров

В силу известных обстоятельств ответа на это донесение, к сожалению, не последовало. Войска же, закрепившись на данном рубеже, совершенствовались в инженерном отношении и готовили себя к предстоящим нелёгким сражениям.

* * *

Хотелось бы для читателей сообщить некоторые сведения о соединениях и частях 22-й армии, в числе первых вступивших в борьбу с фашистскими захватчиками во имя защиты нашей Великой Родины.

Военный совет 22-й армии эти сведения по состоянию на 29.07.1941 года излагает так*.

29-й стрелковый корпус. Входят: 179-я, 126-я, 214-я стрелковые дивизии и 48-я танковая дивизия. Командир корпуса – генерал-майор А.Г. Самохин.

179-я стрелковая дивизия. Командир – полковник Н.Г. Гвоздев, военком – полковой комиссар Прюдеус, начальник штаба – майор Копылов. Личный состав – 4497 человек.

В состав 22-й армии дивизия вошла в районе г. Невель 29.06.1941 года, где, выйдя из окружения, была укомплектована, вооружена и пополнена новым составом из ресурсов запасных полков и введена в бой 10. 07.1941 года.

С тех пор дивизия почти ежедневно вела бой с немцами: районы и города Себеж, Идрица, Невель, Пустошка, Великие Луки.

Первоначально состав дивизии не отличался высокой стойкостью. Тяжело воспринималось бойцами и офицерским составом превосходство противника в боевых средствах.

*Центральный архив МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 72. л. 2–16

В последнее время моральное состояние и боевые качества дивизии резко повысились. Дивизия устойчива, бойцы хорошо дерутся, смело идут в атаку.

126-я стрелковая дивизия. Командир – Е.В. Бедин, военком – полковой комиссар Ермаков, начальник штаба – майор Серебров. Личный состав дивизии – 7182 человека. Дивизия входила в состав 11-й армии, имея в личном составе 25% литовцев. При выходе из окружения во время боёв за Борковичи участвовала вместе с 98-й стрелковой дивизией с 7 по 12 июля 1941 года, с 12 июля была подчинена 27-й армии, а 15 июля 1941 года вновь вернулась в подчинение 22-й армии. На первых порах дивизия имела те же недостатки, что и 179-я с.д. Теперь дивизия стала воевать устойчиво.

214-я стрелковая дивизия. Командир – генерал-майор А.Н. Розанов, военком – дивизионный комиссар Шабалов, начальник штаба – подполковник Игначёв. Личный состав дивизии – 5077 человек. Пушек разного калибра – 18, крупных миномётов – 9.

Дивизия прибыла в состав 22-й армии в район города Невель 12.07.1941 г. Некоторые её эшелоны подверглись бомбёжке авиации противника ещё в пути следования по железной дороге, при выгрузке на ст. Невель.

Первые бои с фашистскими войсками, танковыми и мотопехотой, дивизия имела у города Городок, по шоссе Невель – Витебск, подвергаясь налётам противника. В первых боях дивизия имела неудачи. Отмечались те же недостатки, что и у вышеназванных дивизий.

48-я танковая дивизия. Командир – полковник Д.Я. Яковлев, военком – старший батальонный комиссар Соколов, начальник штаба – полковник Ющук.

Личный состав – 10 156 человек. Пушек – 5, миномётов – 7, танков Т-26 – 86 ед. Дивизия, не полностью прибыв к месту сосредоточения, в район г. Невель, вынуждена была вступить в бой за г. Невель с 86-й пехотной дивизией противника. Дивизия не была укомплектована матчастью, а располагала лишь

учебно-боевым парком в количестве 86 машин Т-26, из которых 10 % были не на ходу. Из состава дивизии было образовано две группы. Одна действовала в направлении города Городок с целью поддержки 214-й с.д., другая – была направлена на Себеж, на правый фланг армии, в район действий 170-й с.д.

Танкисты, при ограниченном количестве танков, дрались храбро и упорно.

В боях с 11 июля по 20 июля 1941 года почти все танки были потеряны (подбиты, сожжены), а частично выбыли по техническим причинам. Дивизия, пополнившись за счёт маршевых стрелковых батальонов, вела бои западнее и юго-западнее Великих Лук, действуя, по существу, как стрелковое соединение, так как она имела всего 8 танков. Воины дивизии отличались стойкостью в боях, храбростью. Дивизия заслуживает быть отмеченной.

62-й стрелковый корпус. Командир – генерал-майор И.П. Карманов, военком – бригадный комиссар Курганов, начальник штаба – полковник Пилипенко. В состав стрелкового корпуса на 25 июля 1941 года входили 174-я, 186-я и сборная 170-я стрелковые дивизии.

174-я стрелковая дивизия. Командир – комбриг А.И. Зыгин, военком – бригадный комиссар Евсеев, начальник штаба – полковник Черкасов. Личный состав дивизии – 6482 человека. Пушек – 8, миномётов – 19. Дивизия прибыла из УралВО и с 28 июня 1941 года заняла оборону в районе Полоцкого УРа. Первые бои с противником начала с 4 июля 1941 года. Дивизия проявила исключительное упорство. Героически сражалась с врагом. Предприняла отход по приказу. Вела бои в окружении (в окружении был весь 62-й с.к.). Выйдя из окружения, дивизия вела бои юго-восточнее Великих Лук. Боеспособность дивизия не потеряла. Заслуживает быть отмеченной.

186-я стрелковая дивизия. Командир – генерал-майор Н.И. Бирюков, военком – полковой комиссар Мирошников, начальник штаба – подполковник Ивантеев. Личный состав дивизии – 3794 человека. Пушек разного калибра – 8, крупных минометов – 6.

Дивизия только сосредоточилась и занимала рубеж обороны по северному берегу р. Западная Двина на участке Улла – Бешенковичи, а некоторые её эшелоны выгружались на станции Дретунь, как уже начала подвергаться налётам авиации противника. Дважды передовые эшелоны противника отбрасывались на южный берег Западной Двины. После жестокой огневой атаки с помощью артиллерии, миномётов, особенно авиации переднего края, противник форсировал реку и прорвал оборону дивизии. Дивизия, не сумев сдержать действия вражеских сил, предприняла отход, одновременно попала в окружение, из которого выходила при помощи соседней 174-й стрелковой дивизии. После этого дивизия занимала оборону на участке юго-восточнее Великих Лук. Боеспособность её повышалась.

51-й стрелковый корпус. Командир – генерал-майор А.М. Марков, военком – полковой комиссар Чистов, начальник штаба – полковник Созонов. В состав входили 170-я, 112 и 98-я стрелковые дивизии.

170-я стрелковая дивизия. Командир до 12.07.1941 г. – генерал-майор Т.К. Силкин, с 12.07.1941 г. – полковник Н.М. Ласкин; военком – полковой комиссар Дзарагазов, начальник штаба – майор Варванин. Пушек разного калибра – 31, миномётов – 13. Личный состав – 5322 человека.

Дивизия прибыла из УралВО. Центром обороны был Себежский УР.

Первоначально дивизия проявляла упорство в боях, переходя несколько раз в контратаки. Под давлением противника, применявшего массированный огонь авиации и артиллерии, дивизия теряла свою стойкость и боеспособность.

В связи с отходом 27-й армии обнажился правый фланг дивизии, создалась угроза окружения. С жестокими боями, упорно защищая каждый шаг, дивизия постепенно отходила, оставив Себежский УР, город Себеж и г. Идрицу.

Дивизия неоднократно переходила в контратаки и наносила противнику ущерб. В районе Пустошки дивизия была расчленена на две группы. 391-й стрелковый полк и штаб дивизии были

оттеснены на юг и попали в окружение, из которого медленно и трудно выходили. Остальные два полка во главе с командиром дивизии организовано отошли на новый рубеж. Дивизия пополнилась за счёт маршевых батальонов и обороняла юго-восток и запад города Великие Луки. Личный состав, несмотря на всё пережитое, боеспособен.

112-я стрелковая дивизия. Командир – полковник И.А. Копяк, военком – полковой комиссар Беляев, начальник штаба – майор Родионов.

Дивизия прибыла из УралВО и обороняла рубеж по реке Западная Двина на участке Краслава – Дрисса. С 1.07.1941 г. вступила в бой с противником на реке Западная Двина, имея задачу совместно с 21-м мехкорпусом уничтожить противника в районе Двинска. Дивизия дралась хорошо. В связи с переподчинением 21-го механизированного корпуса 27-й армии и отходом его без предупреждения об этом дивизии она сама, своими силами вела бой с тремя пехотными дивизиями противника (226-й, 3 и 28-й) и во избежание окружения по приказу командарма была отведена на реку Сарьянка.

В этих боях был нанесён противнику значительный урон. Город Краслава трижды переходил из рук в руки, и в дальнейших боях дивизия проявляла упорство и боеспособность. Только за одни сутки, с 9.07. по 10.07. 1941 г., в боях на реке Сарьянка было уничтожено до 5000 фашистов (по данным штаба армии). Во всех этих боях особенно выявились боевые качества, организационные способности и боевой опыт командира дивизии И.А. Копяка. Дивизия и командир заслуживают быть отмеченными.

98-я стрелковая дивизия. Командиром до 6.07.1941 г. был генерал-майор Гаврилов, заменённый полковником Евсюковым. Военком – полковой комиссар Сорокин, начальник штаба – подполковник Ерошенко. Личный состав – 1049 человек.

Дивизия прибыла из УралВО 27.06.1941 года и заняла оборону по северному берегу реки Западная Двина на участке Дрисса – Дисна. В течение периода с 4.07. по 16.07.1941 года дивизия вела непрерывные ожесточённые бои с противником.

Особенным ожесточением бои отличались у населённого пункта Борковичи. В действиях были допущены просчёты, что привело к захвату Борковичей противником.

В дальнейшем, при командире Евсюкове, командире 166-го с.п. майоре Тарасове, павшем в бою 7.07.1941 года смертью храбрых, дивизия проявила себя вполне боеспособной.

С 17 по 22 июля 1941 года 51-й с.к. (112-й, 98-й и корпусные части) был в окружении и с жёсткими боями пробивался в направлении Новосокольников. В районе Усть-Долыссы, Демешкино корпус был сжат тесным кольцом противника силой до 5 дивизий. По данным, имеющимся на захваченной карте противника, 51-й с.к. был окружён 210-й, 14, 253, 206-й и частями 86-й п.д.

Из окружения удалось выйти на 30.07.1941 года: из 98-й с.д. 210 человекам начсостава и 842 красноармейцам; из 112-й с.д. – 140 и 602 человекам соответственно. Из вооружения [сохранена] только часть личного оружия (винтовки, пулемёты и лёгкие миномёты). Кроме того, из окружения полностью с личным составом и материальной частью вышел 155-й гаубичный артполк, который затем снова попал в окружение. Из второго окружения вышло только два дивизиона. Выходя из окружения, дивизионы уничтожили обоз противника, захватили пленных и подвижной состав.

Из остатков и сохранившихся частей 170-й, 112 и 98-й стрелковых дивизий, как уже упоминалось, была сформирована сборная дивизия. Её полки обладали боеспособностью и высокими моральными качествами. Эти полки командование армии предполагало развернуть вновь в дивизии.

256-я стрелковая дивизия. Командир – генерал-майор Иванов, военком – полковой комиссар Рябухин, начальник штаба – полковник Буйволов. Личный состав дивизии – 7925 человек. Пушек – 24, минометов – 112. Дивизия прибыла в состав армии 27.07 1941 года. В боях не участвовала.

Корпусная артиллерия и артиллерия РГК. 545-й корпусной артполк (к.а.п.) прибыл из УралВО 28.06.1941 года. Командир – подполковник П.И. Долгих. Личный состав – 2182 человека,

три дивизиона, пушек калибра 122 мм и гаубиц – 152 мм, всего 36 стволов. Два дивизиона находились в окружении с 51-м стрелковым корпусом. Третий дивизион поддерживал действия 29-го с.к.

56-й корпусной артполк прибыл из УралВО 25.06.1941 г. Командир – майор Я.Е. Музыченко, начальник штаба – Царевский. Личный состав – 1573 человека. Три дивизиона. Пушек калибра 122 мм и гаубиц 152 мм – всего 36 стволов. Полк действовал на участке 62 с.к.

615-й корпусной артполк прибыл в составе частей 29-го стрелкового корпуса 22.07.1941 года из 11-й армии, отходящей с территории Латвии. Командир – капитан И.Н. Маконин. На 30.07.1941 года полк пушек не имел. Был сосредоточен для укомплектования в г. Торопец.

390-й гаубичный артполк РГК в состав армии прибыл 10.07.1941 года. Командир – майор Г.К. Колоколов. Личный состав – 1246 человек. Три дивизиона. Имел пушек калибра 122 мм и гаубиц 152 мм – всего 29 единиц. Полк действовал на участке 174-й с.д. Попал в окружение вместе с частями 174-й с.д. и 56-го к.а.п. При прорыве из окружения растерял свои боеприпасы и, не имея горючего для мехтяги, испортил матчасть и оставил на поле боя 22 гаубицы. Отведён на доукомплектование в г. Торопец.

697-й противотанковый артполк РГК прибыл в состав 22-й армии из Московского военного округа 10.07.1941 года. Командир – майор М.Л. Вовченко, начальник штаба – майор А.И. Никитин. Личный состав – 1042 человека. Полк имел три дивизиона, был укомплектован пушками калибра 85 мм в количестве 27 единиц. Полк непрерывно участвовал в боях с 12 июля 1941 года. Одним дивизионом он поддерживал боевые действия на участке 170-й с.д. и еще двумя дивизионами до 18.07.1941 года – 214-ю с.д., а затем – 48-ю т.д. Один дивизион попал в окружение вместе с 51-й с.д. Полк вполне боеспособен.

360-й г.а.п. РГК. Командир – полковник А.П. Кремлёв, военком – батальонный комиссар Швецов. Полк был включён в состав 22-й армии с начала военных действий с разгрузкой на ст. Дретунь. Личный состав – 1406 человек. Три дивизиона. Полк

с началом боевых действий поддерживал действия 112-й стрелковой дивизии под Краславой, затем – 174-й с.д. и одним дивизионом – 186-й с.д. С 8.07.1941 года вместе с дивизиями попал в окружение. В боях матчасть была потеряна. Полк для восстановления был сосредоточен в г.Торопец.

Инженерные войска РГК. В составе 22-й армии на 28.07.1941 года действовали три отдельных инженерных батальона: 22-й, 39, 115-й общим составом в 2333 человека с автотранспортом и мехтягой. Батальоны выполняли ряд заданий по минированию дорог и другие задачи оборонительного характера.

Авиация 22-й армии – это 46-я авиационная дивизия. Командир – полковник Писарский, военком – старший батальонный комиссар Ехичев, начальник штаба – подполковник Брейко. На 3 июля 1941 года личного состава числилось 545 человек, в том числе пилотов – 68.

С начала войны по 29.07.1941 года 46-я авиационная дивизия действовала напряжённо, совершая по 3–4 боевых вылета почти ежедневно. Работа велась во взаимодействии с войсками. За это время сделано 1660 самолётывлетов. На вооружении были самолёты типов АР-2 (4 ед.) и СБ-м (103 ед.).

Войсковая связь. Прибывший к началу Отечественной войны в состав управления зенитной обороны (УЗО) 22-й армии отдельный батальон связи из УралВО, в начале июля 1941 года был преобразован в 31-й отдельный полк связи. Командиром его был назначен полковник К.П. Колбасов, начальником штаба – майор Александров. На декабрь 1941 года полк имел в своём составе два отдельных батальона связи (512-й и 517-й) со строевыми ротами (415-й телеграфно-строительной, 746-й телеграфно-эксплуатационной, 848-й и 882-й кабельно-шестовыми), <...> общим личным составом более 2000 человек.

Личный состав войск связи вёл громадную работу по установлению связи командного пункта (КП) штаба армии с соединениями, особенно в районе г. Невель. Несмотря на систематические порывы связи в результате бомбёжки авиации противника, связь «КП» с соединениями работала почти бесперебойно.

При отходе из Великих Лук отделение эксплуатационной роты под руководством лейтенанта Фрейдлина защищало телеграф до последней минуты, пока не были израсходованы все патроны, а затем взорвало телеграф. Немцы убили 9 красноармейцев вместе с лейтенантом Фрейдлиным.

Отдельный батальон охраны штаба армии. Командир – капитан Пластинкин, военком – батальонный комиссар Щукин, начальник штаба – лейтенант Первушин. Личный состав батальона – 1658 человек. Вооружение: винтовки, 6 станковых пулемётов РПД-7, автоматов – 32, одна бронемашина. Батальон участвовал только за этот период в 11 боевых операциях.

В начальный период, в боях на р. Западная Двина и на Себежском направлении против пяти дивизий 22-й армии (170-й, 112, 98, 174, 186-й с.д.), действовали части двенадцати дивизий противника. Армия имела фронт обороны до 250 км, но не имела тыла.

Дивизии вступали в бой с ходу (186-я, 179-я и др.), были без транспорта, что при широком фронте затрудняло при обороне перебрасывание дивизионных резервов с одного участка на другой. Армия в течение месяца вела упорные бои, нанося большие потери противнику как в живой силе, так и в материальной части. Бои велись по всему фронту. В силу этого личный состав и матчасть 48-й т.д., 126-й, 179, 214 и 186-й с.д. уменьшились на 25–30 %, а в 112-й, 98 и 170-й с.д. – на 15–20 %.

Выводы: 1. 98-я, 112-я, 174-я с.д., 48-я т.д. и батальон охраны штаба армии заслуживают быть отмеченными.

2. Дивизии 98-я и 112-я доукомплектовать.

Ершаков, Леонов, Захаров

Так кратко Военный совет армии характеризовал состояние и действия войск, вступивших в бой с фашистскими захватчиками в начальный период Отечественной войны. Впереди перед воинами был долгий и длинный путь по фронтовым дорогам с непредвиденными трудностями, огорчениями и потерями, но с запоминающимися победами и радостями.

Политическое и военное руководство гитлеровской Германии в развернувшихся сражениях сосредоточивало особое внимание на ходе смоленско-московских битв. На этом направлении, как уже упоминалось, враг наносил свой главный удар. Кроме создания численного превосходства войск в сражениях привлекались части, уже имевшие, как правило, двухгодичный опыт боевых действий в Европе.

Войска Красной Армии Западного фронта неизменно сражались стойко, мужественно и самоотверженно. Здесь в огне ожесточённых боёв на Смоленщине и под Ельней родились гвардейские дивизии – цвет и гордость нашей армии. В числе первых этого высокого звания была удостоена и наша уральская 153-я дивизия, ставшая «3-й гвардейской».

Здесь же в июне 1941 года, в районе городов Орша и Ярцево, было впервые применено в боевых условиях и новое грозное оружие – установки реактивных миномётов (БМ-8 и БМ-13), легендарные «катюши».

Общее превосходство сил противника продолжало, однако, сохраняться. В упорных боях враг, поддерживаемый танками, огнём артиллерии и авиации, имел временный успех и продвигался на восток, всё ближе к Москве.

В целях сдерживания наступательного порыва противника после занятия им города Смоленска 16.07.1941 года и обширных территорий с городами Витебск, Рудня, Велиж, Ярцево, Духовщина и др. Ставкой Верховного Командования были приняты соответствующие меры и в их числе – осуществление в августе наступательных операций армиями соседних фронтов, которые удерживали бы действовавшие перед нами соединения и части противника от переброски их в район Западного фронта.

Во исполнение этого решения Ставки войскам 22-й армии был отдан боевой приказ № 17 от 19 августа 1941 года (штаб армии Назимово)*.

* Центральный архив МО СССР, ф. 376, оп.10803, л. 49

1. На фронте 22-й армии перешли к обороне части 253-й, 110, 86, 206-й п.д. противника общей численностью около семи пехотных полков.

2. Правее части 27-й армии имеют задачу овладеть районом г. Холм, левые части 29-й армии развивают наступление с целью уничтожения противника в районе Ильино.

3. 22-я армия с 21.08.1941 года переходит в наступление. Ближайшая задача – уничтожить противостоящие части противника и затем выйти на рубеж: Пожары (на р. Ловать, 16 км южнее Великих Лук), оз. Поречье. оз. Одгаст, оз. Сирото, оз. Ордосно, в дальнейшем обеспечивая свой правый фланг, развивать удар в направлении м. Усвяты. Час атаки – по особому приказанию.

4. 51-й с.к. (366-й с.п. 126-й с [трелковой] д [ивизии], 48-я т.д. и 214-я с.д.) с 709-м ГАП и 2/697-м артполком ПТО, 1/102-м ПТД и 3/11-м отделением минометного батальона, обеспечивая правый фланг армии, должны сковать противостоящие части противника, нанося им поражения. Активной обороной 366-го с.п. и 48-й т.д. не допустить просачивания отдельных отрядов противника на восток, севернее Великих Лук.

Силами не менее двух полков 214-й с.д. перейти в наступление и, нанося удар левым флангом, выйти на рубеж Рожково, оз. Купейское, оз. Секуй.

5. 29 с.к. (126-я с.д. без 366-го с.п., 179-я, 170 и 98-я с.д. без одного с.п.) с 545-м ГАП, 2/56-м КАП, 2 и 4/360-м ГАП, 1/730-м ГАП и 1-й ротой 11-го минометного батальона нанести главный удар силами 179-й, 170 и 98-й с.д. с фронта Васьково, хутор Махоники и вспомогательный удар силами 126-й с.д. с занимаемого ею рубежа, выйдя на рубеж, исключая оз. Секуй, оз. Псово, а в дальнейшем – на фронт: оз. Секуй, оз. Поречье, оз. Одгаст.

6. 62-й с.к. (174-й и 186-й с.д.) с 390-м ГАП и второй ротой 11-го минбата, прочно обороняя правый фланг 174-й с.д. и левый фланг 186-й с.д., вести наступление силами не менее четырех полков с рубежа: Горки, Курилово в направлении Савино (2 км западнее оз. Ордосно), не допустив контрудара с юго-востока.

7. Отряду ст. лейтенанта Первушина с кавалерийским эскадронам отдельного кавалерийского дивизиона вести активные действия в озёрном районе, не допустив прорыва противника между оз. Двинье и оз. Жижицкое и на перешейке между оз. Двинье и оз. Велинское.

8. 4-й с.п. 98-й с.д. – армейский резерв – сосредотачивается в районе совхоза «Ушицы» в готовности к выдвигению в направлениях: совхоз «Ушицы», Чудино, Мулина и др.

9. Артиллерия: готовность 21.08. 1941 года в 3.00.

Особое внимание в подготовке огня – на участке главного удара, по районам: Пирогово, Нестерово, Мулина, Шелупнёвка, откуда возможны частные контратаки противника.

10. ВВС: а) Содействовать атаке наземных войск на участке главной группировки 29-го с.к.

б) Не допустить атаки резерва противника с флангов полосы действующей ударной группировки 29-го с.к., а также с юго-востока против ударной группы 62-го с.к.

в) Прикрыть 29-й с.к. от удара ВВС противника.

11. Начальнику инженеров армии.

Обеспечить позиционным имуществом части 51-го и 62-го стрелковых корпусов для организации ими надлежащей обороны участков Штарм – Назимово, в последующем с продвижением войск на совхоз «Ушицы».

Ершаков, Леонов, Пигаревич

На основании настоящего боевого приказа соответствующим образом организовывалась деятельность армейской связи, медицинских учреждений и всех других служб тыла армии. Был дооборудован армейский КП (командный пункт), ВПУ (временный пункт управления) в районе совхоза «Ушицы», что в 20 км юго-восточнее Великих Лук.

Тщательно спланированное наступление войск по всему фронту после часовой артподготовки началось 21 августа 1941 года в 13.00.

Войска, сопровождаемые огнём артиллерии и минометов, как и в предыдущих сражениях, действовали мужественно и с большой отвагой.

Противник, используя в сражениях своё преимущество в боевой технике (в авиации, танках), проявлял упорное сопротивление. Контратакуя, с привлечением своих резервов, всё же был вынужден, неся большие потери, свои позиции оставлять.

Войска же 22-й армии за сутки непрерывных боёв, без резервов, продвинулись по фронту от 2 до 4 километров.

А дальше ожидалось выполнение решений Ставки и Приказа штаба фронта по удержанию перед собой действующих частей противника, активно обороняя занимаемый рубеж.

Но не суждено было этому сбыться. 22 августа группировка немцев, располагавшаяся перед левым флангом армии, в глубине, пришла в движение.

На участке 186-й с.д. она прорвала фронт и всей своей мощью устремилась на север. К утру 23 августа она заняла районы совхоза «Ушицы», Великополье и Куньи, а её моторизованные мехчасти предприняли марш в направлении ст. Назимово и города Торопец.

Одновременно с этими действиями подвергались нападению авиации противника и многие тыловые части и учреждения армии. Штаб армии потерь не имел, т.к. в своё время был полным составом передислоцирован в другой район.

Так войска 22-й армии вместе с личным составом офицеров ВПУ-22 и членами Военного совета армии оказались фактически в кольце нового окружения. На этот счёт в боевом приказе № 018 от 14.08.1941 года говорится так:*

«Противник силами до двух танковых дивизий, усиленных одной пехотной дивизией, прорвав оборону на левом фланге армии, выдвинулся в район Кунья и совхоза «Ушицы» и, имея задачей окружение и уничтожение Великолуцкой группировки,

*Центральный архив МО СССР: ф. 376, оп. 10803, д. 1, л. 54

действует с востока и юго-востока, прикрываясь активной обороной на меридиане Кунья».

(Далее указываются пути отхода соединениям армии)

Ершаков, Леонов, Пигаревич

Тем временем обстановка в войсках осложнялась с каждым часом, и планомерный отход соединений и отдельных частей, предусматриваемый приказом, становился практически невозможным.

С наседавшими силами противника войска сражались мужественно и с полным пониманием обстановки, требующей незамедлительного выхода из окружения. Преодолевая большие трудности и осложнения в боях, войска, имея уже немалый опыт, добываясь известных успехов, группами или в одиночку выходили из окружения.

Надлежало принимать соответствующие меры и офицерскому составу, занятому на ВПУ. После оценки обстановки было решено из окружения выходить двумя отдельными группами.

Одну группу возглавил командующий армией генерал Ф.А. Ершаков, другую – командующий артиллерией армии генерал П.Н. Ничков.

Преодолевая трудности и препятствия в пути, обе группы, понеся небольшие потери в личном составе, из окружения вышли и к 1 сентября оказались в расположении штаба армии.

А далее [произошли] перестановки в командовании:

– генерал-лейтенант Ф.А. Ершаков из армии отзывается в распоряжение Министерства обороны СССР;

– корпусной комиссар Д.С. Леонов Ставкой назначается членом Военного совета Калининского фронта (с 1 09.1941 г.);

– генерал-майор Б.А. Пигаревич Ставкой назначается на другую командную должность (с 1.09.1941 г.);

– генерал-майор М.А. Шалин Ставкой назначается начальником штаба 22-й армии (с 1.09.1941 г.);

– генерал-майор Г.Ф. Захаров, являвшийся начальником штаба 22-й армии с июня 1941 года, 1.08.1941 года отозван

МО СССР. Учитывая создавшееся положение в 22-й армии (временный вакуум в командовании), Военный совет фронта (Главкомандующий – маршал С.К. Тимошенко и член Военного совета – генерал Н.А. Булганин) своим приказом обязал Военный совет соседней 29-й армии восстановить оборонительные действия войск на участке фронта 22-й армии и не допустить продвижения противника в северо-восточном направлении, на г. Торопец.

Во исполнение поставленной задачи Военным советом 29-й армии издаётся боевой приказ №19 от 26.08.1942 года:*

«До выхода из окружения всех частей и соединений 22-й армии во главе с Военным советом 22-й армии, приведения в порядок выходящих частей, оборона и удержание передового рубежа Акулино – Плешково этими частями, Военным советом фронта (т.т. Тимошенко и Булганиным) возложены на Военный совет 29-й армии.

Противник (с танковыми частями) занимает рубеж: Фотиево, Иванцова, Трубино, ст. Жижица.

Частям по выходе из окружения в ночь на 27.08.1941 г. занять и прочно оборонять рубеж: р. Черность, Пальцево, Барсуки, оз. Кодосно, совхоз «Наумово».

Командующий 29-й армией
генерал-лейтенант Масленников
Член Военного совета дивизионный комиссар Гуров
Зам. начальника штаба полковник Фёдоров».

Для решения этой задачи под командованием заместителя начальника штаба 29-й армии полковника Фёдорова создаётся «Оперативная группа войск» со штабом в г. Торопец.

«Оперативная группа», действуя в составе 29-й армии, своим приказом №18 от 26.08.1941 г.** объединила под своим руководством части 22-й армии, находившиеся вне окружения, на доукомплектовании (709-й, 390, 360, 615-й гаубичные артиллерийские полки РГК, 56-й КАП, батареи 697-го артполка ПТО, 179-й

* Центральный архив МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 1, л. 63

** Центральный архив МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 39, л. 58

отдельный противотанковый дивизион, 196-й автобат, 137-й отдельный зенитный артдивизион, 38-й медсанбат), а также и присутствовавший личный офицерский состав штаба 22-й армии.

Данный состав, непрерывно пополняемый выходившими из окружения подразделениями и отдельными группами воинов 22-й армии, занял временный оборонительный рубеж по линии: Подолино (что в 24 км северо-западнее г. Торопец) – г. Торопец – оз. Сельское, общей протяжённостью 35 км (схема 3).

Рубеж не был оборудован в инженерном отношении. Недоставало и сил для его защиты. Тем не менее его возникновение в тот сложный период для 22-й армии было очень ценным и значительным событием. Оборонительный рубеж позволил уточнить передний край действовавших частей противника в направлении города Торопец, установить связь с соседними 27-й и 29-й армиями и, наконец, оказывать организующее и моральное воздействие на части, выходившие из окружения.



Схема 3. Расположение промежуточного оборонительного рубежа «А» на местности с 29.08. 1041 г. Ж.д. станция Мартиссово – пункт расположения штаба 22-й армии

28 августа 1941 года в штаб «оперативной группы» прибывает генерал-лейтенант В.А. Юшкевич, назначенный Ставкой Главного Командования на должность командующего 22-й армией. Ознакомившись с обстановкой на фронте и составом войск, находившихся в строю, он незамедлительно восстанавливает (под руководством генерала Б.А. Пигаревича, вышедшего из окружения) работу штаба 22-й армии с размещением его в районе ст. Мартисово, что в 20 км северо-восточнее города Торопец, и там же отдаётся по армии частный боевой приказ № 21 от 29.08.1941 года:*

«Противник, силою 57-го танкового корпуса, составом: 19-й, 20-й танковыми дивизиями и 30-й механизированной дивизией продолжает наступление по всему фронту армии. Его главные силы сконцентрированы в направлении г. Торопец.

Справа – 27-я армия, слева – 29-я армия.

Части армии ведут упорные бои на подготовленном к обороне рубеже: Подолино – Горки – Торопец – оз. Заликовское – ст. Торопа.

Обороняют: (указываются пункты-рубежи для действующих частей с добавлением к ним личного состава 186-й и 126-й стрелковых дивизий и 13-го отдельного противотанкового дивизиона (ОПТД).

Группировку войск севернее оз. Зеликовское и г. Торопец включительно – возглавить командиру 29-го с.к. генерал-майору А.Г. Самохину, группировку южнее г. Торопец – возглавить полковнику Созонову (позднее, с 30. 08.1941 года, группировку войск возглавил полковник Антосенко).

Комендантом г. Торопец был назначен полковник Деви, подчинённый в действиях командиру 29-го с.к. генералу Самохину.

Командующий 22-й армией

генерал-лейтенант В.А. Юшкевич

Член ВС армии бригадный комиссар И.П. Шевченко

Нач. штаба армии генерал-Б.А. Пигаревич»

*Центральный архив МО СССР, ф. 376, оп. 10803, д. 1, л. 67

Развернувшиеся ожесточённые упорные сражения с превосходящими силами противника сдержали порыв его продвижения, но, к сожалению, не остановили. И, как уже не раз было до этого, противостоять движущейся бронированной силе врага, плотно прикрываемой с воздуха авиацией, было просто нечем. Армия таких средств не имела. Сказывались и потери, понесённые войсками в боях и в условиях окружения.

29 августа 1941 года, к вечеру, противнику крупными силами удаётся ворваться в город Торопец и занять его. Попытка войск 29-го с.к. совместно с гарнизоном войск города восстановить положение не удалась. Тревожные донесения поступали и с других участков фронта. Противник продолжал наступать в северо-восточном направлении.

Учитывая складывающуюся обстановку, Военным советом армии принимается решение с отдачей боевого приказа № 25 от 1 сентября 1941 года о перемещении штаба в район города Андреаполь и о подготовке в том же районе нового оборонительного рубежа.

Рубеж был определён по линии (справа налево): пос. Петрово, Бервенец, Петухи, Заборье, Лебедево, г. Андреаполь, Глухарёво, Верх. Ольховка, пос. Чижово (все пункты для армии включительно) общей протяжённостью в 90 километров, который и был занят войсками в первых числах сентября.

Состав войск изменился. В боях с фашистскими захватчиками, рвавшимися на восток, участвовали в этот период соединения: 256-я, 133, 174, 214, 179 и 186-я с.д. (со 126-й с.д. в армейском резерве), усиленные артиллерией РГК, зенитно-артдивизионами ПВО и инженерно-сапёрными батальонами.

«Отсечённую позицию» на правом фланге оборонительного рубежа в радиусе 15–20 км, в разрыве с 27-й армией, поручено было оборонять 45-й отдельной кавалерийской дивизии.

Перед фронтом армии действовали до пяти дивизий противника с танками и авиацией, наступательный порыв которых не снижался.

Разграничительные линии с соседями для 22-й армии были определены: справа – с 27-й армией – Потапово, Переволоки, Кановино, Бородино; слева – с 29-й армией – Чижово, Бабино.

В эти же сентябрьские дни 1941 года, во исполнение решений Верховного Главного Командования, были упразднены полевые управления трёх стрелковых корпусов: 51-го, 62 и 29-го, находившихся в составе 22-й армии, а приказом командующего армией – расформированы и три стрелковые дивизии: 170-я, 112 и 98-я, понёсшие в боях большие потери в личном составе и боевой технике.

* * *

Обстановка на фронтах Отечественной войны в те осенние дни, как подчеркивали в своих воспоминаниях маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский, складывалась более чем сложная. Отмечалось, что гитлеровское руководство, потерпев серьёзную неудачу в попытке с ходу прорваться к Москве, развернуло подготовку к решительному осеннему наступлению на советскую столицу. Это наступление являлось составной частью общих наступательных действий осенью 1941 года на Восточном фронте, которое предполагалось проводить в трех направлениях, главным из которых было московское. На этом направлении фашистское руководство планировало прорвать оборону советских войск ударами трёх мощных танковых группировок из районов Духовщины, Рославля и Шестки.

В начале октября противнику удаётся окружить войска 16-й, 19, 20, 24 и 32-й армий Западного и Резервного фронтов в районе г. Вязьма, а также оттеснить на рубеж Осташков – Сычёвка 22-ю, 29 и 31-ю армии правого крыла Западного фронта. Одновременно с этим он продолжал наступательные действия и был уверен, что начатая им операция под кодовым названием «Тайфун» обеспечит ему поистине «ураганный успех».

В эти тревожные для советского народа дни октября Комитетом Обороны СССР и Верховным Командованием советских войск принимаются очень важные решения, в том числе

о создании новой, Можайской, линии обороны с приведением этого участка в боевую готовность в кратчайший срок.

В целях объединения руководства войсками западного направления и организации более чёткого управления командующим Западным фронтом назначается генерал Г.К. Жуков. Принимается решение о создании оборонительных рубежей непосредственно в столице. Таких рубежей было создано три.

По причине растянутости Западного фронта и возникших трудностей в управлении войсками Калининской группировки было принято решение об образовании Калининского фронта (на базе войск правого крыла Западного фронта) с включением в него 22-й, 29, 30 и 31-й армий под командованием генерала И.С. Конева.

Свой третий оборонительный рубеж по линии города Андреаполь войска 22-й армии удерживали надёжно. Противник, пытавшийся прорвать нашу оборону, неизменно используя при этом танки и массированный огонь артиллерии и авиации, встречал должный отпор. Особую организованность и умение в контратаках проявляли воины 256-й дивизии. Отлично действовали и артиллеристы, наносившие ощутимый урон бронированной силе врага. И так день за днём проходил весь сентябрь 1941 года.

Положение дел на Западном фронте тем временем продолжало ухудшаться. Противник, неся большие потери, упорно продвигался всё ближе к нашей столице, планируя одновременно танковые удары по ней с севера и юга.

В этих условиях, по тактическим соображениям, Военным Советом фронта было принято решение об отводе войск 22-й армии на новый оборонительный рубеж (четвёртый с начала Отечественной войны) по линии: город Осташков – город Селижарово (на р. Волге) – Киселёво, общей протяжённостью 60 км, который и был занят в плановом порядке (на основании боевого приказа №60) с 6 на 7 октября 1941 года (схема 4).

Справа по-прежнему действовали войска 27-й армии, слева – войска 29-й армии, также находившиеся в движении на

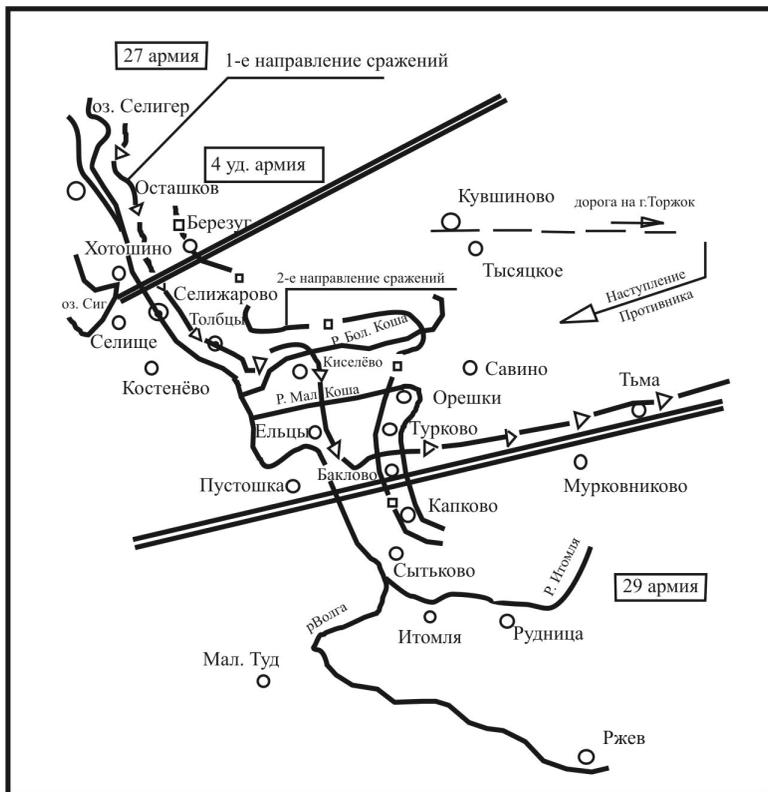


Схема 4. Расположение на местности оборонительного рубежа № 4 (протяженностью 60 км) в период 6.10.1941 г. – 9.10.1941 г. Включал населенные пункты: Осташков, Селижарово, Киселево, Тма

новый рубеж. Штаб 22-й армии переместился в населённый пункт Тысяцкое, что вблизи города Кувшиново.

Противник, преследовавший отходившие соединения армии и воодушевлённый своими успехами под Москвой, стремился с ходу на большом протяжении форсировать Волгу.

С первых же дней расположения на занятом оборонительном рубеже перед войсками армии определились два ответственных направления предстоящих сражений: Осташков – Селижаровское и Торжковское (с юга, со стороны города Торжок).

По всему фронту без промедления развернулись упорные оборонительные бои.

Москвичи грудью встали на защиту своего города. В летне-осенние месяцы 1941 года было сформировано 12 дивизий народного ополчения, 56 истребительных батальонов, 25 рабочих и коммунистических стрелковых батальонов. Сотни тысяч жителей столицы в осеннюю стужу и распутицу возводили оборонительные сооружения, преграждающие путь врагу: рвы, завалы, ежи, огненные точки и др. Москве помогала вся страна.

Призыв Коммунистической партии и Советского правительства к воинам – самоотверженно оборонять столицу находил глубокое понимание и чувство в сердцах советских патриотов. Понимание их хорошо были выражены бойцами и командирами 1-й гвардейской московской мотострелковой дивизии полковника А.И. Лизюкова:

«Мы клянёмся нашим матерям, давшим нам жизнь, клянёмся народу, партии, Советскому правительству в том, что пока держит винтовку рука, пока бьётся сердце в груди нашей, до последнего вздоха мы будем беспощадно громить врага, уничтожать фашистскую мразь». И советские воины стеной стояли на пути врага.

В октябре – ноябре 1941 года напряжённые бои с фашистскими захватчиками, как излагается в исторических изданиях и документах, продолжались на всём советско-германском фронте.

Тяжёлое положение сохранялось на северо-западе, где в тисках жёсткой блокады находился Ленинград, и на юге страны. Преодолевая героическое сопротивление наших войск, захватчикам удалось занять район Харькова, ворваться в юго-западную часть Донбасса и выйти на подступы к Ростову. В такой вот сложной обстановке на фронтах Великой Отечественной войны советский народ встречал 24-ю годовщину Великой Октябрьской революции.

Теперь только исторические документы сохраняют память об этих днях на века, память о том параде войск на Красной площади 7-го ноября, где выступил с речью И.В. Сталин. Обращаясь

к воинам, уходящим с парада прямо на фронт, он сказал: «На вас смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощённые народы Европы, как на своих освободителей».

Верховное Главное Командование, располагая достаточными данными о замыслах и возможностях врага, в ноябрьские дни приняло меры по укреплению Западного фронта, в том числе и меры по обеспечению его флангов.

Ставка потребовала от Калининского и Юго-Западного фронтов прочно оборонять занимаемые рубежи и активными действиями сковывать силы врага, чтобы не допустить переброски их под Москву. Сохранявшееся в то время превосходство сил противника в 2–2,5 раза придавало ему уверенность в достижении поставленной цели, и на этом основании 15 ноября 1941 года им было предпринято мощное наступление на столицу нашей Родины одновременно с трёх сторон. В жесточайшей схватке с фашистскими варварами 20-го века советские воины, искренне преданные своему Отечеству, и в этих боях проявляли величайший героизм и стойкость.

В исторической битве под Москвой проявили себя в боях многие соединения и части Красной Армии, в том числе памятные нам дивизии – 174-я, удостоенная почётного наименования 20-й гвардейской, и 316-я – 8-й гвардейской им. Панфилова. [На этом рукопись обрывается.– *Сост.*]

Время написания текста – 1985–1990 гг. Печатается с рукописного оригинала из личного архива Н.П. Сухотина, находящегося на хранении у Л.Н. Сухотиной

**КРАТКАЯ СПРАВКА
О НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЯХ 22-й АРМИИ
ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ ЛАТВИИ
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941-1945 гг.
*Н.П.Сухотин***

Обращаясь к историческим документам, мы с большим удовлетворением узнаём, что Красная Армия, пройдя с боями огромный путь и освободив тысячи населённых пунктов нашей страны от захватчиков, к середине июля 1944 года подошла к старым границам Латвийской республики.

На Прибалтийском направлении от Финского залива до реки Неман развернулось наступление пяти фронтов:

- Ленинградского;
- 3-го Прибалтийского;
- 2-го Прибалтийского;
- 1-го Прибалтийского;
- 3-го Белорусского.

Наиболее близким для нас является 2-й Прибалтийский фронт, действующий в центре названных выше фронтов. В первых числах июля 1944 года в его состав входили: 10-я гвардейская армия, 3-я ударная и 22-я армия, развернувшиеся к наступлению в общем направлении на Ригу по линии Пушкинские горы – Идрица – оз. Нещедро включительно, что западнее г. Невель.

2-м Прибалтийским фронтом командовали:
командующий – генерал армии А.И. Ерёмченко;
член Военного совета – генерал-лейтенант В.Н. Богаткин;
начальник штаба – генерал-полковник Л.М. Сандалов.

В результате произведённой перегруппировки 22-я армия заняла оборонительный рубеж на левом фланге фронта по линии: Подречье – оз. Свибло – оз. Братилково – оз. Нещедро, протяжённостью 50 км со штабом в районе дер. Сухобоки.

22-й армией командовали:

командующий – генерал-лейтенант В.П. Коротков;
член Военного совета – генерал-майор Л.М. Катков;
начальник штаба – генерал-лейтенант Н.С. Дронов.

В состав 22-й армии вошли: 44-й стрелковый корпус (319-я, 325-я стрелковые дивизии); 130-й стрелковый корпус (43-я, 308-я лёгкие стрелковые дивизии); 90-й стрелковый корпус (208-я, 26-я стрелковые дивизии); 100-й стрелковый корпус (21-я гвардейская, 28, 269-я стрелковые дивизии, и 1557-я рота с артиллерией усиления (395-й гаубичный артиллерийский полк, 561-й моторизованный полк, 1040-й истребительный противотанковый артиллерийский полк, 27-й, 72 и 85-й гвардейский миномётные полки и другие танковые и инженерные части).

Кроме того, 3.07.1944 года по приказу 22А № 074 командованию 22-й армии был подчинён 130-й латышский стрелковый корпус в составе: 43-я латышская стрелковая дивизия, 140-й армейский запасной полк, 204-й фронтовой запасной полк, армейские фронтовые курсы. Корпус был передан с полевым управлением.

Что касается 43-й стрелковой дивизии, то она была в составе 22-й армии и отлично сражалась с врагом и ранее, в ноябре 1943 года. Командиром дивизии с 9 июля 1944 года был гвардии полковник А.Ю. Калнынь.

308-я латышская стрелковая дивизия, созданная на основе 1-го отдельного запасного латышского полка в Гороховецких лагерях, вошла в состав 130-го латышского стрелкового корпуса и 22-й армии в начале июня 1944 года, разгрузившись в июне в Невеле, двигалась пешим порядком.

Командовал дивизией генерал-майор В.Э. Дамберг, 130-м латвийским стрелковым корпусом командовали: командир –

генерал-майор Д.К. Бранткалн, начальник штаба – полковник П. Бауман, начальник политотдела – полковник В. Калашников.

В полосе предстоящего наступления 2-го Прибалтийского фронта до рубежа Резекне – Даугавпилс на глубину 200 км противник имел два законченных сильно укрепленных в инженерном отношении основных оборонительных и три промежуточных рубежа.

По замыслу Ставки войска 2-го Прибалтийского фронта в этом наступлении должны были разгромить противостоящего врага, овладеть городами и важными узлами дороги Резекне – Даугавпилс и в дальнейшем наступать на Ригу с задачей во взаимодействии с войсками 1-го Прибалтийского фронта отрезать Прибалтийскую группировку врага от его коммуникаций, ведущих в Германию.

Начало наступления по всему фронту планировалось и было осуществлено 10 июля 1944 года в 19 часов 30 минут.

Войскам фронта предстояло прорвать сильно укрепленный оборонительный рубеж противника, названный «Пантера». Он проходил по гряде командных высот и холмов через Пушкинские Горы – Пустошку и оз. Нещедро.

За основными рубежами обороны, в 40–60 километрах от них, на линии Опочка – Себеж – Освея – Дрисса проходил тыловой оборонительный рубеж под условным названием «Рейтер». Рубеж был оборудован широкой сетью опорных пунктов с железобетонными оборонительными огневыми точками.

Чтобы ещё глубже эшелонировать оборону от восточной границы Латвии до рубежа Резекне – Даугавпилс, противник готовил ещё три промежуточных оборонительных рубежа:

1. «Синий» – по рекам Синяя и Зилупе;
2. «Зелёный» – по линии оз. Лудза, Нирза, Дагда, Сиверг.
3. «Коричневый» – Карсава, Резна, Пчща, Извальта.

Войска 22-й армии в составе 44-го стрелкового корпуса, 130-го латышского стрелкового корпуса, 90-го и 100-го стрелковых корпусов перешли в наступление с 9.00 часов 11.07.1944 года.

Начинал наступательные действия 130-й латышский стрелковый корпус. После упорных боёв на промежуточном оборонительном рубеже противника «Синий» все армии фронта, в том числе и 22-я армия, перешли границу Латвийской ССР.

Это было 18 июля 1944 года. В этот исторический день одними из первых вступили на родную землю воины 130-го латвийского стрелкового корпуса. Уже через несколько часов после вступления Красной Армии на территорию Латвии начали выходить из лесов местные жители. Как выяснилось из бесед с ними, они скрывались, боясь угона в Германию. Гитлеровцы, отступая, грабили население, убивали скот, жгли постройки.

Войска 22-й армии, преодолевая сопротивление противника и разрушая многочисленные боевые сооружения на своём пути, успешно, в сочетании с действиями соседних армий фронта (справа – 3-й ударной армии, слева – 4-й ударной армии), продвигались вглубь республики. За 20 дней июня – июля 1944 года войсками 22-й армии было освобождено 2639 населённых пунктов, среди которых: м. Клястицы, г. Освея (БССР), Штяуне, м. Асуне, м. Дагма, Сомереста, Яшмуйте, Прейли, Рудзети. Протяжённость пути по прямой – 180 км, территория – 4476 кв. км.

Врагу был нанесён огромный ущерб в живой силе и технике. 6 августа 1944 года войска 22-й армии вышли на рубеж южного берега реки Айвиексте, Упищи, Спла-Спочи, Вересола, Межаллапулы. Штаб 22-й армии находился в Русини.

За боевые отличия многие воины 22-й армии были награждены правительственными наградами: орденами, почётными знаками и благодарностями командования.

7 августа 1944 года войска 22-й армии по приказу командующего 2-м Прибалтийским фронтом, усиленные артиллерией, танковыми частями, с мощным прикрытием с воздуха, приступили к выдающейся боевой операции по освобождению Крустпилса и Гостины от немецко-фашистских захватчиков.

Предстояло не только продолжать удерживать занятый рубеж по реке Айвиексте, но и развернуть основные части армии на 90 градусов и в ограниченные, считанные часы разработать штабами

соединений планы предстоящих боёв. Действовали в этой операции те же соединения, но без 90-го стрелкового корпуса.

Что касается 130-го латышского стрелкового корпуса, то 308-я стрелковая дивизия наступала и вела бои за Крустпилс, 43-я гвардейская стрелковая дивизия – за освобождение Гостини.

В итоге 22-я армия, преодолевая упорное сопротивление врага, поставленную задачу выполнила. В течение 7 и 8 августа 1944 года были полностью освобождены Крустпилс, Гостини и ликвидирован мощный плацдарм противника между этими городами протяжённостью 20 км и шириной 6 км.

В ходе боёв были разгромлены части 23-й, 24, и 399-й пехотных дивизий противника. Уничтожено более 4 тысяч солдат и офицеров, 11 танков и самоходных орудий, а также миномётов и орудий – 32, автомашин – 35, два паровоза. Захвачено 317 пленных, 4 танка, 42 орудия, 20 тяжёлых миномётов, 6 складов боеприпасов и много другого боевого имущества.

В боях отличились войска гвардии генерал-майора Д.К. Бранткална, гвардии-полковника Ю.А. Калныня, генерал-майора В.Э. Дамберга; войска генерал-майора Клетнена, генерал-майора Сухороброва, войска генерал-майора Михайлова, полковника Фёдорова, полковника Артамонова; танкисты генерал-майора танковых войск Сахно, полковника Брегвадзе, подполковника Огородникова; артиллеристы генерал-майора С.П. Куприянова, генерал-майора Куликова, полковника Кузнецова, полковника Астапенко и др.; инженерные войска гвардии полковника Фурашева, гвардии полковника Егорова; связисты полковника Спивака.

Так, менее чем за 17 часов (из них – 6 часов ночного времени) армия прошла с боями до 25 км и вышла к реке Западная Двина. В этой операции наши войска потеряли в боях немало стойких и беспрдельно преданных своей Родине воинов. В их числе: генерал-майор С.П. Куприянов – командующий артиллерией 22-й армии; полковник С.Г. Газеев – начальник автоброневых войск армии; гвардии полковник Г.К. Шарикалов – командующий артиллерией 130-го латышского стрелкового корпуса.

В память о них трудящиеся города Крустпилс в городском парке воздвигли величественный монумент с противотанковой пушкой.

А война продолжалась. Войска 2-го Прибалтийского фронта уверенно продвигались к Рижскому заливу и столице Латвии – Риге.

Успешно продолжали свою освободительную миссию и соединения 22-й армии. С большим ожесточением и стойкостью немецкие захватчики вели бой на рубеже реки Айвиексте. Форсирование этой, казалось бы, небольшой речки нашим дивизиям обошлось дорого. Но этот рубеж был преодолен, и наступление продолжалось в направлении города Елгава.

В последующие дни сентября 1944 года состав 22-й армии, в зависимости от обстоятельств, по усмотрению командования 2-го Прибалтийского фронта менялся, изменялось отчасти и направление наступательных действий армии, но 130-й латышский стрелковый корпус неизменно оставался в составе 22-й армии.

С приближением к столице Латвии Риге произошла перегруппировка войск фронта. Правым соседом 22-й армии стала 10-я гвардейская армия, а слева – 3-я ударная армия.

В соответствии с директивой Ставки 3-й Прибалтийский фронт принял для наступления всю полосу севернее Даугавы и наступал в целях освобождения Риги тремя армиями: 67-й, 61 и 1-й ударной (схема).

2-й Прибалтийский фронт в составе 10-й гвардейской, 22-й и 3-й ударной армий вёл наступление к югу от Даугавы.

130-му латышскому стрелковому корпусу была поставлена задача: наступая в обход Риги, с юга перерезать дорогу Рига – Елгава и выйти с юго-запада в тыл немецким войскам, обороняющим левобережную часть города.

Наступил период непосредственной борьбы за столицу Латвийской ССР.

В этот ответственный период в борьбе за Родину большая работа была проделана политорганами соединений и частей.

Военный совет 3-го Прибалтийского фронта призвал войска фронта «Во имя нашей советской Родины, во имя нашей воин-

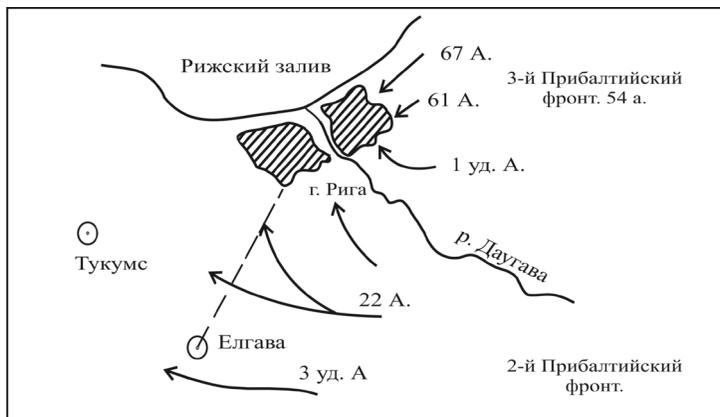


Схема освобождения Риги в сентябре–октябре 1944 года

ской части, вперёд, на Ригу!»). Вдохновлённые этим призывом, который был доведён до каждого воина, войска фронта шли в бой с чувством глубокой ненависти к фашистским захватчикам и желанием ускорить час освобождения столицы Советской Латвии. Таким же настроением были охвачены и войска 2-го Прибалтийского фронта.

10 октября 1944 года войска 3-го Прибалтийского фронта подошли к переднему краю первой полосы Рижского оборонительного обвода, а их было восемь. Развернулись упорные непрекращающиеся бои.

13 октября в 5 часов утра немцами был взорван большой мост в Риге. Советские войска в черте города подошли к Даугаве. История группы армии немцев «Север» была завершена.

Начались последние действия вражеской группы армии «Курляндия».

Войска 2-го Прибалтийского фронта (10-я гвардейская, 22-я и 3-я ударная армии) также предприняли в эти дни наступательные действия и вели напряжённые сражения с войсками немцев.

В результате совместных действий 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов к 14 часам 15 октября 1944 года советские войска полностью завершили освобождение Риги.

С освобождением Риги и продолжавшимся выдвижением войск правого крыла 2-го Прибалтийского фронта к побережью Рижского залива действия 3-го Прибалтийского фронта на Рижском направлении закончились.

Директивой Ставки от 15 октября 1944 года полевое управление 3-го Прибалтийского фронта расформировывалось, а его армии передавались на усиление других фронтов:

67-я армия передана Ленинградскому фронту, действовавшему по изгнанию немцев с острова Саарема;

1-я ударная армия передавалась 2-му Прибалтийскому фронту;

61-я армия была выведена во второй эшелон и передана 1-му Прибалтийскому фронту;

54-я армия выводилась в резерв Ставки.

Таким образом, войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов продолжали наступление в западном направлении с целью ликвидации Курляндской группировки немцев.

За боевые отличия по освобождению Латвийской ССР многие воины награждены правительственными наградами, а соединениям присвоены звания, в частности:

130-й латышский стрелковый корпус награждён орденом Суворова II степени;

43-й гвардейской стрелковой дивизии присвоено звание «Рижской»;

308-я стрелковая дивизия награждена орденом Красного Знамени.

В марте 1945 года по директиве Ставки 22-я армия в своём боевом составе, без 130-го латышского стрелкового корпуса, была передислоцирована в Румынию.

Печатается с машинописного текста из личного архива Н.П. Сухотиной, находящегося на хранении у Л.Н. Сухотиной. Оригинал передан в Музей боевой славы Урала (г. Екатеринбург)

ЧАСТНАЯ ОПЕРАЦИЯ 22-й АРМИИ ПО ОКРУЖЕНИЮ И УНИЧТОЖЕНИЮ КРУСТПИЛССКОЙ ГРУППИРОВКИ НЕМЦЕВ*

П.О. Бауман

В ходе Великой Отечественной войны в боях за освобождение Прибалтики был целый ряд операций, спешно подготовленных и проведённых с невероятной быстротой.

Одной из них является частная операция 22-й армии по окружению и уничтожению Крустпилсской группировки немцев в период 7–8 августа 1944 года.

Особенность её заключается в том, что ударная группировка армии, действовавшая в северо-западном направлении, получила задачу повернуть войска на 90 градусов и, действуя в юго-западном направлении, во взаимодействии с танками, окружить и уничтожить группировку противника в районе Крустпилса. Причём на подготовку операции и перегруппировку войск отводилось всего 12 часов времени.

Выполняя эту задачу и выходя к Западной Двине в районе Крустпилс – Гостини, 2-й Прибалтийский фронт завершал преодоление лесисто-болотистой Лубанской низменности, являвшейся большой естественной преградой для наступающих войск на Рижском направлении.

К этому периоду сложилась следующая обстановка**: войска 2-го Прибалтийского фронта, овладев 27 июля рубежом Режица – Двинск, отбросили противника в западном направлении на 30–35 км и продолжали развивать наступление. С выходом на рубеж Капуна – Быково – Вилланы – Прейли боевые действия войск перенесли на территорию Лубанской низменности.

*Статья полностью составлена на основе архивных материалов

**Архив МО СССР, ф. 376, оп. 71771, д. 9

1 августа на правом крыле фронта 10-я гвардейская армия вела бои на реке Айвиекте. В центре – 3-я ударная и на левом крыле фронта – 22-я и 4-я ударная армии преодолевали болотистую местность юго-западнее и юго-восточнее озера Лубана.

Лубанская низменность в полосе наступления 2-го Прибалтийского фронта проходила от линии городов Гулбене, Балви и далее на юго-запад по бассейну реки Айвиекте и рек, впадающих в озеро Лубана, заканчиваясь на западном берегу Западной Двины.

На 1 августа перед 2-м Прибалтийским фронтом было установлено наличие восьми пехотных дивизий, пяти отдельных полков и пятнадцати отдельных батальонов (охранных, сапёрных, строительных), входящих в состав 16-й армии противника. Общая численность частей и соединений в первой линии определялась в 48500 человек. В резерве противник имел: разбитые части 15-й и 19-й латышских дивизий «СС», находившихся на переформировании в районе Мадоны, 728-й пехотный полк 708-й пехотной дивизии и до 10 охранных и строительных батальонов. Всего в резерве – 14000 человек. Вся группировка поддерживалась (помимо артиллерийских полков пехотных дивизий) 19-й артиллерийской группой резерва Главного командования (четыре артдивизиона), двумя противотанковыми дивизионами и двумя дивизионами штурмовых орудий резерва Главного командования.

Перед войсками фронта у противника действовало до 160 самоходных орудий и 45 танков. Последние применялись мелкими группами при проведении контратак и перебрасывались с одного участка фронта на другой в зависимости от обстановки.

Авиация противника базировалась на аэродромах Гублене, Крустпилса, Цесиса, Риги и на нескольких полевых аэродромах. В своём составе авиация противника насчитывала 265 самолётов.

Принимая во внимание те задачи, которые ставило перед собой немецкое командование в Прибалтике, нужно было ожидать ещё большего усиления группировки войск перед 2-м Прибалтийским фронтом, а также упорных оборонительных боёв противника.

Войска 2-го Прибалтийского фронта базировались на ж.д. линии Великие Луки – Новосокольники – Идрица – Себеж. Фронтная распорядительная станция – Великие Луки, станция снабжения 22-й армии – Себеж.

Пропускная способность была недостаточной. Вся тяжесть перевозок приходилась на автотранспорт.

Задачи, стоявшие перед войсками фронта

После овладения рубежом Режица – Двинск с 28 июля перед войсками всталась новая задача – путём глубоких обходов и охватов окружить и уничтожить части противника, обороняющегося на Лубанской низменности, преодолев трудно доступную лесисто-болотистую местность этой низменности, овладеть рубежом Галгауска, Цесвайне, Мадона, Плявиняс и использовать его как единственно выгодный рубеж для последующего развёртывания и решительного наступления на Ригу и выхода на побережье Рижского залива.

Перед центральной и левофланговыми армиями 2-го Прибалтийского фронта были поставлены следующие задачи:

3-й ударной армии – нанеся главный удар, в обход болота Тэйчу-Пурвс с юга, во взаимодействии с 22-й армией уничтожить противостоящего противника и овладеть рубежом – река Айвиексте, а в дальнейшем – рубежом (исключительно) Мадона, Марциена.

22-й армии – во взаимодействии с 3-й и 4-й ударными армиями уничтожить противостоящего противника и овладеть рубежом (исключительно) Марциена, мыза Яункалснава.

4-й ударной армии, обеспечив свой левый фланг на реке Западная Двина, во взаимодействии с 22-й армией уничтожить противостоящего противника и овладеть рубежом Ушани, Крустпилс, в дальнейшем – рубежом Яункалснава, Плявиняс.

В ходе боевых действий с 29 июля по 7 августа войска 3-й ударной армии вышли к реке Айвиексте и овладели городом Лиеграде. 22-я армия – 90-м и 130-м латышскими корпусами – вышла на южный берег р. Айвиексте, 44-м стрелковым

корпусом – восточнее озера Баладас-эзерс, ст. Кукас, 4-я ударная армия вышла на рубеж Куран – Салиньш, Паури и далее по правому берегу реки Западная Двина. 7 августа 4-я ударная армия перешла из состава 2-го Прибалтийского фронта в 1-й Прибалтийский фронт, передав 22-й армии 100-й стрелковый корпус и 155-й укрепленный район (УР) с занимаемым боевым участком: Суше, Галвани, Межмуйжа, далее по озёрам, затем Вейпури, Ливаны, Гравери.

Разграничительная линия с 1-м Прибалтийским фронтом с 6 часов 7 августа 1944 года должна была проходить по реке Западная Двина.

В итоге этих боёв войска фронта на правом крыле и в центре вышли к реке Айвиексте. На левом крыле 44-й и 100-й стрелковые корпуса были задержаны в своём продвижении на запад, и у противника сохранился плацдарм до 30 км по правому берегу Западной Двины от устья реки Нерета через Крустпилс до Гостини и в глубину 15–20 км.

Задача по ликвидации этого плацдарма была возложена на 22-ю армию и 5-й танковый корпус. Командующий войсками 2-го Прибалтийского фронта генерал армии Ерёменко А.И. приказал: 22-й армии нанести удар силами не менее трёх дивизий с рубежа реки Айвиексте, озеро Силабебру-эзерс и к исходу дня выйти на фронт Гостини – Крустпилс, во взаимодействии с 5-м танковым корпусом прижать противника к Западной Двине, уничтожить его и взять города Крустпилс и Гостини (схема 1).

Во взаимодействии с 22-й армией 5-му танковому корпусу с утра 7 августа из района Вагалес – озеро Силабебру-эзерс нанести удар в общем направлении на железнодорожный мост в 7 км северо-западнее Крустпилса с задачей овладеть узлом дорог и отрезать противнику пути отхода по железной дороге и шоссе.

115-й воздушной армии (командующий – генерал-полковник Науменко) всеми силами армии, взаимодействуя с 5-м танковым корпусом и частями 22-й армии, последовательными ударами впереди своих войск обеспечить продвижение 5-го танкового

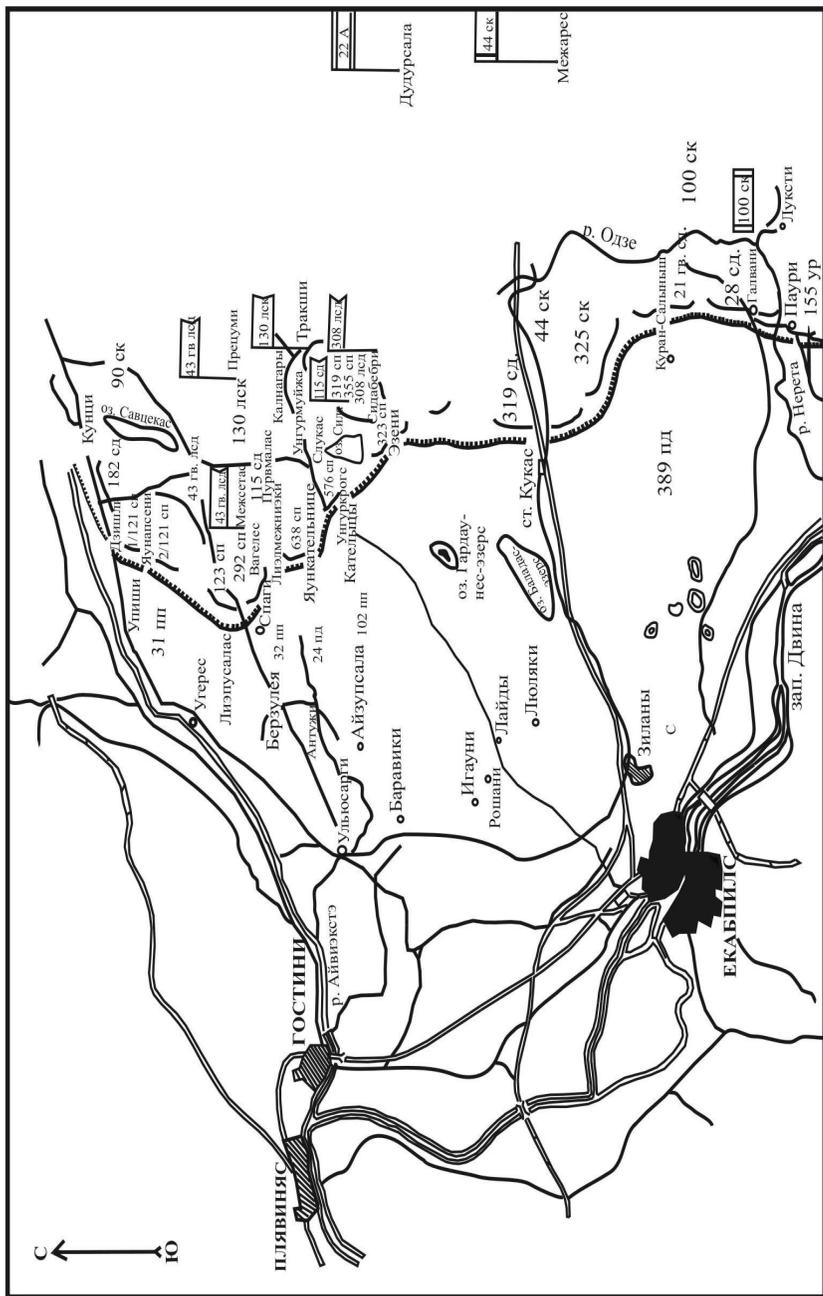


Схема № 1 положения частей и соединений 22-й армии перед началом Крустпиллской операции 7 августа 1944 г.

корпуса и 22-й армии, не допуская контратак противника с севера, истребительной авиацией плотно прикрыть 5-й танковый корпус и ударную группу 22-й армии.

Получив приказ командующего войсками фронта, командующий 22-й армией генерал-лейтенант Коротков прибыл на командный пункт 130-го латышского стрелкового корпуса, уточнил обстановку на фронте корпуса и дал предварительные указания его командиру – генерал-майору Бранткелну на занятие исходного положения, о задачах соединениям, о взаимодействии с соединениями и частями, составляющими ударную группу армии. Частный боевой приказ 22-й армии соединения получили к 3 часам 7 августа. В нём ставились следующие задачи.

Командиру 130-го латышского стрелкового корпуса одним полком оборонять рубеж по южному берегу Айвиексте на фронте п.а.р. (передвижного армейского резерва. – *Сост*), Рушендорфас*.

Исходное положение для наступления корпуса: 43-й гвардейской стрелковой дивизии (без одного полка) – Лиепсалас, Лачи, Спаги; 308-й стрелковой дивизии – Пурвмалас, Унгурмуйжа занять к 12 часам 7 августа.

Задача: в 15 часов 7 августа совместно с 5-м танковым корпусом перейти в решительное наступление, прорвать оборону противника на указанном рубеже и, развивая наступление на юго-запад, овладеть рубежом – железнодорожный мост через Западную Двину (7 км северо-западнее Крустпилса), город Крустпилс и завершить окружение Крустпилсской группировки противника.

В дальнейшем ставилась задача совместно с 44-м и 100-м стрелковыми корпусами уничтожить эту группировку противника.

115-ю стрелковую дивизию предлагалось иметь во втором эшелоне корпуса с задачей уничтожения разрозненных групп противника и очистки от них лесов в направлении Крустпилса.

*Архив МО СССР, ф. 22А, оп. 202045, д. 5, л. 73

118-ю отдельную танковую бригаду и 1503-й самоходно-артиллерийский полк командиру корпуса предлагалось иметь в своём резерве.

Корпус был усилен 18-й отдельной истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой (без 171-го истребительного противотанкового артиллерийского полка), 36-й гвардейской пушечно-артиллерийской бригадой, 395-м гаубичным артиллерийским полком, 561-м армейским миномётным полком и 1040-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком.

Корпус поддерживали: 6-я артиллерийская дивизия (командир – генерал-майор артиллерии Куликов), 85-й, 310, 72 и 27-й (без одного дивизиона) гвардейские миномётные полки.

90-му стрелковому корпусу (командир – генерал-майор Седулин) ставилась задача – готовить войска к форсированию реки Айвиексте.

44-му стрелковому корпусу (командир – генерал-майор Клешнин) – продолжать выполнение поставленной задачи по овладению рубежом: южный берег оз. Гардаунас-эзерс, Княви, ст. Кукас, отметка 121,7 и отметка 94,2.

Командиру 130-го латышского стрелкового корпуса, командирам 43-й гвардейской стрелковой дивизии и 308-й стрелковой дивизии было приказано с рассветом начать рекогносцировку местности и организацию взаимодействия с командирами 5-го танкового корпуса и танковых бригад.

Приказ подписали: командующий 22-й армией – генерал-лейтенант Коротков, член Военного совета – генерал-майор Катков и начальник штаба армии генерал-майор Дронов.

Времени до начала наступления оставалось 12 часов, из них около двух часов – тёмного. Соединения 130-го латышского стрелкового корпуса получили задачи к 4 часам, а части и подразделения лишь к 6 часам утра. На рекогносцировку, перегруппировку и занятие исходного положения оставалось 6 часов.

Перегруппировка 130-го латышского стрелкового корпуса проходила в условиях, когда 43-я гвардейская латышская стрелковая дивизия (командир – полковник Калнынь) вела бои

за переправы на реке Айвиексте: 121-й гвардейский стрелковый полк – Зиланы, Упиши; 123-й гвардейский стрелковый полк – в лесу северо-западнее Вагалес, которые непрерывно контра-таковались противником; 125-й стрелковый полк, сдав свой бое-вой участок – северная опушка леса севернее Кунцу, Упесдзешли 182-й стрелковой дивизии 90-го стрелкового корпуса, вышел в резерв командира дивизии и расположился за 123-м гвардей-ским стрелковым полком.

115-я стрелковая дивизия (командир – полковник Блинов) вела бои: 292-м стрелковым полком – в районе Спаги, 638-м стрелковым полком – Яункательницы; 576-м стрелковым пол-ком – Унгуркрогс, Саукас.

308-я латышская стрелковая дивизия (командир – генерал-майор Дамберг) двумя полками – 319-м и 355-м – была сосре-доточена в районе леса южнее Тракши, Силабембри, и 323-й полк вёл лесной бой в районе Эзени, Залачи, Герини.

Приказанием командира 130-го латышского стрелкового кор-пуса наступление было остановлено, части окопались на занятых рубежах, прочно их удерживая. Задачи командирам дивизий ко-мандир корпуса ставил устно, на местности.

Перед фронтом корпуса промежуточный рубеж обороны противника занимали потрёпанные части 24-й пехотной диви-зии, в районе Яунапсени – 31-й пехотный полк, Лиепсалас, Ли-елмежниеки – 32-й пехотный полк и далее – Спаги, Кательни-цы – 102-й пехотный полк. В районе Берзулея, Антужи – части 23-й пехотной дивизии противника.

Таким образом, перед фронтом прорыва оборону держали примерно до восьми батальонов противника неполной числен-ности.

Сплошной линии обороны у противника не было. Оборон-ительный рубеж состоял из отдельных, наскоро созданных опорных пунктов, состоящих из стрелковых окопов непол-ного профиля без ходов сообщения между собой, открытых пулемётных площадок и отдельных укрытых огневых точек в строениях.

Огневая система была организована по принципу косопрямельного и фланкирующего огня. Промежутки между опорными пунктами простреливались пулемётным огнём. Перед передним краем были пристрелянные участки заградительного артиллерийско-миномётного огня.

Таким образом, оборона противника на этом рубеже состояла из наспех открытых, необорудованных, незаконченных сооружений полевого типа.

Местность перед фронтом с нашей стороны позволяла скрытно маневрировать и хорошо подготовить операцию. Несмотря на очень ограниченный срок подготовки операции, к установленному времени соединения и части ударной группировки находились на исходных рубежах в полной боевой готовности.

Главный удар наносился на правом фланге корпуса.

43-я гвардейская латышская стрелковая дивизия совместно с 24-й танковой бригадой и 48-м тяжёлым танковым полком 5-го танкового корпуса имела задачу прорвать оборону противника на участке Лачи – Спаги, наступать в направлении Антужи – Упьюсарги, ж.д. мост через р. Западная Двина, к исходу дня овладеть ж.д. мостом через реку Западная Двина.

308-я латышская стрелковая дивизия получила задачу прорвать оборону противника на участке Пурвмалас, Унгурмуйжа, наступать вдоль дороги на Крустпилс и к исходу дня овладеть городом Крустпилс.

70-я танковая бригада с 5-й мотострелковой бригадой 5-го танкового корпуса получила задачу наступать из района Калнагалы в общем направлении на Крустпилс, 115-я стрелковая дивизия – во втором эшелоне корпуса, с задачей, указанной выше. К 14 часам 7 августа* соединения и части 130-го латышского стрелкового корпуса и 5-го танкового корпуса находились на исходных рубежах для наступления в полной готовности к атаке.

*Архив МО СССР, ф. 130, ЛСК, оп. 156720, д. 9, л. 94–104

Боевые действия 7 августа 1944 года (схема 2)

В 15 часов вся артиллерия главной группировки (командующий артиллерией 130-го латышского стрелкового корпуса гвардии полковник Шарикалов)* в течение десяти минут произвела мощный огневой налёт по переднему краю противника. В 15 часов 10 мин., не дожидаясь окончания артиллерийского налёта, пехота совместно с танками начала атаку переднего края противника.

Насколько стремительна была атака танков и пехоты, свидетельствует тот факт, что на ряде участков пехота противника не успела выйти из укрытий, чтобы занять боевой порядок, и была уничтожена танками и следовавшей неотрывно от них пехотой.

Бой на переднем крае противника на рубеже Лиепсалас, Вагалес, Лиелмежниекс длился менее 30 минут, и к 16 часам 13-я гвардейская латышская стрелковая дивизия своим 125-м гвардейским стрелковым полком (командир – полковник Юревиц) овладела Вагалес, а 123-м гвардейским стрелковым полком (командир – подполковник Перловский) – Спаги. Не обращая внимания на оставшиеся мелкие группы противника и сопротивление отдельных оживших огневых точек, части 43-й гвардейской стрелковой дивизии, предводимые танками, быстро продвигались вперёд, заняли Силаспаги, Пурвмальспаги и вышли на линию артиллерийских позиций противника. Прорыв обороны, быстрый бросок танков и пехоты вперёд по основным дорогам на юго-запад и внезапное появление их на рубеже артиллерийских позиций деморализовало противника, лишило возможности сопротивления, и он начал поспешно отходить, бросая технику и вооружение.

В 17 час. 40 мин. части дивизии овладели рубежом Берзулея, Лейтаны. В Лейтанах 1-й батальон 123-го гвардейского

*Погиб от вражеской мины, находясь в сентябре 1944 г. на рекогносцировке с командиром корпуса. Похоронен в городском парке в гор. Крустпилс

стрелкового полка захватил 75 мм артиллерийскую батарею на огневых позициях и, используя запас снарядов, открыл огонь по бегущему противнику.

К 19 часам 1-й батальон 125-го гвардейского стрелкового полка вышел к Антужи, а 1-й батальон 123-го гвардейского стрелкового полка – к группе хуторов южнее Антужи и к Айзупсала.

На этом рубеже противник пытался задержать наступающие части, прикрываясь сильным артиллерийским огнём из глубины, но остановить наступление не смог.

Сопrotивляющиеся группы противника были смяты, и части дивизии продолжали преследовать противника, обратившегося в паническое бегство.

Желая избежать разгрома, противник сворачивал с основных дорог на юг, но попадал под удары подразделений 123-го гвардейского стрелкового полка.

Для ускорения движения пехоты, по договорённости с командирами взаимодействующих танковых подразделений, командиры подразделений 43-й гвардейской стрелковой дивизии перебрасывали пехоту на танках перевалами, а также использовали брошенные противником автомашины. Это дало пехоте возможность быстро и неотступно следовать за танками, не отставая от них.

В 23 часа наступающие части дивизии достигли Упьюсарги, Баравики и оседлали шоссе Криевициемс – Крустпилс. Появление частей 43-й стрелковой дивизии на шоссе было настолько внезапным и стремительным, что отходящие из Крустпилса автоколонны и пехота противника неожиданно для себя попали под удар частей дивизии и подверглись полному разгрому. Более 26 автомашин, гружённых различными грузами, и много трупов солдат и офицеров противник оставил на шоссе. Героем дня была 8-я рота 125-го стрелкового полка (командир роты – гвардии старший лейтенант Савицкий), которая первой вырвалась на шоссе и атаковала противника.

Весь путь наступления дивизии от Вагалес до шоссе был усеян брошенной противником техникой и вооружением.

Несколько иначе развернулись боевые действия на правом фланге дивизии, где действовал 121-й гвардейский стрелковый полк (командир – полковник Втулкин). Начав наступление одновременно со всеми частями дивизии, полк встретил сильное огневое сопротивление противника с Яунапсени и из леса, что южнее Яунапсени. Медленно продвигаясь вперёд, неоднократно атакуя Яунапсени, полк овладеть ими не сумел и, получив приказ командира дивизии обойти Яунапсени с юга, продолжал выполнение задачи. Обойдя Яунапсени с юга, уничтожая по пути мелкие группы автоматчиков и отдельные пулемётные точки противника в лесу, полк в 17 часов вышел на лесную поляну в 600 метрах юго-западнее Яунапсени и с боями продвигался вперёд. К рассвету 8 августа, преодолев лесной массив, полк вышел на опушку леса в 2.5 км юго-западнее Яунапсени.

На левом фланге корпуса наступала 308-я латышская стрелковая дивизия, которая одновременно с прорывом 70-й танковой бригады и 5-й мотострелковой бригады 5-го танкового корпуса вдоль шоссе Унгурмуяжа – Крустпилс атаковала и прорвала передний край обороны противника на участке Пурвмалас, Унгурмуяжа. Преодолевая узлы сопротивления противника, дивизия продвигалась правофланговым 155-м стрелковым полком (командир – майор Берг) в направлении Кателицы, Жагаре, Баури и к 21 часу вышла к Зигмани, Рубени. Левовофланговым 323-м стрелковым полком (командир – полковник Нейман), наступавшим вдоль шоссе Унгуркрогс – Крустпилс, преодолевая сопротивление противника в районах Букшас, Стоки, Судмалниеки, Ушани и отбивая контратаки пехоты с самоходными орудиями «Фердинанд», к 23 часам вышла на рубеж Мидзени, отметка 108,2. 319-й стрелковый полк (командир – полковник Аренд), наступавший во втором эшелоне дивизии, обеспечивал левый фланг дивизии и уничтожал уцелевшие группы противника в перелесках, к 24 часам вышел в район Микарниеки, на западный берег Гардаунес-эзерс.

44-й стрелковый корпус, преодолевая упорное сопротивление противника*, к исходу дня имел незначительное преимущество, вёл огневой бой 319-й стрелковой дивизией (командир – полковник Дулов) на рубеже ст. Кукас, высота 160,4, и 325-й стрелковой дивизией (командир – генерал-майор Сухоревров) – лес в 1 км западнее Пурмалрасас.

100-й стрелковый корпус (командир – генерал-майор Михайлов), перейдя в наступление в 7 часов, к 19 часам 30 мин. вёл бой на рубеже: 21-й стрелковой дивизией (командир – генерал-майор Артамонов) – отметка 94,2, Куран – Сальныш; 28-й стрелковой дивизией (командир – полковник Фёдоров) – Калюпниеки, Палакас.

К 20 часам 24-я танковая бригада разведкой вышла к Ванасала, головным отрядом – Лепусала, главными силами, взаимодействуя с 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизией, вела бой в районе Антужи. 70-я танковая бригада с поддерживающей 5-й мотострелковой бригадой вышла на рубеж Рубини, Сауки. 41-я танковая бригада [находилась] во втором эшелоне за 24-й танковой бригадой.

15-я воздушная армия с началом атаки обеспечивала боевые действия наземных войск, прикрывая их от налётов авиации противника, и вела разведку. Штурмовыми и бомбардировочными действиями уничтожала живую силу и технику противника, произвела 457 самолётов-вылетов.

Боевыми действиями авиации было уничтожено 17 орудий, две минометных батареи, 29 машин и 13 подвод с войсками и грузами, истреблено до роты пехоты противника, контратаковавшего во фланг огневые позиции артиллерии. В воздушных боях сбито 28 самолётов противника.

Боевые действия 8 августа 1944 года*

Войска армии в течение ночи подтягивали артиллерию, подвозили боеприпасы. Силами 90-го стрелкового корпуса и 121-го

*Архив МО СССР, ф. 22А. оп. 202045, д. 5, л. 28–35

**Там же, л. 26–28

стрелкового полка 43-й гвардейской стрелковой дивизии вели огневой бой с противником на прежнем рубеже.

Силами 130-го латышского стрелкового корпуса, 44-го и 100-го стрелковых корпусов во взаимодействии с 5-м танковым корпусом продолжали наступление. Одновременными ударами северо-восточнее, восточнее и юго-восточнее города Крустпилс, сжимая кольцо окружения противника, уничтожая его контратакующие части и отряды прикрытия, к 9 часам 20 мин. 8 августа 130-й латышский стрелковый корпус, совместно с частями 5-го танкового корпуса и 118-й отдельной танковой бригадой перерезали железную и шоссейную дороги в районе Шауриши и захватили железнодорожную станцию Крустпилс.

В то же время части 44-го стрелкового корпуса и 100-го стрелкового корпуса с юго-востока прорвались к городу Крустпилс и завязали уличные бои на его окраинах.

К 12 часам 8 августа войска армии полностью овладели крупным узлом железных и шоссейных дорог, связывающим плацдарм немцев на восточном берегу реки Западная Двина – городом Крустпилс.

Противник оказывал упорное сопротивление наступающим войскам армии, неоднократно переходил в контратаки силой до батальона при поддержке танков и самоходной артиллерии (всего отмечено 12 танков, 8 самоходных орудий).

Но, видя безнадёжность своего положения, он начал жечь город Крустпилс и выводить главные силы и технику на западный берег реки Западная Двина. К утру 8 августа 1944 года он взорвал все переправы через реку Западная Двина.

В устье реки Айвиексте, южнее Гостини, противник продолжал оказывать упорное сопротивление наступающим частям 130-го латышского стрелкового корпуса, стремясь удержать занимаемый плацдарм на южном берегу реки Айвиексте.

В этом районе отмечено действие до 18 артиллерийских и 20 миномётных стволов, а также 3 шестиствольных миномётов.

Действия соединений*

130-й латышский стрелковый корпус, пополнив боеприпасы и подтянув отставшее тяжёлое вооружение соединениями корпуса, продолжал наступление и преследование противника. 43-я гвардейская латышская стрелковая дивизия, двигаясь без танков, преодолев лесной массив, к 3 часам вышла к железной дороге Крустпилс – Рига; 125-й стрелковый полк – в район Какты и 123-й стрелковый полк – юго-восточнее, в районе железнодорожной будки.

Здесь 125-й стрелковый полк прямой наводкой из орудий калибром 45 мм подорвал проходящий из Крустпилса на Гостини гружённый боеприпасами эшелон противника.

К 8 часам части дивизии вышли к реке Западная Двина: 125-й стрелковый полк – к железнодорожному мосту через реку Западная Двина и 123-й гвардейский стрелковый полк – южнее ж.д. моста. Этим самым дивизия полностью выполнила поставленную задачу. Железнодорожный мост через Западную Двину до подхода частей дивизии противник взорвал. Полки заняли оборону на рубеже реки в готовности к выполнению дальнейшей задачи.

121-й стрелковый полк после выхода из леса встречал слабое сопротивление разрозненных мелких групп противника, отходящих с юга. Уничтожая их, полк быстро продвигался вперёд. Занял Угэрес, Удру-сала, Рушендорфас, Криевииемс, Тунтули и к 10 часам достиг Вежсиэтниеки.

Выставив по пути продвижения гарнизоны от 3-го стрелкового батальона – в Угэрес, Рушендорфас, Криевииемс – и от 1-го стрелкового батальона – в районе передвижного армейского резерва в Тунтули, Вэжи, выполнил поставленную задачу обеспечения правого фланга со стороны реки Айвиексте.

В течение дня части дивизии продолжали вести бой с мелкими, разрозненными группами противника и заняли оборону: 1-й батальон 125-го стрелкового полка – лес юго-западнее Продас-сала, 2-й батальон 125-го стрелкового полка – по восточному

*Архив МО СССР, ф. 130, ЛСК, оп. 156720, д. 9, л. 54–64

берегу реки Западная Двина, в 1.5 км юго-западнее Шауриши, 3-й батальон 125-го стрелкового полка – перед взорванным ж.д. мостом на восточном берегу реки Западная Двина, 123-й стрелковый полк всеми своими батальонами – по восточному берегу реки Западная Двина, лес южнее моста через р. Западная Двина на юг от сарая в 300 м западнее Силэны.

В течение 7 и 8 августа 1944 г. 43-я гвардейская латышская стрелковая дивизия прошла с боями до 25 км, освободила 68 населённых пунктов.

В 12 часов 8 августа дивизия получила новую задачу – развернуться фронтом на северо-запад и, двигаясь вдоль шоссе и железнодорожной дорог, занять переправу через реку Айвиексте, овладеть Гостини на северном берегу реки Айвиексте. Дивизия двумя полками – 123-м и 125-м – в 13 часов, развернувшись фронтом на северо-запад, имея на правом фланге 123-й стрелковый полк и на левом – 125-й стрелковый полк, начала выдвижение на исходный рубеж – опушка леса южнее Мерниеки, Ванагсала, Будинкас, в 15 часов достигла означенного рубежа и начала наступление на север.

Преодолевая сопротивление заслонов противника и артиллерийско-миномётный огонь из-за реки Айвиексте, к 20 часам 125-й гвардейский стрелковый полк овладел Пениги, а 123-й гвардейский стрелковый полк – Анциши. С наступлением темноты противник предпринял ряд контратак против обоих полков, стараясь приостановить наступление.

Отбивая контратаки, части дивизии двигались вперёд и овладели: 125-й стрелковый полк – Леймани и 123-й стрелковый полк – станцией Айвиексте.

Дивизия по приказу командира корпуса на этом прекратила наступление и получила новую задачу. В этих боях дивизия освободила ещё 10 населённых пунктов.

Действия 308-й латышской стрелковой дивизии на левом фланге корпуса* в течение ночи приостановились. Правофлан-

*Дивизия вела свой первый бой, штаб был слабо сколочен

говый 355-й стрелковый полк ночных боевых действий не вёл. Командир полка майор Берг с наступлением темноты расположил свой полк на отдых в лесу, не доложив об этом командиру дивизии.

Штаб дивизии, потеряв связь с полком, на неоднократные запросы штаба корпуса не мог сообщить данных о положении полка. Левифланговый 323-й стрелковый полк, наступающий вдоль дороги Унгурмуйжа – Крустпилс, не имея связи с соседом справа, также замедлил темп продвижения.

Потребовались срочные меры. Командир корпуса генерал-майор Бранткалн потребовал от командира 308-й стрелковой дивизии немедленного установления связи с 355-м полком, приказал находящейся во втором эшелоне стрелковой дивизии 319-й стрелковый полк в течение ночи выдвинуть из-за правого фланга 323-го стрелкового полка в направлении Ерныни, Игауни.

Командиру дивизии была поставлена задача, используя приданные танки 118-й отдельной танковой бригады (командир – полковник Брегвадзе), усилить темп наступления. В дивизию для оказания помощи штабу были направлены офицеры штаба корпуса и начальник автобронетанковых войск корпуса полковник Газеев.

В результате принятых мер с рассветом 8 августа 308-я латышская стрелковая дивизия, взаимодействуя с 118-й отдельной танковой бригадой, начала быстро продвигаться в юго-западном направлении. К 6 часам 319-й стрелковый полк, ведя бои с мелкими группами противника, вышел на рубеж Игауни, Рошаны. 323-й стрелковый полк с танками 118-й отдельной танковой бригады, ведя бой с упорно обороняющимся противником, оказывающим яростное сопротивление, вышел на рубеж Лайдды, Люляки.

Стрелковые подразделения, действуя совместно с танками, смело и решительно уничтожали очаги сопротивления противника. Командир 308-й латышской стрелковой дивизии, генерал-майор Дамберг, организуя взаимодействие с 118-й отдельной

танковой бригадой, находился на одном из танков танковой бригады в передовых подразделениях и к 9 часам 8 августа ворвался на станцию Крустпилс.

223-й стрелковый полк и танки 118-й отдельной танковой бригады к 9 часам 20 мин. освободили станцию и северную часть города Крустпилс.

В этом бою особо отличился экипаж командира танкового взвода лейтенанта Васягина (118-я отдельная танковая бригада). Его экипаж первым ворвался в гор. Крустпилс, на ходу расстреливая огневые точки и орудия противника, расчищая путь пехоте. В районе ж.д. станции экипаж полностью уничтожил зенитную батарею, ведущую огонь прямой наводкой по наступающим танкам и пехоте.

Соединения 44-го стрелкового корпуса с востока и 100-го стрелкового корпуса с юго-востока передовыми отрядами преследования прорвались к городу и завязали уличные бои на его окраинах. К 12 часам 8 августа 1944 года войска 22-й армии, полностью овладев городом Крустпилс, приступили к перегруппировке войск для форсирования реки Айвиексте.

Выводы

1.* В течение ночи и первой половины дня 7 августа 1944 года 22-я армия перегруппировала главные силы и артиллерию к своему левому флангу. Силами 130-го латышского, 44-го и 100-го стрелковых корпусов, во взаимодействии с 5-м танковым корпусом в течение 7 и 8 августа 22-я армия преодолела упорное сопротивление противника, вышла к реке Западная Двина на фронте – устье реки Айвиексте, Крустпилс, Ливаны – и закончила разгром Крустпилсской группировки противника.

В ходе боёв было освобождено 100 населённых пунктов, в том числе город Крустпилс – крупный узел железных и шоссе-ских дорог, важный опорный пункт обороны немцев на Рижском направлении.

* Архив МО СССР, ф. 376, оп. 202045, д. 5, л. 33–35

2. На Крустпилсском направлении части 23-й и 24-й пехотных дивизий боевой группы Штремпель, цепляясь за каждый выгодный рубеж, пытались не допустить выхода наших частей к рекам Айвиексте и Западная Двина, оказывали особо упорное сопротивление на подступах к городу Крустпилс.

В ходе боёв разгромлены части 23-й, 24 и 389-й пехотных дивизий противника.

3. Части 5-го танкового корпуса и 118-й отдельной танковой бригады во взаимодействии с 130-м латышским стрелковым корпусом своими решительными и смелыми действиями сыграли важную роль в разгроме Крустпилсской группировки немцев и овладении г. Крустпилсом. К исходу 8 августа части 5-го танкового корпуса сосредоточились в районе леса юго-западнее Гостини.

4. За время боёв войсками 22-й армии уничтожено более 4000 солдат и офицеров противника, 11 танков и самоходных орудий, миномётов и орудий – 32, автомашин – 35, паровозов – 2, вагонов – 28.

Захвачено 317 пленных, 4 танка, 42 орудия, 20 тяжёлых миномётов, 82 автомашины, 6 складов боеприпасов, причём учёт произведён только вдоль дорог. Захвачены большие трофеи в самом городе Крустпилсе.

5. В боях отличились: войска гвардии генерал-майора Бранткална, гвардии полковника Калныня, генерал-майора Дамберга; войска генерал-майора Клешина, генерал-майора Сухороброва; войска генерал-майора Михайлова, полковника Фёдорова, полковника Артамонова, танкисты генерал-майора танковых войск Сахно, полковника Брегвадзе, полковника Огородникова, артиллеристы генерал-майора артиллерии Куприянова, генерал-майора артиллерии Куликова, полковника Кузнецова, полковника Неверова, полковника Астапенко, полковника Мишкина, гвардии полковника Кульчицкого, полковника Шапиро, гвардии подполковника Плотникова, гвардии подполковника Куриенко, инженерные войска гвардии полковника Фурашева, гвардии полковника Егорова, связисты полковника Спивака.

Условия, обеспечивающие успех в данной операции:*

– одним из основных условий успеха в армейской наступательной операции является правильный выбор направления главного удара и сосредоточение на нём основных сил и средств армии;

– высокий наступательный порыв личного состава частей и соединений, зрелость и боевой опыт офицеров, мужество и отвага бойцов – всё это способствовало решению боевых задач в короткое время и в сложной, быстро меняющейся обстановке;

– стремительность и внезапность атаки танков и пехоты вслед за коротким артиллерийским налётом ошеломила противника и лишила его возможности дальнейшего сопротивления;

– быстрое и безостановочное продвижение наших войск в глубину обороны, не обращая внимания на отдельные уцелевшие очаги сопротивления, внезапный выход на артиллерийские позиции противника заставили его начать поспешное отступление;

– неотступное преследование бегущего противника лишило его возможности организовать оборону на промежуточных рубежах;

– хорошо организованное взаимодействие стрелковых частей с артиллерией и танками способствовало продвижению основной массы артиллерии в боевых порядках пехоты, а последняя неотступно следовала за танками.

Переброска пехоты на танках и самоходных орудиях перекарами, при отсутствии отдельных подвижных групп преследования, вполне себя оправдала как средство, способствующее неотступному продвижению пехоты вместе с танками. В этих целях использовались также и трофейные автомашины.

Как недостаток следует отметить медлительность продвижения 121-го гвардейского стрелкового полка 43-й гвардейской латышской стрелковой дивизии на правом фланге, долгое время не обтекавшего опорный пункт Яунапсени, что дало

*Архив МО СССР, ф. 130, ЛСК, оп. 156720, д. 9. л. 102–104

возможность части группировки противника ускользнуть на север за реку Айвиексте.

Отсутствие со стороны штаба 308-й латышской стрелковой дивизии систематического контроля за действиями частей и подразделений во время преследования противника привело к тому, что 355-й стрелковый полк 8 августа прекратил ночные действия, расположился на отдых и этим замедлил темп наступления дивизии.

Опыт данной операции показывает, что при быстром и стремительном наступлении целесообразно иметь позади наступающих частей сильные группы автоматчиков для очистки от противника окружающей местности. В результате отсутствия таких групп имели место случаи нападения уцелевшего противника на тылы и передвигающиеся огневые средства (например, вывод из строя двух установок РС).

* * *

С выходом соединений и частей 22-й армии на реку Западная Двина завершилась замечательная по замыслу, стремительности исполнения и по результатам Крустпилсская операция. Менее чем за 17 часов (из них 6 часов ночного времени) армия прошла с боями до 25 км.

Отличительной чертой данной операции является перемена направления наступательных боёв на 90 градусов, быстрая перегруппировка и подготовка войск для наступления на новом направлении, осуществлённая менее чем за 12 часов.

Армейская наступательная операция проходила в соответствии с замыслом командования фронта и по своим результатам явилась большим успехом 22-й армии и, в частности, 130-го латышского стрелкового корпуса.

Статья генерал-майора в отставке П. Баумана опубликована в виде отдельной брошюры военно-научным обществом при Рижском окружном доме офицеров Советской армии в 1962 году. Печатается с опубликованного оригинала из архива Музея боевой славы Урала (г. Екатеринбург)

ЧАСТЬ II
ТВОРЦЫ ПОБЕДЫ:
НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ



БОЕВОЙ ПУТЬ 174-й (20-й гвардейской) СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ

М.И. Стружанов

Челябинская 174-я стрелковая дивизия 62-го с.к. (стрелкового корпуса.— *Сост.*) в составе 494-го, 508, 628-го с.п. (стрелковых полков.— *Сост.*), 598-го ЛАП (лёгкого арtpолка.— *Сост.*) и 730-го ГАП (гаубичного арtpолка.— *Сост.*) 27 июня 1941 года заняла оборонительный рубеж западнее города Полоцка по старой государственной границе на участке по фронту 68 км. В составе дивизии был 197-й разведбатальон, 331-й батальон связи, 178-й сапёрный батальон, 196-й отдельный автомобильный батальон, 162-й медсанбат.

Третьего июля дивизия приняла первый бой с передовыми разведмоточастями фашистской Германии.

С 3 по 16.07.1941 года в 13-дневных тяжёлых и кровопролитных боях с крупными бронетанковыми и пехотными частями под постоянным массированным артминомётным огнём и бомбовыми сильными ударами с воздуха личный состав дивизии, стойко сражаясь с врагом, проявляет героизм, отвагу и бесстрашие в сложной окружающей боевой обстановке и удерживает государственную границу Родины.

Полки дивизии, ведя днём тяжёлые оборонительные бои, ночью совершали 30-километровые марш-броски с фланга на фланг оборонительного рубежа и с утра сами контратаковали фашистов, уничтожая живую силу и технику врага. Но силы, однако, были очень неравными, и дивизия, потеряв в боях до 60 процентов личного состава и значительное число орудий, по приказу командования оставляет рубеж старой государственной границы и с боями отходит на промежуточный новый рубеж обороны: г. Невель – ст. Кунья.

Противник рвался вперёд, его бронированный и сильный удар вновь обрушивается на части дивизии на занятом оборонительном рубеже.

Снова – тяжёлые и кровопролитные бои, и снова красноармейцы, сержанты и командиры проявляют массовый героизм и стойкость, защищая священную землю Родины.

Командир дивизии, комбриг Зыгин Алексей Иванович, командиры полков Китаев, Милорадов и Павлюк лично и неоднократно возглавляют контратаки наших частей и отражают численно превосходящие силы ударных частей фашистов.

Силы дивизии тают, несмотря на ежедневное пополнение полков прибывающим личным составом, а силы противника, наоборот, с каждым днём возрастают за счёт новых частей, подходящих к участку фронта наступления.

27 августа 1941 года под угрозой окружения нависших с фланга больших сил противника дивизия выходит из очередного боя в районе совхоза «Ушицы» и, оторвавшись от противника, совершает марш-бросок на новый оборонительный рубеж в район восточнее г. Великие Луки с задачей прикрыть отход частей корпуса и 22-й армии.

Так заканчивается первый этап боевых действий дивизии по защите рубежей Родины.

В этих первых тяжёлых и кровопролитных боях пали смертью храбрых герои Родины, наши товарищи по оружию: начальник штаба дивизии полковник Черкасов, командир 628-го стрелкового полка майор Павлюк, начальник разведки 598-го лёгкого артполка старший лейтенант Сухов, заместитель командира стрелкового полка Крытин, командиры батарей Вердников и Донской, политруки Смушкевич, Иванов и многие другие командиры, сержанты и бойцы. Находясь в окружении, командир 2-го дивизиона артполка капитан Митрофанов организовал партизанскую войну фашистам.

Потеряли Родину, попав в плен, в силу сложной боевой, быстро меняющейся обстановки и отсутствия необходимых средств связи, часть командиров и бойцов автобата, медсанбата и тылов дивизии.

Стойкость, храбрость и героизм воинов и командиров-уральцев в боях были высоко оценены Военным советом Западного фронта, а командир дивизии – комбриг Зыгин награждён орденом Ленина. А.И. Зыгин погиб 27 сентября 1943 г. В г. Полтава ему воздвигнут памятник.

29 августа 1941 года дивизия ночным боем вырывается из кольца окружения в районе Великих Лук, идёт по территории, захваченной немецкой армией, форсирует реку Западная Двина, занимает рубеж обороны на реке в районе г. Андреаполь и удерживает его до 5 октября 1941 года.

Многодневный форсированный марш – и дивизия заняла оборону восточной части г. Ржев с задачей обеспечить переправу отходящих частей наших армий через реку Волга.

Октябрь, ноябрь и декабрь – дивизия в обороне по водному рубежу реки Тьма, северо-восточнее города Калинина.

20 декабря 1941 года дивизия участвует в нашем втором мощном контрнаступлении войск на Западном фронте и к 7 января 1942 года выходит на подступы к городу Ржев, где завязывает тяжёлые бои с подошедшими большими силами противника и удерживает рубеж, несмотря на ежедневные атаки, поддерживаемые танками и авиацией.

В течение января, февраля и марта 1942 года дивизия принимает участие в наступательных операциях на участке 29-й, 30 и 31-й армий Западного фронта на рубеже Ржев – Вязьма, освобождает ряд населённых пунктов. 17.03.1942 года приказом Верховного Главнокомандующего за героизм и отвагу наша 174-я стрелковая дивизия получает наименование 20-й гвардейской дивизии, а полкам присваиваются номера 55-й ГСП (гвардейский стрелковый полк.– *Сост.*), 57 и 60-й ГСП и 46-й ГАП (гвардейский артиллерийский полк.– *Сост.*). Гвардейскими стали и все тыловые подразделения дивизии.

В первых числах апреля дивизия по приказу командования сдаёт участок обороны новой, подошедшей из тыла, дивизии и совершает марш в район с. Емельяново на р. Волга, в 50 километрах от линии фронта, на формирование личным составом, где и находится до 3.08.1942 года.

С 4 августа 1942 г. дивизия в составе 31-й армии участвует в большом наступлении наших войск Западного фронта в полосе г. Ржев – г. Вязьма. 4–10 августа 1942 года части дивизии после преодоления сильно укрепленного рубежа в районе ст. Погорелое Городище и разгрома 161-й и 120-й пехотных дивизий гитлеровцев, ведя бои на промежуточных рубежах, освобождают целый ряд населённых пунктов и выходят на рубеж реки Вазуза, преодолев в тяжёлых боях 30 километров. Части дивизии форсируют р. Вазуза и завязывают бои на плацдарме, но встречают сильное сопротивление противника.

Тяжёлые кровопролитные бои на рубеже Пульниково – Макеево в районе восточнее Ржев – Вязьма продолжаются по 12 января 1943 года. 13 января 1943 года дивизия сдаёт рубеж обороны, совершает марш 35 км на ст. Погорелое Городище, где грузится в эшелоны, и 15.01.1943 г. прибывает в район станции Сухиничи на доукомплектование личным составом.

5 февраля 1943 года дивизия совершает марш в 10 километров на ст. Хотень, где грузится в эшелоны и следует на Юго-Западный фронт для развития успеха наступления наших войск.

3 марта 1943 года дивизия разгрузилась на ст. Купянск и с марша бросается в бой с задачей любой ценой оседлать плацдарм на западном берегу р. Северный Донец в районе с. Савинны.

(Идёт контрнаступление немецких войск).

Дивизия успешно овладевает плацдармом, встречает 15-ю п.д. (пехотную дивизию.– *Сост.*) немцев, усиленную танковой бригадой и артиллерией, с которой и завязывает бой.

3–4–5 марта идут горячие бои на плацдарме, части дивизии прочно удерживают позиции.

Противник рвётся вперёд, ожесточённость атак нарастает с каждым днём. [К ним] подходят свежие резервы, и положение наших частей становится критическим. Командование дивизии: генерал-майор Тихонов, начальник штаба дивизии полковник Лимант и командиры полков принимают все меры по укреплению оборонительного рубежа плацдарма. Пехота глубоко зарывается в землю. Вся дивизионная артиллерия выбрасывается

в боевые порядки пехоты как средство противотанковой обороны. Завозится на плацдарм большое количество боеприпасов и продовольствия, принимаются меры к пополнению частей личным составом из других дивизий. Корпусная артиллерия занимает позиции по восточному берегу реки и готовит огни заграждения по танкам противника.

23 марта 1943 года противник в 6 часов 30 минут перешёл в наступление на участке дивизии. Горячий бой [продолжался] в течение всего дня. 24 и 25-го противник повторил атаки, но без успеха.

29 марта – бомбовый удар 27 самолётов Ю-87 по нашему переднему краю обороны, и противник бросает в атаку дивизию, поддерживаемую 60 танками, самоходными орудиями и авиацией. Гвардейцы стоят насмерть. Все атаки противника не имеют успеха. Бой идёт 18 часов. Личный состав пехоты и артиллерии дивизии проявляет массовый героизм в отражении яростных атак немцев и сохраняет за собой все позиции на оборонительном рубеже. Наступает вечер, и противник с остатками своих частей откатывается на исходные позиции.

Командующий 6-й армией объявляет всему личному составу благодарность за отвагу и стойкость в прошедшем бою.

С апреля по сентябрь дивизия [находится] в обороне этого Залимановского плацдарма. 10 сентября 1943 года – приказ на наступление. Противник отходит под натиском соседей. Части дивизии успешно преодолевают долговременную оборонительную полосу немцев, насыщенную минами, при небольшом огневом сопротивлении и вырываются на оперативный простор, преследуя противника: пос. Лозовенский, Ново-Московский, Подгорное, Нижне-Днепровск – и 26.09.1943 года части дивизии выходят на р. Днепр.

Марш 225 км за 16 дней с боями на 9 промежуточных рубежах. С 27.09.1943 года по 18.10.1943 года – оборона водного рубежа р. Днепр против г. Днепропетровска на участке в 15 км.

19 октября 1943 года дивизия снимается с рубежа обороны, совершает марш и с ходу форсирует р. Днепр в 2,5 км севернее

г. Днепродзержинска, где бросается [на помощь] для развития успеха своего соседа.

С 27 ноября 1943 года оборона достигнутого рубежа [проходила по линии]: с. Софиевка, Покровка, Екатериновка, Первомайское, Николаевка, Гуляй-Поле, Любимовка и др.

С 1 января 1944 года дивизия получает приказ прорвать оборону противника, захватить город Кривой Рог и развивать наступление в юго-западном направлении.

Перед фронтом [нашей] дивизии в обороне [находилась] дивизия СС «Великая Германия». Противник в течение полутора месяцев обороны создал хорошо организованную систему минометного и пулеметного огня, развитую систему траншей и ходов сообщения, выложил минные поля и установил проволочные ограждения, закопал в землю танки и самоходные орудия.

Части дивизии после 30-минутной артподготовки перешли в наступление, но в силу скудных данных разведки о системе обороны противника и сильного тумана, успеха не имели и, понеся значительные потери личным составом, вынуждены были отойти на исходный рубеж обороны.

Первого февраля 1944 года дивизия вновь получила приказ на наступление. Перед фронтом дивизии противник прежний, но усиленный танковым полком. Части дивизии после 50-минутной артподготовки перешли в наступление и, преодолевая сильное огневое сопротивление немцев, ценою значительных потерь личного состава полков, к исходу дня взламывают долговременную оборону противника. Успех левого соседа, 353-й с.д., способствует действиям дивизии, и противник, боясь быть отрезанным, в 1.00 начинает поспешно отходить в направлении на г. Кривой Рог.

Дивизия, наступая, 4.02.1944 года выходит на рубеж пос. Ленинский – Тарнова Балка, где встречает сильное сопротивление противника и переходит к обороне.

19 февраля 1944 года дивизия вновь переходит в наступление с задачей овладеть городом Кривой Рог.

В ночь на 22 февраля дивизия штурмом овладевает городом Кривой Рог, выходит на рубеж р. Ингулец, что в 3,5 км юго-

западнее города, но встречает упорное сопротивление противника на заранее подготовленном к обороне рубеже, завязывает тяжёлый бой, но без успеха. 24 февраля 1944 года дивизия переходит к обороне на достигнутом рубеже.

7 марта 1944 г. дивизия, получив пополнение личным составом и боеприпасами, прорывает оборону противника и начинает его преследование. 23 марта 1944 года дивизия, преследуя противника, выходит на водный рубеж реки Южный Буг, где встречает сильное сопротивление противника.

28 марта 1944 года, сломив в 5-дневных ожесточённых боях сопротивление частей 3-й горной стрелковой дивизии и 17-й пехотной дивизии немцев на водном рубеже р. Южный Буг в районе г. Вознесенск, дивизия форсирует реку и снова преследует противника.

В боях на реке Южный Буг проявили героизм, дерзость и отвагу в захвате плацдарма гвардии младший лейтенант В.Х. Корниенко, сержант А.Г. Первухин и младший сержант К.К. Олейник: переправившись ночью на подручных средствах через бурную реку, закрепились на позиции и мужественно сражались с врагом, отвлекая внимание противника на себя, чем обеспечили захват плацдарма полком. Всем им после этого боя было присвоено звание Героя Советского Союза.

31 марта 1944 года противник, собрав разрозненные части 17-го и 258-го пехотного полков, занял оборону на водном рубеже реки Талигул в районе п. Котовский и п. Кринички. Дивизия решительным штурмом в ночном бою овладевает господствующими высотами западного берега реки, и противник бежит.

Дивизия сдаёт рубеж и выходит в резерв в составе 61-й гвардейской стрелковой дивизии и как 2-й эшелон войск 37-й армии продолжает движение в юго-западном направлении.

5 апреля 1944 года противник составом 3-й, 33-й стрелковых дивизий и 294-й пехотной дивизии сделал попытку перерезать нашу колонну войск на марше в районе северо-западнее станции Раздельная и вывести одесскую группу своих войск, над которой

нависла опасность окружения в связи с нашим успешным продвижением в юго-западном направлении.

В 18.00 дивизия во встречном бою, будучи на марше, массированным огнём всех огневых средств отразила атаку двух [фашистских] батальонов пехоты, поддержанных танками, быстро заняла оборону рубежа и обеспечила ввод в бой главных сил корпуса. За успешные боевые действия, массовый героизм и стойкость 60-й гвардейский стрелковый полк был награждён орденом Кутузова.

9 и 10 апреля [шли] бои с 76-й пехотной дивизией немцев на водном рубеже реки Кучурган. Опрокинув противника, части дивизии совершают марш в 4 км, с ходу, на подручных средствах, успешно форсируют реку Днестр в районе Слободзия – Молдованская и захватывают плацдарм в районе Копанка – высота 136,6.

При форсировании реки Днестр и захвате плацдарма противника проявили отвагу и бесстрашие командир 55-го гвардейского стрелкового полка младший лейтенант Кузнецов Георгий Степанович и трое бойцов с ним. Под покровом ночи они переправились на вражеский берег, окопались и в момент форсирования реки полком открыли огонь из пулемётов по противнику, вызвали в его рядах замешательство и обеспечили успешное овладение дивизией плацдарма.

За проявленную храбрость в бою гвардии младшему лейтенанту Кузнецову Георгию Степановичу было присвоено звание Героя Советского Союза, а бойцы, находившиеся с ним, награждены орденами. Высшей награды, звания Героя Советского Союза, за форсирование Днестра на другом участке дивизии был удостоен воин дивизии гвардии сержант Карпов И.П., который на камышовом плотике переправился через реку и метким огнём из пулемёта уничтожил 36 солдат и офицера противника и дал возможность полку занять плацдарм.

19 апреля 1944 года дивизия снимается с рубежа обороны плацдарма и переходит во второй эшелон в составе 6-го гвардейского стрелкового корпуса 37-й армии с дислокацией в районе садов севернее украинского города Тирасполь.

Май, июнь, июль дивизия комплектуется личным составом, техникой, развёртывается боевая подготовка частей к предстоящим наступательным операциям.

15 августа 1944 года дивизия в составе 6-го гвардейского стрелкового корпуса выходит из резерва 2-го эшелона и занимает боевой порядок на Копанском плацдарме с задачей прорвать долговременную, глубоко эшелонированную оборону противника и обеспечить ввод в прорыв крупных мототанковых соединений наших войск.

37-я армия на участке дивизии наносит главный удар, и дивизия получает усиление в виде 52-го танкового полка, 864-го самоходно-артиллерийского полка, 562-го артиллерийского механизированного полка, 221-й и 230-й гаубичных артполков, 334-го артполка, 117-го и 532-го истребительно-противотанковых артиллерийских полков, плюс 18 миномётов, 188-я стрелковая дивизия, 9-й отдельный истребительно-противотанковый полк.

Перед фронтом дивизии [находился] противник частями 306-й пехотной дивизии в первом эшелоне и составом 13-й танковой дивизии в глубине обороны.

20 августа 1944 года, в 8.00 [наша] дивизия в составе 6-го корпуса 37-й армии перешла в наступление. Операция началась артподготовкой, которая длилась в течение 1 часа 45 минут и производилась в полосе прорыва в 1,5 километра из более 500 стволов орудий и миномётов. Атака пехоты сопровождалась огненным валом на глубину 1,5 километра.

Истребительно-танковые полки и дивизионы сопровождали пехоту на всю глубину прорыва, а с развитием успеха и выходом на тактический простор закреплялись за стрелковыми полками на весь период их наступления.

В 10.00 части дивизии ворвались в траншеи первой линии противника и, действуя гранатами и штыками, уничтожили уцелевших солдат, преодолели огневое сопротивление перед второй полосой линии обороны, захватили её и, сея огонь из автоматов, овладели третьей линией обороны противника.

60-й гвардейский стрелковый полк под командованием гвардии подполковника И.Н. Макухи на подходе к роще встретил сильное огневое сопротивление со стороны противника и завязал горячий бой. Части дивизии достигли рубежа Балка – Штубей, овладели ею и вышли на гребень высот перед населённым пунктом Поляска, где встретили сильный артминомётный огонь, с ходу преодолели его и овладели населённым пунктом, ключевой позицией обороны участка противника.

С рассветом 21 августа противник бросил в атаку танки и самоходные орудия 13-й танковой дивизии. Бойцы дивизии, проявив массовый героизм, отвагу и бесстрашие, вступили в схватку с танками-«тиграми», изрыгающими шквал артиллерийского и пулемётного огня. Отражая атаку танков на позиции полка, пулемётчик 1-го батальона 60-го гвардейского стрелкового полка ефрейтор Гусев Александр Иванович, когда на него двинулись 4 танка, бросился с противотанковой гранатой под гусеницы ближайшего танка и подорвал его, отдав жизнь за нашу Советскую Родину. Через несколько минут его подвиг повторил боец из 3-го батальона полка Гуренко Кузьма Иосифович. Прошло 20–30 минут, и на улице села Ермоклия 12 танков противника горели, подбитые пехотинцами и подошедшим 46-м гвардейским арtpолком. Гусев Александр Иванович и Гуренко Кузьма Иосифович посмертно были удостоены звания Героя Советского Союза.

«Так могут умирать только солдаты Советской Родины, сердца которых до последней капли крови преданы своей Родине», – писала тогда наша армейская газета, освещая их подвиг в бою.

Горячий бой длился до 14.00. Выход танков нашего 52-го танкового полка решил исход боя, и противник стал отходить в юго-западном направлении.

Последующие дни дивизия, преодолевая сопротивление противника, на промежуточных рубежах успешно продвигается вперёд и 29 августа, разгромив крупную группировку румыно-немецких войск, выходит на водный рубеж реки Прут.

Сентябрь, октябрь и ноябрь 1944 года дивизия в составе 6-го гвардейского стрелкового корпуса армии в резерве 3-го

Украинского фронта [находилась] на марше по территории Молдавской ССР, Румынии, Болгарии и Югославии. Марш – 750 км.

25 ноября 1944 года дивизия снова на марше. Переправа через Дунай в районе Батино и бой на территории Венгрии. Задача – перерезать ж.д. Вилань – Мохач и, развивая наступление, овладеть важным узлом коммуникаций противника – городом Печь. Дивизия, уничтожая сильные отряды заграждения 44-го пехотного полка, продвигается с боями вперёд, и 29 ноября, после ожесточённого сражения с 7-й пехотной дивизией противника, овладевает городом Печь.

Дивизия продолжает наступать и берёт города Сент-Леренц, Себетвар, Кадаркут и др. 9.12.1944 года она получает приказ на дальнейшее наступление с задачей выйти в район озера Балатон.

10 декабря 1944 года дивизия ведёт тяжёлый бой на рубеже Морцали – Местенге с частями дивизии СС «Бранденбург» и горной стрелковой дивизией, усиленными танками 2-й танковой армии. Противник упорно удерживает рубеж и подбрасывает новые части. Дивизия переходит к обороне на достигнутом рубеже.

8 марта 1945 года дивизия передаёт участок обороны подошедшей 333-й стрелковой дивизии и без 55-го гвардейского стрелкового полка, который остаётся временно на рубеже, выходит в резерв 57-й армии, сосредоточившись в районе Мезеченоньян – Хетеш в готовности к нанесению контрударов по противнику.

16 марта 1945 года противник силами 16-й моторизованной дивизии, 71-й пехотной дивизии и 1-й горной стрелковой дивизии при поддержке трех артполков, перешёл в наступление на участке обороны армии в районе населённого пункта Никла. Дивизия форсированным маршем выбрасывается в район действия и занимает рубеж обороны: Ташка – Никла и принимает на себя удар противника. Трёхдневные ожесточённые бои – и дивизия отражает все атаки, прочно удерживая рубеж.

С 19 марта 1945 г. до 3 апреля 1945 г. дивизия [находится] на марше во 2-м эшелоне 57-й армии по территории Венгрии.

5 апреля 1945 года дивизия подошла с боями к государственной границе с Австрией и с приданными 563-м мехполком, 152-м гаубичным артполком, 374-м истребительно-противотанковым полком и 3/25-м гвардейским механизированным дивизионом (катюш) получила приказ 8.04.1945 года с марша войти в бой и наступать в направлении: Грабсдорф, Униндорф и г. Грац.

Перед фронтом дивизии – противник частями 4-й пехотной дивизии СС «Галиция», 16-м мехполком и 219-м батальоном «Фольксштурм». В 17.00 дивизия с ходу овладела высотой 607 и населённым пунктом Штайнберген, но встретила сильное сопротивление противника и вынуждена была принять тяжёлый бой.

10 апреля 1945 года части дивизии сломали сопротивление противника на указанном промежуточном рубеже его обороны и с боями преследовали его. С 16.04.1945 г. по 22.04.1945 г. дивизия – в обороне на рубеже: высота 409 – Дирибаж. С 22.04.1945 г. по 7.05.1945 г. дивизия – во 2-м эшелоне 6-го Дунайского гвардейского корпуса в районе Фельдбах для нанесения контрударов.

8 мая 1945 года дивизия получает приказ на дальнейшее наступление и вместе с 10-й и 61-й гвардейскими стрелковыми дивизиями корпуса в 15.00 с приданными 528-м мехполком и 158-м гаубичным артполком прорывает оборону 14-й пехотной дивизии противника, свёртывается в колонну, совершает марш-бросок и в 5.00 9 мая 1945 года захватывает г. Грац, где по приказу остаётся гарнизоном.

Справку о боевом пути 174-й стрелковой дивизии составил гвардии подполковник в отставке, бывший начальник штаба 598-го – 46-го гвардейского артполка Стружанов Михаил Иванович. (даты нет).

174-я стрелковая дивизия была преобразована в 20-ю гвардейскую Криворожскую Краснознамённую ордена Суворова II степени стрелковую дивизию.

Текст публикуется с машинописного оригинала, переданного Л.Н. Сухотиной в Музей боевой славы (г. Екатеринбург)

КОМАНДИР 174-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ КОМБРИГ ЗЫГИН АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ

В. Лихачев

«В первых боях Великой Отечественной войны в июне – июле 1941 г. особенную стойкость проявила 174-я стрелковая дивизия (командир – комбриг А.И. Зыгин), которая оборонялась в Полоцком укрепленном районе. Она удерживала этот район до 16 июля и отошла только по приказу командарма».

Из книги «Краснознамённый Белорусский военный округ»



Генерал А.И. Зыгин (фото из Интернета)

<...> Комбриг Алексей Иванович Зыгин в 1940 году был назначен начальником Слуцких пехотных курсов усовершенствования начальствующего состава Красной Армии, а вскоре получил приказ выехать в Уральский военный округ в город Челябинск, где командовал 174-й стрелковой дивизией. Он много сил приложил для совершенствования боевой выучки бойцов

и командиров, и на инспекторской проверке в мае 1941 года дивизия показала высокие результаты.

В первые дни начавшейся Великой Отечественной войны эшелоны с частями 174-й стрелковой дивизии под командованием комбрига А.И. Зыгина уже 27 июня начали прибывать на Полотчину и разгружались на станциях Громы, Полоцк, Дретунь. Дивизия заняла полосу обороны от Дисны до Уллы, включая 42 километра Полоцкого укрепрайона, и встретила врага в боевой готовности.

Военным советом 22-й армии комбриг А.И. Зыгин был назначен командиром Полоцкого боевого участка. Приказом № 1 от 29 июня 1941 года он подчинил себе гарнизон Полоцкого укрепрайона с его дотами и отдельными пулемётными батальонами, части 17-й стрелковой дивизии (артиллерию и тылы), 50-й стрелковый полк, а также разрозненные части и подразделения, которые выходили после первых боёв из окружения. Всем поставил конкретные задачи по борьбе против врага.

174-я дивизия, благодаря военному опыту и сильной воле комбрига А.И. Зыгина, огромной энергии и организаторской работе его и штаба дивизии, самоотверженной работе командиров и политработников частей, героизму и стойкости всех воинов, остановила и задержала продвижение противника на Полоцком направлении более, чем на две недели.

Мужественно обороняли наш город русские, белорусы, украинцы, башкиры, удмурты, узбеки – воины многих национальностей нашей Родины. Они сражались в составе стрелковых полков, которыми командовали подполковники И.Т. Китаев, Г.В. Павлюк, полковник Т.П. Милорадов (последние два погибли в боях на полоцкой земле), артиллерийских полков под командованием майоров Г.К. Колоколова, И.И. Батляева и других.

Они дрались стойко, так и не дали фашистам взять Полоцк с фронта. 10 июля началось Смоленское сражение, а Полоцк держался. Зыгинцы-челябинцы отстаивали каждый метр, каждый клочок, каждую пядь родной земли, отбивая атаки пехоты противника и сдерживая натиск танковых частей гитлеровского генерала Гота.

Комбриг А.И. Зыгин умело маневрировал огнём артиллерии, создавал боевые подвижные отряды из разведывательных и стрелковых батальонов, неоднократно сам непосредственно руководил боем на разных участках обороны Полоцка. Так было 6 июля, когда он руководил контратакой частей дивизии, которые сбросили противника с плацдарма на северном берегу Западной Двины у Дисны. Так было, когда на участке Кушлики – Ветрино фашистские танки и автоматчики прорвали наши позиции. Зыгин прибыл сюда и принял решительные меры, чтобы остановить противника. По его приказу из-за реки Ушачи открыла огонь наша тяжёлая артиллерия. Противник был отброшен, переправы через реку удержаны. Был опасный момент, когда враг обошёл доты укрепрайона на одном из участков, но Зыгин быстро и умело ввёл в контратаку подразделения, которые нанесли значительный урон противнику, отбросили его.

13 и 14 июля противник вводит в бой всё новые части, наращивает удары. Большие потери несут обе стороны. Тогда для Зыгина обстановка была неясна, а теперь известно, что против шести советских стрелковых дивизий 22-й армии враг обрушил 16 дивизий (три танковые, три моторизованные и десять пехотных).

Стойкость защитников Полоцка ошеломила гитлеровское командование. Об этом свидетельствуют воспоминания командира немецкой 3-й танковой группы генерала Г. Гота, который в своих мемуарах называет Полоцк «крепостью», которую можно взять, лишь обойдя с тыла, и признаёт, что «в Полоцке находится способный руководитель» – это высокая оценка А.И. Зыгина со стороны вражеского генерала.

Однако силы сторон были далеко не равными. Сосредоточив войска на флангах, используя танки и авиацию, противник завязал кровопролитные бои в районах Борковичи – Боровуха-1 и Улла – Бешенковичи. Глубокие фланговые прорывы врага в районе Себежа, Идрицы и Городка, Витебска, бои за Невель создали угрозу полного окружения наших войск в районе Полоцка. В создавшейся обстановке по приказу командующего 22-й армией генерал-лейтенанта Ф.А. Ершакова ночью 16 июля

комбриг А.И. Зыгин начал отвод частей от Полоцка на север. Доты укрепрайона дрались до 19 июля.

Комбриг А.И. Зыгин осуществил прорыв вражеского кольца и с боями умело вывел из окружения части дивизии и штаб 62-го стрелкового корпуса, сохранив людей и боевую технику, за что удостоен благодарности командующего Западным фронтом. А.И. Зыгину присвоено воинское звание генерал-майора, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 августа 1941 года он награждён орденом Ленина.

174-я стрелковая дивизия участвовала в битве за Москву и за высокую доблесть и стойкость переименована в 20-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В июне 1942 года генерал А.И. Зыгин командует 58-й, 39, 20 и 4-й гвардейской армиями на Западном, Калининском и Воронежском фронтах. Он принимал участие в битве под Москвой, в Сычёво-Вяземской, Ржевской, Ржевско-Сычёвской операциях. За умелое руководство войсками и личное мужество награждён орденами Красного Знамени и Кутузова I степени.

Под командованием генерал-лейтенанта А.И. Зыгина армия успешно освободила Полтаву. <...> 27 сентября 1943 года А.И. Зыгин погиб. В городе Полтаве, где он похоронен, на одной из площадей установлен ему памятник.

В Полоцке, в начале улицы, которая носит имя А.И. Зыгина, на мемориальной доске читаем: «Улица названа в честь командира 174-й стрелковой дивизии Зыгина Алексея Ивановича – активного организатора обороны Полоцка от фашистских захватчиков».

Печатается с небольшими сокращениями по изданному Витебским областным советом Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (г. Полоцк, 1988) буклету «Герой Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. командир 174-й стрелковой дивизии, комбриг Зыгин Алексей Иванович», созданному в 1988 году членом Союза журналистов СССР В. Лихачевым, оригинал которого в настоящее время находится в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург). В тексте есть рисунок, выполненный автором В. Лихачевым – портрет генерал-лейтенанта А.И. Зыгина (1943 г.)

179-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ

И.Д. Копылов



Майор И.Д. Копылов (1941 г.)

Встреча с родной дивизией

Приказ войскам 22-й армии 4 июля 1941 г. № 06

Великие Луки.

Управление 29-го с.к, части 179-й с.д., корпусные части – 615-го КАП, 247-й ОЗАД полагать в составе действующей Красной Армии с 22 июня 1941 года, а с 30 июня 1941 года – вошедшими в состав 22-й армии.

Командующий армией генерал-лейтенант Ершаков
Член Военного Совета корп[усной] комиссар Леонов
Начальник штаба армии генерал-майор Захаров

Приказ как приказ, ничего особенного. Подобных ему в ту пору было много, так как армий и корпусов, а тем более дивизий тоже было немало. А вот я, ознакомившись с этим приказом

в архиве Министерства обороны сорок лет спустя, почувствовал глубокое волнение. И как не волноваться. Ведь единственная указанная в приказе дивизия – моя 179-я, в которой тогда, в грозном 41-м, я был начальником штаба, а лица, подписавшие приказ, навсегда остались в моей памяти и как прямые мои начальники, и как верные сыны Родины. <...>

На западном рубеже

<...> На базе национальных воинских частей и соединений были созданы Литовский, Латвийский и Эстонский национальные корпуса Красной Армии.

Одной из двух дивизий литовского корпуса и была 179-я стрелковая, укомплектованная бойцами и командирами литовской национальности.

Корпусом командовал генерал-лейтенант Виткаускас, дивизией – генерал-майор Чапас. Штабы дислоцировались в Вильнюсе. Туда я и получил неожиданное назначение на должность заместителя начальника штаба 179-й стрелковой дивизии. В октябре 1940 года был уже в Вильнюсе.

В мае сорок первого дивизия перешла в лагерь северо-восточнее Вильнюса.

В начале июня командиры корпуса, дивизии и полков убыли в Москву на учёбу.

Вскоре в командование 179-й стрелковой вступил Александр Иосифович Устинов, я был утверждён в занимаемой должности начальника штаба. А обстановка становилась всё тревожнее.

Утром 22 июня

Утром в первый же день войны немцы бомбили наш лагерь. Мы понесли первые потери в людях и технике. Многих боевых товарищей не досчитались и на 300-километровом пути за Полоцкий укрепленный район, куда дивизия отводилась на переформирование. Ведь ни дня не было без бомбёжки.

На марше у нас сложилось критическое положение с медицинской службой. Не осталось ни одного врача. Даже долж-

ность начсандива выполнял старшина медслужбы. За Полоцком в один из полков прибыл врач из запаса, пожилой человек, не служивший ранее в армии. Ему предложили пост начсандива... Буквально на следующий день при очередной бомбёжке в этом полку был убит один человек, которым оказался тот самый врач.

В первых числах июля дивизия вышла к городу Невелю, распрощавшись с Белоруссией. Мы тогда, конечно, не могли знать, что впоследствии ей придётся участвовать в освобождении белорусской земли. Правда, дожить до этой поры посчастливилось немногим.

Под Невелем

Под Невелем дивизия основательно обновилась, существенно изменила свой облик. Прежде всего из национальной литовской она была реорганизована в обычную стрелковую дивизию Красной Армии.

Пополнение дивизии рядовым и младшим командным составом произошло неожиданно и необычно.

Из штаба армии пришло сообщение: в наше распоряжение прибывает походным порядком пополнение до 8000 человек, которое подлежит распределить по частям.

Нам представлялось, что мы получим обмундированных, вооружённых, прошедших в своё время армейскую службу людей. А на деле вышло совсем иначе. Мы получили приписной состав, предназначенный не для нашей дивизии. Люди были в гражданской одежде, без оружия, в большинстве не служившие в Красной Армии, а только прошедшие сборы в территориальных частях.

В общем, нагрузка на командиров всех степеней возросла до предела. В частности, очень остро встала проблема обмундирования.

Но тут, как говорят, не было бы счастья, да несчастье помогло. Как раз в это время на станцию Невель прибыл эшелон, в котором находилось 12000 комплектов военного обмундирования.

Немцы постоянно бомбили станцию, эшелон уже горел и нам предложили забрать обмундирование, что мы и сделали.

Теперь надо было обучить пополнение. Но совсем рядом полыхали пожары.

Враг приближался. Командир корпуса решил отвести дивизию за Великие Луки, там её довооружить и обучить. Запомнился мне этот марш. За сутки надо было пройти 60 километров. Требовалось предельное напряжение сил, но наши новобранцы справились с этой задачей.

Под Великими Луками дивизия в пределах возможного довооружилась, частично пополнилась командным составом, были сформированы медсанбат и некоторые тыловые подразделения. Но заняться боевой подготовкой новичков мы не смогли: поступил приказ командарма – к утру 11 июля сосредоточиться в районе города Невеля. Учиться пришлось на ходу.

С марша – в бой

Обстановка на фронте складывалась таким образом, что Военный совет 22-й армии, не имея в своём распоряжении резервов, вынужден был вводить в бой нашу дивизию, не дождавшись её полного отмотобилизовывания.

Первым делом у нас был взят один стрелковый батальон с гаубичной батареей для обороны южнее Невеля минного поля и подступов к командному пункту армии. Во-вторых, мы отдали полностью укомплектованный 215-й стрелковый полк с артиллерийским дивизионом.

Этот полк 10 июля прибыл на станцию Идрица, откуда во взаимодействии со 170-й стрелковой дивизией должен был наступать на Себеж и занять укрепленный район. 12 июля мы получили приказ: немедленно сосредоточить на станции Невель один стрелковый батальон и эшелоном направить его на станцию Нащёкино, откуда он маршем должен следовать в Идрицу, в распоряжение 170-й стрелковой дивизии.

В это время из штаба армии мы получили тревожное сообщение о судьбе нашего 215-го полка: «Один батальон ведёт

тяжёлый бой на участке Исаково – Могильно, остатки другого – обороняют Дюбово, третий, понеся тяжёлые потери, отходит».

170-я дивизия, которой наш полк был придан, действовавшая на правом фланге армии, тоже понесла большие потери и отходила в сторону Пустошки.

Военный совет армии принимает решение: ввести в бой нашу 179-ю стрелковую дивизию, поставив ей задачу оборонять город Пустошку, важный узел шоссейных дорог и железнодорожную станцию. Возможности у дивизии для выполнения этой задачи были невелики: два стрелковых полка по два батальона в каждом и один дивизион 76-миллиметровых пушек.

Гаубичный полк не был готов. Он переводился на механическую тягу. Но тракторов он ещё не получил, а лошадей уже передали другим частям. Не были сформированы противотанковый и зенитный артдивизионы. Но решение принято: мы вступаем в бой. Иного выхода у Военного совета армии не было.

Нас с комдивом полковником Устиновым вызвали в штаб армии. Генерал Г.Ф. Захаров, ставивший задачу, сказал:

– У вас сейчас два полка. Подойдёт 215-й. Будет три. Для борьбы с танками получите бутылки с горючей смесью.

Генерал понимал, что разговор о третьем полке и о бутылках с горючей смесью был слабым утешением, и тогда «выложил» самый сильный аргумент: «Умрите до одного, но ни шагу назад!».

Бывалый воин, понюхавший достаточно пороху ещё в гражданскую войну, полковник Устинов ответил:

– Всё понятно, товарищ генерал, и умереть сумеем, как долг велит. Но, если бы вы прикрыли нас с воздуха, дали танки и артиллерию, немцам пришлось бы дорого заплатить за наши жизни.

Начальник штаба армии промолчал. А что он мог сказать?

Защищаем Пустошку

14 июля дивизия вышла в район обороны и приступила к его оборудованию.

Передний край начинался у деревни Бубново, в трёх километрах от Пустошки, и проходил западнее города. Задача состояла в том, чтобы прикрыть подступы к городу на фронте около двенадцати километров. Это обстоятельство вынудило нас построить боевой порядок полков в один эшелон. Такая оборона, без вторых эшелонов и резервов, прикрытая лишь одним артдивизионом, не имеющая противотанковой артиллерии и средств противовоздушной обороны (ПВО), не могла оказаться серьёзной преградой для противника, который обладал подавляющим превосходством.

Мы надеялись на помощь правого соседа – 27-й армии и на то, что вот-вот подойдёт наш 215-й полк. Рассчитывали и на поддержку 170-й дивизии. Но, как показали события, эти надежды не оправдались.

15 июля, в одиночку и группами, кое-где отдельными подразделениями через наши боевые порядки отходили на восток те, кто под Себежем и Идрицей принял на себя жестокий удар врага. Тут были бойцы и командиры нашего 215-го полка и 170-й дивизии. Командира полка я увидел на дороге, когда обходил оборонительный участок. Он медленно ехал на лошади в сопровождении коновода. По лицу командира можно было понять: думы у него невесёлые. Где его штаб и батальоны, он не ведал. Узнав, что на нашем участке создан заградительный отряд, поехал в его расположение.

В лесу, недалеко от КП дивизии, я увидел группу конников, подкреплявшихся сгущёнкой. Кстати сказать, городские и партийные органы Пустошки отпустили нам немалое количество этого продукта, тем самым улучшив наш небогатый паёк.

Командир группы конников доложил, что это – полевая батарея 215-го полка.

– А где же ваши пушки? – спросил я.

Артиллеристы опустили взгляды.

– Там оставили, – командир указал на запад. – Ни одного снаряда не осталось. А пушки вывели из строя.

Во второй половине дня передовые части немцев, сбив наше боевое охранение, подошли к переднему краю обороны

и попытались преодолеть её с ходу, но всякий раз, попав под огонь нашей артиллерии, откатывались назад и укрывались в ложбинах. Затем противник попытался подавить оборону бомбёжкой, но и она не принесла немцам успеха. Мы понимали, что самое трудное впереди, и надеялись не только на свои силы. Однако 170-я дивизия отошла на новый рубеж, чтобы привести себя в порядок. Отошёл и сосед справа – 27-я армия, и наш правый фланг оказался открытым. Положение усложнилось, поскольку приходилось рассчитывать только на себя.

На второй день, подтянув значительные силы, немцы подвергли нас длительной и мощной бомбёжке и артиллерийскому обстрелу. Самолёты противника безнаказанно снижались до 2000 метров, ибо наши маломощные средства ПВО на этой высоте не причиняли им вреда. Самолёты-корректировщики постоянно висели над нашими боевыми порядками, высматривая позиции артиллерии, окопы, командные пункты. Одна бомба разорвалась на командном пункте левофлангового полка. Несколько человек было убито и ранено. В числе последних оказался помощник начальника оперативного отдела штаба дивизии, который находился в полку.

Немцы пытались забросить в наш тыл парашютистов. Одна группа их появилась в расположении КП дивизии, но, встретив организованный отпор комендантского взвода, откатилась к лесу. Другую группу парашютистов заметил в воздухе водитель автомашины, увозившей в медсанбат раненых, у которых при себе было оружие.

Шофёр подвёз раненых к месту приземления, указав им сектор обстрела, да так удачно, что ни одному парашютисту не удалось приземлиться живым.

В одной из рот 259-го полка во время бомбёжки возникла паника. Почти вся рота оставила позиции и устремилась в тыл. И только благодаря вмешательству командира полка в роте был восстановлен порядок. Характерно, что именно эта рота из-за паники и понесла самые большие потери. Командование дивизии опасалось за судьбу единственного в нашей обороне

артиллерийского дивизиона 618-го артполка, который особенно часто подвергался бомбёжке. К счастью, там царил высокий боевой дух. Мы были горды за артиллеристов, получив донесение командира дивизиона, в котором говорилось, что личный состав клянётся с честью исполнить свой долг перед Родиной и при любых обстоятельствах не покинет позиций.

Во второй половине дня мы обнаружили, что основные силы противника устремились на восток, в обход наших флангов, чтобы окружить ослабленную боями дивизию и уничтожить её ударом с тыла. Перед лицом такой опасности комдив принял решение отвести полки на новый рубеж и своё решение передать командирам полков лично. Колонну управления дивизии он возглавил сам, предложив мне ехать в его машине. Я посоветовал комдиву в целях безопасности пустить вперёд комендантский взвод с двумя станковыми пулемётами.

– Тебя этому в академии учили или немцев испугался? – отреагировал на моё предложение комдив.

Надо сказать, что Александр Иосифович Устинов был человеком завидного самообладания. Он прошёл боевую закалку ещё в гражданскую войну. Но в данной ситуации нужна была особая предусмотрительность. Я ответил комдиву, что дело не во мне, а в том, что он не имеет права рисковать своей жизнью, так как командует дивизией.

– Ну, ладно, поехали, не будем дискутировать, – сказал Устинов, и машина тронулась.

На заднем сиденье, рядом со мной, находился адъютант командира дивизии, у которого в сумке были гранаты. Мы взяли по одной и приготовились к их мгновенному применению в случае опасности, вероятность которой в сложившейся обстановке можно было считать стопроцентной. Так и случилось.

Через несколько минут, при въезде в лес, буквально носом к носу столкнулись с немцами. Они открыли по машине огонь. Водитель сделал попытку развернуться, но был сражён. Тут же погибли комдив и его адъютант. Меня пули чудом минули. Открыв дверцу, я мгновенно выскочил из машины, пустил в немцев

гранату и кинулся в сторону своей колонны, которая шла с некоторым отрывом. Но добежать невредимым до своих не удалось. Меня, как будто бритвой, резануло по левой стопе. И я упал на траву как подкошенный.

В это время, заняв позиции, открыли по немцам огонь наши станковые пулемёты и стрелки комендантского взвода. И откуда взялись силы! Встав во весь рост, я пошёл к своим. А вокруг шелестела трава от немецких пуль.

– Ложитесь, товарищ майор! Вас убьют! – крикнул мне кто-то. Но я шёл, пока не наткнулся на подползавшего ко мне начсандива. Он уложил меня в ложине, разрезал голенище сапога, который был разорван от пятки до носка, сделал перевязку, сказав, что разрывная пуля раздробила мне стопу. Потом меня отнесли в кусты на болотистый берег местного озера. Тут я и потерял сознание.

Дивизия сражается

В книге «В начале войны» Маршал Советского Союза А.И. Ерёменко так описывает обстановку в зоне боевых действий 22-й армии, которую он посетил в те тяжёлые дни в качестве заместителя командующего фронтом: «Под давлением превосходящих сил противника и под угрозой полного окружения её войска, ведя тяжёлые бои и контратакуя, медленно отходили с одного рубежа на другой. Воинами армии в этих тяжёлых условиях было совершено немало героических подвигов».

Из этой же книги нам стало известно соотношение сил: против семи дивизий 22-й армии наступало 16 дивизий фашистской Германии.

Что же было потом, после боёв под Идрицей и Пустошкой? Что стало со 179-й дивизией? Удалось ли немцам окружить и уничтожить её? На эти вопросы мы находим ответы в документах Центрального военного архива.

Получив приказ Военного совета 22-й армии, дивизия перешла в наступление из района восточнее Великих Лук в направлении города Невеля и продвинулась до 20 километров. Противник

срочно подтянул сюда крупные силы и при поддержке авиации перешёл в контрнаступление. Ведя ожесточённые бои, части дивизии отошли к реке Ловать и заняли на ней оборону в пяти километрах юго-западнее Великих Лук.

Это один из боевых эпизодов, имевших место после боёв за Пустошку в том же июле сорок первого года.

В ночь на 23 августа противник, перейдя в наступление крупными силами, прорвал оборону на южном фланге 22-й армии, овладел совхозом «Ушицы», станцией Кунья и, продвинувшись в северо-западном направлении, соединился со своими частями севернее Великих Лук, тем самым окружив войска 27-го корпуса, в состав которых входила 179-я стрелковая дивизия.

Далее в документах рассказывается, как дивизия выходила из окружения, вела тяжёлые бои и несла большие потери.

На 28 августа, находясь в районе Андреополя, дивизия насчитывала всего-навсего 300 человек, но продолжала вести оборонительные бои.

В феврале 1942 года произошёл любопытный случай. На советско-германском фронте встретились две России – старая царская и новая советская.

619-й артполк 179-й дивизии, действуя одним дивизионом как пехотным подразделением на подступах к городу Белый, отрезал пути отхода отряду графа Мещерякова, в составе которого было до 150 власовцев. Дивизион уничтожил отряд, а графа взяли в плен.

В 1944 году в дивизию влилось пополнение из моего отчего края – Восточного Казахстана. В это время 179-я победно шла на запад, к логову врага.

10 июля ей было присвоено почётное наименование «Витебская», 234-му стрелковому и 619-му артиллерийским полкам – «Клайпедские».

А вот Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 октября 1944 года:

«За образцовое выполнение задания командования в боях с немецкими захватчиками при прорыве обороны противника

юго-восточнее города Рига и проявленные при этом доблесть и мужество наградить орденом Красного Знамени 179-ю стрелковую Витебскую дивизию».

Но всё это было потом. А тогда, в июле сорок первого...

У лесного озера

Когда я очнулся, было около полуночи. По моим расчётам, я находился без сознания часов шесть: слишком велика была потеря крови. Оказалось, что у меня ещё и сквозная рана в бедре. Открыв глаза, будто в полусне, увидел среди кустов силуэты удаляющихся военных.

– А меня бросаете? – укоризненно бросил я им вслед.

Но тут, как из-под земли, появился писарь штаба Иван Иванович Питерский.

– Я Вас буду сопровождать, товарищ майор, – сказал он. – Вот у меня колхозная лошадка стоит. К кусту привязана.

Лошадка была низкая, без седла. Садиться и слезать удобно, ехать – не очень.

Мы с Иваном Ивановичем понимали, что находимся в тылу у немцев и двигаться на восток, к своим, можем только по лесам и кустарникам, в стороне от дорог. Вот после разведки миновали безлюдный хутор, благополучно перебрались через шоссе и, ориентируясь по компасу, который был у меня на руке, взяли направление на восток.

Двигались очень медленно. Лошадь то и дело проваливалась, и мне приходилось сползать на болотистый грунт. Когда рассвело, попытались выбраться из низины на просёлок, но тут наткнулись на немцев с пулемётом, направленным в нашу сторону. На наше счастье, немцы спали. Если бы фыркнула лошадь – нам бы конец. Пришлось вернуться в низину и снова пробираться сквозь заросли. Но по ним двигаться было очень трудно. Когда мы снова выбрались на сухое место, опять наткнулись на немцев. На этот раз на парашютистов. Их было человек десять. И шли они навстречу нам. А встреча эта не сулила ничего хорошего. Заметив нас, немцы залегли у кладбища. Мы тоже залегли.

Но поскольку силы были явно не равные, мы отступили в лощину, где я сел на коня. По лощине добрались до лесного массива и опять двинулись лесом.

Рана моя сильно кровоточила, кровь стекала на землю. Нужно было подбинтовать рану, но нечем. Иван Иванович снял свою рубашку, разорвал её на ленты и сделал перевязку.

Снова выбрались на просёлок, но на этот раз благополучно. Деревни, которые нам встречались, были безлюдны. И только во второй половине дня нам попала деревня с признаками жизни. Это было Воротково, что южнее станции Маево.

Под грохот бомб и снарядов, которые рвались километрах в четырёх западнее, женщины и старики укладывали скарб и усаживали детишек на подводы, привязывали к ним коров, чтобы укрыться в лесу, в более безопасном месте.

Узнав, что раненый майор не может ехать верхом, жители деревни решили выделить нам подводу.

Этот вопрос решил старичок лет 60. К моей радости, он обещал выделить и кучера-проводника.

– Есть тут у нас один инвалид, – сказал старичок, – он вас мигом до станции добросит.

Многие женщины подходили к телеге, предлагая пирожки, ватрушки, молоко. Обидеть людей отказом было нельзя, и мы с Иваном Ивановичем немного подкрепились.

Вскоре появился и обещанный возница-проводник. Правда, признаков инвалидности мы у него не заметили. Возможно, инвалида поблизости не оказалось, и его старичок заменил другим мужчиной.

Как бы то ни было, а мы до глубины души были тронуты заботой о нас жителей деревни Воротково. Вот уже 40 лет с той поры прошло, а всё помнится, будто было вчера.

Хотелось бы верить, что этот номер газеты попадёт и в деревню Воротково, и его прочтут те люди, которые в суровом сорок первом проявили трогательную заботу о нас. Я хотел бы низко поклониться этим людям, сказать им большое русское спасибо.

На подводе ехать было куда лучше, чем верхом. Но боль не унималась. Если бы ехать потише... Но ведь дорогá каждая минута. Люди ждут подводу. Да и немцы вот-вот могут нагряться. Пришлось, стиснув зубы, терпеть, пока подвода везла нас до станции Маево.

Вот, наконец, и станция. Мы, поблагодарив возчика, отпустили его с подводой, отдав ему и нашего Серого. Решили здесь, на шоссе, ждать фортуны.

Вначале надеялись на последний эшелон, потом стали рассчитывать на попутную машину. А вскоре и эта надежда пропала.

Оставалось одно: ждать немцев. Мы с Иваном Ивановичем заняли позиции у шоссе, решив, что если появятся фашисты, отстреливаться до последнего патрона, но живыми в их руки не даваться.

У Ивана Ивановича была снайперская винтовка, у меня – пистолет.

Но первыми появились наши – военный грузовик в сопровождении лейтенанта. Я попросил его подбросить нас до станции Новосокольники, где Иван Иванович надеялся посадить меня на поезд.

– Не могу, товарищ майор, – ответил на нашу просьбу лейтенант. – Везу снаряды. Батарея ждёт.

– А где ваша батарея?

Лейтенант показал позиции артиллеристов на карте.

– Да, отсюда до батареи недалеко, – сказал я лейтенанту. – Но прямо к ней вы не попадёте с таким грузом. Дороги здесь нет. Пойма речушки болотистая. Застрянете до утра. Вам надо было в Новосокольниках свернуть вот на эту дорогу.

– Чёрт бы меня побрал, какая неудача, – с горечью воскликнул лейтенант и, немного подумав, добавил: – Вам повезло. Садитесь на ящики.

«Спасибо, товарищ майор»

На станции Новосокольники, куда мы доехали на снарядах, в ожидании паровоза стоял товарный состав, в котором

эвакуировалась на восток районная больница. В вагонах было много раненых воинов. Среди них мы узнали и своих однополчан. Здесь мне сделали перевязку и укол, уложили на носилки, поставив их на пол вагона.

День клонился к вечеру, и чем сильнее сгущались сумерки, тем зловещее становилось объятые пламенем и дымом небо. Что-то горело, а пламя поднималось, казалось, до облаков.

Старший политрук, отвечавший за эвакуацию, узнав, что в этом эшелоне находится раненый майор, пришёл ко мне и между нами состоялся такой разговор.

— Правильно ли я поступил, товарищ майор, предав огню здешние запасы спирта?

— А что вас побудило это сделать?

— А то, что вывезти его нельзя, оставлять немцам – тоже.

— Может быть, следовало повременить?

— Нет, ждать нельзя. Много он тут неприятностей мог бы натворить, этот проклятый спирт. Ведь что получается. Через станцию проходят тысячи людей. Одни на восток, в тыл. Другие – на запад, к фронту. Но те и другие задерживаются у резервуаров, наполняют фляги, котелки спиртом. Несут его с собой. А некоторые пьют тут же. Разве можно терпеть такое?

— Я считаю ваше решение правильным, товарищ старший политрук.

— Большое вам спасибо за поддержку, товарищ майор! Выздоровливайте быстрее!

Под покровом короткой июльской ночи поезд тронулся. А с рассветом снова началась бомбёжка. И к прежним ранам многих добавились новые.

Памяти комдива

До сих пор я не знаю, где похоронен командир дивизии полковник Устинов, кто хоронил его. Исторический формуляр дивизии на этот счёт хранит молчание. А ведь Александр Иосифович был настоящим патриотом нашей Родины, о котором мы должны помнить всегда.

Родился наш боевой товарищ в городе Каменске Челябинской области в 1902 году в семье рабочего чугунолитейного завода. Потомственный пролетарий, он и сам работал на этом заводе, поступив туда тринадцатилетним подростком. В семнадцать лет добровольцем ушёл в Красную Армию, прослужив в ней 22 года, т.е. до последнего дня своей жизни. В 1920 году участвовал в гражданской войне на южном фронте. Будучи курсантом чугуевских пехотных курсов, принимал активное участие в ликвидации махновских банд. В 1919-м вступил в комсомол, в 1921 – в Коммунистическую партию.

Мы знали Александра Иосифовича не только как хорошего командира, но и как чуткого, внимательного человека, примерного семьянина. Дружная и крепкая его семья делила с ним все неудобства и тяжести беспокойной военной жизни. С большим риском для жизни жене нашего комдива Елизавете Сергеевне с двумя детьми удалось выбраться из объятого пламенем Вильнюса и перебраться в Арзамас. Там её застало моё письмо о последних минутах жизни Александра Иосифовича.

Полковник Устинов, наш комдив, в трудную для Родины минуту, не задумываясь, отдал за неё свою жизнь, и мы, его боевые друзья, всегда будем хранить о нем добрую память.

После гибели Устинова командиром дивизии был назначен полковник Николай Григорьевич Гвоздев, который через два месяца тоже погиб в бою.

* * *

Эти строки я пишу спустя сорок лет после суровых событий тяжёлого сорок первого года. Трудное то было время, непостижимо трудное. И описать те события подробно и точно практически невозможно. Не полагаясь только на свою память, я просмотрел в военном архиве документы 22-й армии, относящиеся к начальному периоду войны, стараясь найти подтверждение тем фактам, которые описываю. А взяться за этот очерк я решил не только потому, что меня просили об этом товарищи из Пустошки, но и потому, что поныне ещё здравствуют многие

ветераны нашей дивизии. Я надеюсь, что они прочтут мой рассказ, вспомнят свой трудный ратный путь, своих боевых товарищей, мысленно вернутся к тем незабываемым дням, ещё раз расскажут о них своим детям и внукам, родным, знакомым, чтобы люди ещё больше узнавали о героическом прошлом своей Родины и прониклись ещё большей ответственностью за её судьбу, за её могущество, за свои дела.

За кровь, пролитую на поле брани под Пустошкой тогда, в суровом сорок первом, я был удостоен высокой правительственной награды – ордена Отечественной войны I степени, который мне вручил в Кремле Михаил Иванович Калинин. Он тогда с нами сфотографировался. И этот снимок как фронтовую реликвию хранит моё потомство.

Автор воспоминаний – И.Д. Копылов, генерал-майор в отставке, участник обороны Пустошки в 1941 году.

Публикуется по текстам из газеты «Вперёд» – органа Пустошкинского райкома КПСС и районного Совета депутатов трудящихся Псковской области, №75–77, 82, 86, 90, июнь 1981.

КРАТКАЯ СПРАВКА О БОЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 185-й СТРЕЛКОВОЙ ДИВИЗИИ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В. Розанов, В. Зазулин

185-я стрелковая дивизия была сформирована в городе Белгороде в сентябре 1939 года на базе 163-го стрелкового полка. К началу Великой Отечественной войны дивизия была преобразована в 185-ю мотострелковую дивизию 21-го мехкорпуса и дислоцировалась в городах Идрица, Опочка, Себеж Псковской области. В её состав входили 257-й, 280 и 415-й мотострелковые полки. Практически к началу войны переформирование дивизии на штат мотострелковой не было завершено до конца в связи с отсутствием материальной части.

Впервые дивизия вступила в бой с немецко-фашистскими захватчиками 25 июня 1941 года в районе Славовки восточнее города Даугавпилса Латвийской ССР в составе 21-го мехкорпуса, которым командовал генерал-майор Д.Д. Лелюшенко (в корпус входили помимо 185-й с.д. 42-я и 46-я танковые дивизии). Участвуя в боях под Даугавпилсом до 28 июня, дивизия в тяжёлых оборонительных боях до 8 июля отходила на Резекненском-Опоченском направлении, сдерживая натиск немецко-фашистских войск на Псковско-Ленинградском направлении. В дальнейшем, с 10 июля 1941 г., дивизия в составе 27-й армии Северо-Западного фронта отходила с тяжёлыми боями к городу Холм на реке Ловать. Здесь до начала сентября в упорных оборонительных боях дивизия прочно держала оборону, прикрывая направление на Бологое – г. Осташков.

В начале сентября 1941 года немецко-фашистским войскам удалось прорвать фронт обороны 27-й армии. В результате противник вышел к району озера Селигер и занял Демянский плацдарм. 185-я мотострелковая дивизия оказалась в окружении.

После выхода из окружения во второй половине сентября 1941 г. дивизия была передислоцирована под город Новгород, где её переформировали в 185-ю стрелковую дивизию. До 13 октября 1941 года дивизия занимала оборону по реке Мсте.

В связи с прорывом противником обороны в районе Медное – Марьино, севернее г. Калинина в октябре 1941 г., дивизия по приказу командования фронтом была передислоцирована из-под Новгорода в район Медное – Калинино, где до конца октября вела бои по ликвидации вражеской группировки в составе Оперативной группы генерала Н.Ф. Ватутина.

В связи с созданием 17 октября Ставкой Верховного командования Калининского фронта дивизия была переподчинена командующему Калининским фронтом генерал-лейтенанту И.С. Коневу и до 16 ноября 1941 года вела активные оборонительно-наступательные бои в предместье города Калинина. С изменением обстановки на правом фланге Западного фронта и в связи с ухудшением обстановки южнее Московского моря и решением командующего Калининским фронтом дивизия была передана в состав 30-й армии Западного фронта и вела тяжёлые оборонительные бои с противником в районе Завидово – Конаково Калининской обл[асти].

6 декабря 1941 года части и соединения в составе 30-й армии начали контрнаступательные действия, которые закончились освобождением г. Клина и разгромом Клинской группировки противника. Освобождая десятки населенных пунктов, дивизия к началу января вышла на подступы к городу Ржеву, где в составе 29-й армии и 39-й армии Калининского фронта участвовала в боевых действиях в наступательной Ржевско-Сычевской операции. К началу января 1942 года дивизия сражалась в составе окруженной 29-й армии, и лишь в конце февраля соединение вышло из окружения юго-западнее района Оленино – Ржев – Сычевка, где до конца июня 1942 г. вело оборонительные бои с противником в составе 39-й армии Калининского фронта.

В июле и августе 1942 года дивизия была передана в состав 22-й армии и до января 1943 года вела местные отвлекающие бои в районе г. Оленино – Белый.

После освобождения Ржевско-Вяземского плацдарма от немецко-фашистских войск 185-я с.д. в составе 39-й армии к концу весны 1943 г. с боями подошла к оборонительной полосе противника в районе г. Смоленска. Участвуя в наступательной Смоленской операции в августе-сентябре 1943 года, 185-я стрелковая дивизия в результате тяжёлых боёв прорвала оборонительные рубежи противника на реке Царевичи в районе населённого пункта Панкратово на Духовщинском направлении. За образцовое выполнение задания командования 19 сентября 185-й с.д. было присвоено первое почётное наименование «Панкратовской».

В дальнейшем, в конце сентября 1943 г., дивизия была выведена из состава 39-й армии и после передислокации в район юго-западнее г. Великие Луки вела боевые действия в наступательной Невельской операции 3-й ударной армии, а после освобождения г. Невель участвовала в боях западнее г. Невеля в октябре и ноябре 1943 года. В декабре 1943 года соединение участвовало в Городокской наступательной операции в составе 11-й гвардейской армии 1-го Прибалтийского фронта. Затем – в боях севернее г. Невеля, в составе 6-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта, а в конце января и первой половине февраля 1944 г. участвовала в боевых действиях в составе 10-й гвардейской армии – в наступательной Новосokolьнической операции 2-го Прибалтийского фронта. По решению Ставки Верховного командования дивизия в середине февраля 1944 г. была отведена в тыл, в район г. Калинина, в 21-ю армию, на переформирование.

В середине марта 1944 г. 185-я с.д. была передислоцирована под г. Ковель и в составе 47-й армии 2-го Белорусского фронта, а затем 1-го Белорусского [фронта] вела наступательные операции вплоть до освобождения Ковеля.

19 июля 1944 года 185-я с.д. в составе 47-й армии перешла государственную границу с Польшей в районе Любомль – Владова и до сентября 1944 г. участвовала в освобождении Восточной Польши. 14 сентября 1944 г. дивизия совместно с другими соединениями и частями 47-й армии участвовала в штурме и овладении восточным предместьем Варшавы и Прагой, за что

приказом Верховного Главнокомандующего ей было присвоено второе почётное наименование «Пражской».

В январе-марте 1945 года в ходе Висло-Одерской наступательной операции дивизия участвовала в освобождении Варшавы в составе 47-й армии, городов Сохачёва, Скериевице и Лович, а также города Шнайдемюль. Дивизия участвовала в боевых действиях при прорыве обороны немцев восточнее города Штаргард с выходом на побережье Балтийского моря в районе города Кольберг.

Свои боевые действия дивизия закончила в Берлинской операции, с выходом на реку Эльбу западнее г. Бранденбург в составе 47-й армии 1-го Белорусского фронта. За выход на рубежи реки Одер дивизия была награждена орденом Суворова II степени.

За доблесть и мужество многие воины соединения были награждены орденами и медалями, а командир дивизии, генерал-майор М.М. Музыкин удостоен звания Героя Советского Союза.

Дивизией командовали:

генерал-майор М.Т. Романов (сентябрь 1939 г. – декабрь 1940 г.),

генерал-майор И.Л. Рудчук (январь – август 1941 г.),

подполковник К.Н. Виндушев (сентябрь – декабрь 1941 г.),

подполковник С.Г. Поплавский (январь – февраль 1942 г.),

генерал-майор С.Г. Горячев (март – апрель 1942 г.),

полковник (генерал-майор) М.Ф. Андриющенко (май 1942 г. – ноябрь 1943 г.),

полковник Алексеев (декабрь 1943 г. – февраль 1944 г.),

полковник С.И. Аксёнов (март – июнь 1944 г.),

полковник А.В. Глушко (июль – август 1944 г.),

полковник Н.В. Смирнов (август – август 1944 г.),

полковник З.С. Шехтман (август – октябрь 1944 г.),

полковник (генерал-майор) М.М. Музыкин (ноябрь 1944 г. – май 1945 г.).

Печатается по машинописному тексту с рукописной правкой и оригинальными подписями авторов текста. Оригинал находится в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург)

186-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ
(справка составлена советом ветеранов
186-й стрелковой дивизии)

186-я стрелковая дивизия была сформирована в 1939 году в г. Уфе. По месту формирования её называли уфимской дивизией.

Вероломное нападение фашистской Германии на СССР дивизия встретила на северо-западной границе Белоруссии, откуда с боями отходила в район Валдайской возвышенности на Калининский фронт. Сражаясь с численно превосходящими силами противника, неоднократно попадая в окружение, дивизия понесла тяжёлые потери, но сохранила боевые знамёна и волю к борьбе и победе. Особенно жаркими были бои на Западной Двине, в районе городов Улла – Ушачи Витебской области, Невель, Великие Луки, Белый, Нелидово, Молодой Туд, Оленино, Ржев, где были истреблены отборные подразделения гитлеровцев.

Противник был вынужден перейти к обороне. Но дивизия в составе 22-й (командующий Юшкевич В.А.) и 39-й армий продолжала активные боевые действия, не давая врагу покоя ни днём, ни ночью; на широком фронте часто атаковала сама и отбивала контратаки противника, вела разведку боем и улучшала свои позиции.

В марте 1943 года, после отлично выполненной операции по прорыву обороны противника в направлении Оленино – Ржев, дивизия по приказу Ставки Верховного Главнокомандования была переброшена в район Плавск, Синявино Тульской области, где она вошла в состав 25-го стрелкового корпуса Брянского фронта. Пополнив личный состав и вооружение, дивизия после усиленной подготовки вновь начала активные боевые действия. Заняв исходное положение в районе Мценска, она

перешла в наступление на Орловском направлении. 5 августа 1943 года г. Орёл был освобождён от немецко-фашистских оккупантов. За мужество и героизм, проявленные в боях за Орёл, дивизия была награждена орденом Красного Знамени.

Развивая стремительное наступление в Брянских лесах в составе 51-й и 3-й армий, дивизия захватила город Дятьково и в районе Хотимска вступила на территорию Белоруссии, освободила города Костюковичи, Пропойск (ныне Славгород), Быхов, преодолев при этом такие мощные преграды, как реки Проня, Сож, Днепр.

Захватив плацдарм на западном берегу Днепра, дивизия заняла оборону и начала подготовку к решающим боям за полное освобождение советской земли от ненавистного врага.

24 июня 1944 года дивизия, входящая в состав 3-й армии 1-го Белорусского фронта (командующий армией – генерал А.В. Горбатов), перешла в наступление. Ветеранам дивизии хорошо памятли тяжёлые бои при форсировании реки Друть и в глубине обороны противника, в районе деревень Чечевичи, Озераны, Стайки. Прорвав глубоко эшелонированную оборону противника, дивизия участвовала в окружении Бобруйской группировки, затем двигалась в направлении Осиповичи, Слуцк. Совершив стремительный бросок и сломив сопротивление противника, 3 июля 1944 года она вступила в столицу советской Белоруссии – город Минск. Дальше её боевой путь проходил через Дзержинск, Барановичи, Ружаны, Пружаны и многие другие населённые пункты Белоруссии.

28 июля 1944 года дивизия в составе 28-й армии (командующий – генерал А.А. Лучинский) овладела городом Брест. За это она была награждена орденом Кутузова, и ей было присвоено почётное наименование Брестской. После Бреста дивизия в составе 65-й армии генерала П.И. Батова форсировала Буг и с тяжёлыми боями успешно продвигалась по территории Польши.

В начале сентября 1944 года дивизия с ходу форсировала реку Нарев, захватила плацдарм и закрепились северо-восточнее города Сероцк.

4 октября противник, сосредоточив крупные силы, предпринял отчаянную попытку ликвидировать плацдарм. Завязалось яростное сопротивление, одно из наиболее жестоких за всю войну (для нашей дивизии). Кровавопролитные бои не прекращались ни днём, ни ночью. Не утихая, бушевал огненный смерч, в мелкие щепки превратился лес, пылала сама земля, многократно перепаханная взрывами снарядов и мин. Но люди выстояли. Отбив множество атак танков и пехоты противника, наши воины сумели удержать, а затем расширить плацдарм, захватить город Сероцк и вплотную подойти к Варшаве.

14 января 1945 года, принимая участие во всеобщем наступлении на 2-м Белорусском фронте, дивизия прорвала оборону противника, освобождала город Варшаву, с боями двигалась в направлении города Данциг. Перед Данцигом воины дивизии были десантированы на танки 1-го Донского танкового корпуса генерала Панова и приняли участие в штурме городов Данциг и Гдыня.

В начале апреля 1945 года вся 65-я армия, в том числе и наша дивизия, форсированным комбинированным маршем двинулась к реке Одер и сосредоточилась на её восточном берегу в районе г. Штеттин.

После короткой подготовки началась заключительная битва Великой Отечественной войны – Берлинская операция. В ночь на 17 апреля основные силы дивизии, действовавшей в первом эшелоне армии, начали форсирование реки Одер. За три дня в очень тяжёлых упорных боях воины дивизии преодолели 4-х километровую водную преграду, а затем прорвали мощные береговые укрепления и разбили противника. 25 апреля пал город Штеттин, было взято в плен много немцев и власовцев. Продолжая быстрыми темпами наступление, громя противника и захватывая пленных, дивизия вышла к городам Штеттин, Барт, Росток, острову Рюген.

За умелые, отличные боевые действия на завершающем этапе войны дивизия была награждена орденом Суворова, а все её части – орденами Кутузова, Александра Невского, Отечественной войны, Красной Звезды.

Первым командиром дивизии был Николай Иванович Бирюков. Он формировал дивизию и командовал ею в первые месяцы войны. В августе 1941 года он выбыл по ранению. После выздоровления он командовал другими соединениями и был удостоен звания Героя Советского Союза. <...>

В числе первых командиров дивизии был генерал-майор Алексей Иванович Зыгин. Позднее он командовал 39-й армией и погиб под Полтавой.

В августе 1942 года командование дивизией принял генерал-майор Виктор Казимирович Урбанович. В июле 1943 года он был назначен командиром 43-го стрелкового корпуса.

В июле 1943 года командиром дивизии был назначен полковник Григорий Васильевич Ревуненков. За взятие города Бреста ему было присвоено звание генерал-майора. <...>

С сентября 1944 года по февраль 1946 года дивизией командовал полковник Семён Семёнович Величко. После войны он окончил Академию Генерального штаба. <...>

С декабря 1941 года бессменным начальником политотдела, комиссаром, затем заместителем командира дивизии по политической части был полковник Кудрявцев Пётр Григорьевич. Армейский политработник ленинской школы, он поистине был душой дивизии, пользовался безграничным доверием и любовью солдат и офицеров. <...>

В дивизии выросла замечательная плеяда командиров полков. Среди них командир 298-го стрелкового полка, подполковник Гапко И.С., очень умный и храбрый офицер, отличный боевой организатор. Погиб он на Наревском плацдарме от прямого попадания мины. Вместо него был назначен начальник штаба майор Лесик Иван Андреевич, тоже талантливый и боевой командир. За мужество и героизм, проявленные при форсировании реки Одер, ему было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны И.А. Лесик окончил Военную академию. [Имел звание генерал-лейтенанта.] <...>

Отличными качествами боевого офицера обладал командир 290-го стрелкового полка полковник Пётр Тимофеевич Зубков.

Он отличался хладнокровием и выдержкой в самых трудных обстоятельствах. Полк под его командованием выделялся стойкостью в обороне, упорством и стремительностью в наступлении. Достойным преемником полковника Зубкова оказался подполковник Ерлин Сергей Николаевич, энергичный, волевой, принципиальный офицер. Прекрасно проявил себя заместитель командира 290-го стрелкового полка по политической части майор Василий Андреевич Жуков, храбрый воин, большой души человек. <...>

Командиры 238-го стрелкового полка часто менялись: погибали, выходили из строя. В Польше полк принял и командовал им до конца войны подполковник Гусейнов, боевой и храбрый командир.

Сила и слава дивизии была в её доблестных воинах, командирах и политработниках. В дивизии хорошо знали Героя Советского Союза сержанта 290 стрелкового полка Сидорова Дмитрия Павловича, разведчиков Леонида Дмитриевича Маркина, Ивана Фуфаева, командира роты Голубева Владимира Дмитриевича, командира истребительного противотанкового дивизиона Будакова Н.С., начальника штаба 238 стрелкового полка генерал-майора Николаева О.П., командующего артиллерией дивизии полковника Попенко И.М., командиров артиллерийского полка майоров Даниловича, Персианова, подполковника Краснова, командиров стрелковых батальонов Будько, Крупнова, Савицкого, Пахомова, Платова П.И., Читадзе А.С., командиров дивизионов и батарей майоров Мартыновича, Беспалова, Петрова И.П., Иванова П.И., командира миномётного взвода капитана Кавалерчика Константина Матвеевича, политработников – гвардии подполковника Чурсанова Николая Сергеевича, капитана Коверникова Алексея Сильвестровича; майора Ширяева Сергея Николаевича, парторга стрелкового батальона старшего лейтенанта Черкасова М.А., комсорга полка Балакина Михаила Ивановича, медицинских работников: майора медицинской службы врача-хирурга медсанбата Балануцу Веру Михайловну, санинструктора Читадзе Александру Ивановну и многих других славных воинов, удостоенных

высоких правительственных наград за ратные подвиги на фронтах Великой Отечественной войны.

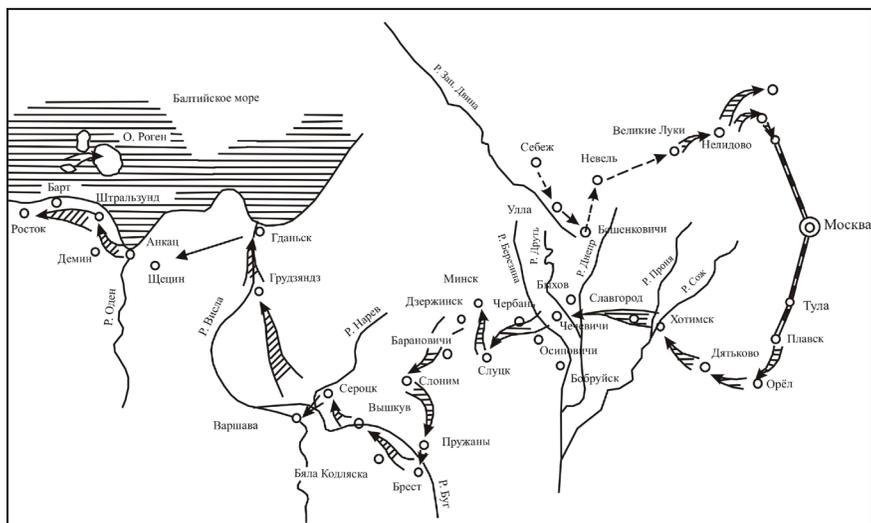
Долг ветеранов-фронтовиков – в подробностях восстановить боевой путь родной дивизии, её частей и подразделений, рассказать о славных делах воинов-однополчан в годы войны и в мирные дни строительства развитого социализма в нашей стране, воздать должное светлой памяти и славе павших героев Великой Отечественной войны.

1988 г.

К документу прилагается список 198 ветеранов-однополчан 186-й с.д., сведения о которых были известны на момент составления документа.

К тексту приложена Схема боевого пути дивизии, но комментариев к ней нет (см. ниже)

Текст публикуется на основе машинописного оригинала, хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург)



Боевой путь 186 с.д.

**БОЕВОЙ ПУТЬ
МЕДИКО-САНИТАРНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ВОЙСК 22-й АРМИИ В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-1945 гг.**

А.Д. Михайлищев

Много написано о боевых подвигах советских людей, частей и соединений Красной Армии в годы Великой Отечественной войны с германским фашизмом. Немало написано и о людях в белых халатах, медицинских работниках, которые, не щадя здоровья и своей жизни, в боевых условиях спасали раненых бойцов, командиров от неминуемой смерти и возвращали им здоровье. Но почему-то не нашло в печати отражение боевой службы работников медико-санитарного обеспечения действующих фронтовых частей Красной Армии.

В рядах медицинских работников находилась огромная армия фармацевтов, интендантов по материально-техническому обеспечению медицинских учреждений, медсанбатов, госпиталей, санитарных летучек, эвакогоспиталей полков, дивизий, батальонов и т.д. Эта огромная армия медицинских работников, как и другие воинские подразделения, несла нелёгкую службу. Эти люди, тоже в белых халатах, наравне со всем медицинским персоналом принимали самое активное и непосредственное участие в спасении раненых, не щадя своей жизни, и нередко вместе с боевыми подразделениями шли в бой с врагом на смерть.

Без их активного участия немыслима была работа по оказанию медицинской помощи как на переднем крае боевых действий, так и в тыловых медико-санитарных учреждениях. Там, где шли бои, там, где огонь, там, где разрушения и смерть, там всегда с боевыми подразделениями находились работники

медико-санитарного обеспечения. Только через службу медико-санитарного обеспечения шло непрерывное снабжение боевых частей, воинских соединений, как больших, так и малых, всеми видами довольствия: медицинским имуществом, медикаментами, перевязочным материалом, хирургическим инструментом, спецприборами медицинского характера, сыворотками, консервированной кровью, дезосредствами, средствами химической защиты, палатками, носилками, утеплением одежды для перевозки раненых зимой и т.д. Всё это было в арсенале медико-санитарного обеспечения.

Мне, прошедшему по фронтовым дорогам путь с первого до последнего дня войны в составе Полевого армейского санитарного склада (ПАСС. – *Сост.*) № 1617 22-й армии, хочется вспомнить военно-снабжениескую службу. Полевой армейский санитарный склад № 1617 был сформирован в городе Свердловске на базе Окружного военного склада № 375 Уральского военного округа. Его формирование началось ещё задолго до внезапного нападения фашистской Германии на нашу страну и шло по директивам и под руководством санитарного управления округа, возглавляемого в то время полковником медицинской службы товарищем Лазаревым. Он же в первые дни войны возглавлял руководство санитарным управлением действующей 22-й армии на фронте, укомплектовывая по нормам военного времени медицинским имуществом полевой санитарный склад № 1617 и воинские части, входящие в состав Уральского военного округа.

Управление округа особое внимание уделяло подготовке кадров-фармацевтов для пополнения воинских подразделений, а также Полевого армейского санитарного склада № 1617. Для этого при объекте № 375 г. Свердловска проходила практику и военную подготовку группа курсантов. Вся группа в июле 1941 года ушла на фронт. Где они теперь, остались ли живы?

Формирование Полевого санитарного склада № 1617 для 22-й армии было закончено в первых числах июня 1941 года, и в июле он, в составе нескольких десятков железнодорожных

вагонов с санитарным имуществом и другими видами довольствия и медикаментами, укомплектованный офицерским и солдатским составами, выбыл на фронт, к западной границе. В то время санитарный склад возглавлял майор медицинской службы тов. Дехтярь М.А., а после его убийства из части по болезни руководство было возложено на капитана медицинской службы тов. Ромашина Н.И., делового, энергичного, грамотного офицера.

Личный состав полевого армейского санитарного склада состоял <...> [из] 30 человек офицерского и рядового состава и 4 автомашин. Но ещё раньше, по решению санитарного управления УралВО, на базе этого же санитарного склада, было сформировано подвижное отделение, которое было укомплектовано офицерами медслужбы в составе: Ральников В.С., Михайлищев А.Д., Карзухин, Журавлёва К.И., Кисин, Баталов С. и группой рядового состава, и также укомплектовано по нормам военного времени медико-санитарным имуществом, комплектами, наборами для пополнения и обеспечения медчастей войсковых соединений. Это составляло несколько железнодорожных вагонов. 20 июня 1941 года это отделение выбыло из Свердловска в западном направлении и 25 июня, когда шёл 3-й день войны, прибыло в район города Невеля, где действовала 22-я армия, сдерживая наседающего врага, и влилось в состав санитарного управления этой армии. В это время санитарное управление 22-й армии дислоцировалось в городе Невеле и возглавлялось полковником медслужбы тов. Бухман, отдел медико-санитарной службы возглавлялся полковником медслужбы тов. Липкинд и его заместителем – майором Ландовских Г.Ф. В те дни 22-я армия и её подразделения вели тяжёлые бои с превосходящими силами противника и отходили на восток. Вскоре оставили город Невель, и подвижному отделению пришлось срочно передислоцироваться в район города Великие Луки. Но и в этом районе подвижное отделение базировалось короткое время, враг наседавал, бои шли за город. Отделению пришлось переехать в район города Торопец, куда к этому времени прибыла основная база медико-санитарного обеспечения 22-й армии – полевой

армейский санитарный склад № 1617. В эти дни подвижное отделение понесло тяжёлую утрату. Погибли при выполнении боевого задания по обеспечению медимуществом воинских частей офицеры медслужбы Карзухин и Кисин. Они были направлены в город Великие Луки, когда город был во вражеском кольце и в нём шли уличные бои, с заданием прорваться в город и вывезти оттуда находящееся там медимущество (медицинское имущество. – *Сост.*). Прорваться в город удалось, но обратно ни они, ни автомашины и сопровождающие их бойцы не вернулись. По словам очевидцев, все они погибли, принимая непосредственное участие в уличных боях.

Подвижное отделение понесло не только эту потерю в офицерском составе. Зимой 1941 года при выполнении боевого задания по обеспечению медимуществом боевых воинских подразделений погиб офицер медслужбы Баталов С.

Прибывшему на станцию Торопец главному санитарному складу № 1617 в составе 30 железнодорожных вагонов с медимуществом разгрузиться не удалось, так как противник приближался к городу, и эшелон при обстреле и бомбёжке был отправлен в район станции Пено.

В связи с тем что армейский санитарный склад являлся очень громоздким, малоподвижным, он отставал от передовых воинских частей.

Санитарное управление 22-й армии пошло по линии создания и углубления существующего санитарного отделения «летучка», [обеспечило его] более мобильным автотранспортом, укрепило офицерским и солдатским составом: Михайлищев А.Д. – начальник, офицеры Сабурова Т.М., Журавлёва К.И., Сорокина Тася, что создало ему большую оперативность по обеспечению воинских подразделений, вплоть до батальонов и взводов. Пополнение подвижного отделения медимуществом производилось как с армейского санитарного склада, так и с фронтовых складов, и с центрального склада г. Москвы.

Огромная работа проделывалась санитарным отделом армии по обеспечению головного склада № 1617 и подвижного

отделения медимуществом с далёких медицинских складов, а также непосредственно с фабрик, как по линии санитарного управления Красной Армии, так и гражданских учреждений. Нередко в прифронтовой полосе руководство ПАСС № 1617 организовывало и налаживало производство самого необходимого и нужного санитарного имущества прямо на месте, мобилизуя местные ресурсы фабрик, различных мастерских. [Например], таких изделий, как стёганные одеяла, тёплые конверты, тёплые тапочки, халаты, перевязочные средства. Тёплые изделия были очень нужны при транспортировке раненых в зимнее, холодное время в тыловые госпитали.

Несмотря на большие потери медицинского имущества при транспортировке и на местах, особенно железнодорожным транспортом, когда при бомбёжке сгорали целые вагоны, и немалые потери в госпиталях, медсанбатах, боевых подразделениях, фронт, благодаря труженикам тыла, всегда был обеспечен всеми средствами медимущества: перевязочными средствами, медикаментами, хирургическим инструментом, дезосредствами, сыворотками, кровью и т.д.

Надо отметить огромную заслугу, талант, великолепные знания, распорядительность, безукоризненное знание своего дела работников санитарного отдела 22-й армии, таких кадровых офицеров, как начальник отдела, полковник медслужбы тов. Липкинд, подполковник медслужбы тов. Ландовских Г.Ф., лейтенант медслужбы тов. Заостровская и других товарищей санитарного отдела.

Бывали в обеспечении медимуществом и трудные, чёрные дни. Особенно осложнилось обеспечение зимой 1941–1942 годов, когда немцы захватили город Калинин, город Клин и были на подступах к Москве.

Шоссейные дороги были под контролем немцев. Основной поставщик, склад НКО № 320, находился в Москве, но не было возможности туда попасть. Произошла серьёзная заминка. Медсанбаты, госпитали дивизии требовали непрерывного пополнения, а запасы иссякали, пополнить их было нечем. Этот период

был труден не только для нас. Требовались фронту боеприпасы, горючее, продовольствие и т. д. Руководство Калининского фронта при огромном усилии в короткие сроки пробило зимнюю дорогу. По лесам, болотам были уложены сотни километров деревянного настила дорог в обход, северным путём на Москву, и мы смогли направить автотранспорт от линии обороны, района Селижарово через Вышний Волочок, Кашино, Бежеск, на город Углич и Ярославль, а потом – в Москву.

На своём пути пересекали реку Волгу, [шли] через плотину реки Углич. По указанию санитарного склада армии была создана постоянная автоколонна в составе пяти автомашин ЗИС-5, оборудованных для перевозки медсанимущества.

Водителями были опытные шофёры, в основном москвичи: сержанты Волков, Андриянов, Амитон.

Конечно, такой окольный путь был не из лёгких. Вспоминаю случай. На переправе через реку Волгу в городе Углич фашистские самолёты систематически подвергали бомбардировке плотину и одновременно колонны скопившихся автомашин, ждущих в очереди переправы через гребень плотины, где мы потеряли автомашину вместе с водителем.

В Москву обычно приходили машины рано утром, так как в ночное время почти невозможно было пробиться к санитарному складу НКО № 320. Улицы были перекрыты, на каждом повороте – контроль, дороги были завалены глыбами бетона, рогатками, так что и опытные водители запутывались в этом лабиринте. Центральный медицинский склад № 320 работал исключительно чётко. Не было никаких заминок, обеспечивали нас без задержек. Тут же на складах были представители Главного санитарного управления, и все вопросы, как говорится, улаживались на месте. Была одна кровная забота: «Всё для фронта». Как головной санитарный склад, так и подвижное отделение, располагали достаточным количеством такого ёмкого и очень необходимого имущества, как тёплые одеяла, спальные мешки, обогревающие химвакуеты. Немалую долю занимало имущество дезосредств (дезинфицирующих средств. – *Сост.*),

моющих средств. Эта группа медпрепаратов была особенно дорога для борьбы с насекомыми. Можно сказать, что, несмотря на тяжёлые условия фронтовой жизни, наша армия не знала инфекционных заболеваний или завшивленности. В этом деле у нас был полный порядок. За бесперебойное обеспечение этими средствами нёс ответственность кадровый офицер, капитан адм-службы Симонов Н.Н., удивительный человек, большой пробивной силы, неутомимой энергии, несколько раз раненный и всегда в строю. Он же являлся бессменным секретарём партийного бюро нашей парторганизации ПАСС № 1617. Он всегда из самой сложной ситуации выходил с победой. Выбывая в тыловые города по обеспечению медимуществом, «пустым» не приезжал. Что и говорить, был настоящий боевой солдат. Отделение оправдало своё название «подвижного». Его передислокация производилась быстро, без промедления, в зависимости от оперативной обстановки на участках армии в полосе огня и вблизи противника.

Подчинение отделения в более стабильное время шло по двум каналам: через санитарное управление и через головной санитарный склад. Выдавались снаряды на обеспечение воинских частей, как вновь прибывших на рубежи 22-й армии или приданных воинских частей, так и постоянных.

Но всегда так получалось, что когда требовалось срочное пополнение медимуществом разбитых противником медицинских пунктов, то всякое пополнение решалось оперативно, прямо и непосредственно отделением «летучки». Обычно отделение дислоцировалось в непосредственной близости от передней линии обороны, в 4–5 километрах, что позволяло быстро обеспечивать медико-санитарным имуществом медсанбаты, полевые госпитали и другие санитарные объекты вблизи переднего края.

Санитарное управление армии уделяло особое внимание подвижному отделению – «санлетучке». Зная от оперативного отдела об активности воинских подразделений в борьбе с врагом, где, конечно, не обходилось без потерь личного состава, санитарный отдел армии предупреждал нас об особой ответственности

в обеспечении всем необходимым боевых подразделений, систематически пополнял личным составом, комплектовал резервное имущество, перевязочную и медикаментозную группу, вакцины, кровь, придавал дополнительно автотранспорт. Полнокровное медобеспечение давало немалую возможность медицинским работникам (врачам, хирургам, сёстрам и санитарам) сводить до минимума потери от ранений бойцов, офицеров. Мы, можно сказать, не знали слова «нет». Работа отделения проходила в сложных и опасных для жизни условиях, часто под артиллерийским и миномётным огнём и бомбовыми ударами с воздуха, под автоматным огнём противника. Но личный состав отделения всегда проявлял высокую воинскую дисциплину, боевой дух, быстроту оперативности, зачастую подвергаясь смертельной опасности. Личный состав подвижного отделения отдавал все силы на своевременное и бесперебойное обеспечение медчастей всевозможным потребным имуществом.

Вот некоторые примеры. В районе города Великие Луки отделение разместилось со своим личным составом и медимуществом в подвале церкви и тут же, рядом, находился медсанбат стрелковой дивизии. Подвал имел большую площадь с рядом отсеков. Метровой толщины стены служили надёжным щитом. Тут же, рядом с нами, находился пункт раненых. С обратной стороны церкви стояли артиллеристы противника со своими пушками, а впереди, в двух с половиной – трёх километрах от нас проходила линия обороны. В течение нескольких часов, дней и ночей противник наносил бомбовые удары, артиллерия довершала это дело. Церковь была почти разрушена. Наши входные отверстия несколько раз заваливало кирпичом, камнем. Не обходилось и без пожаров. В таких условиях при скудном свете (гильза, заправленная соляркой) шла кропотливая круглосуточная служба личного состава. Нередко «санлетучки» развёртывали свою работу в палатках в лесу, в разрушенных зданиях и т.д. В таких, а зачастую в более сложных и опасных условиях проходила служба медперсонала непосредственно в боевых подразделениях полков, батальонов по оказанию медицинской помощи

и хирургической работе: в палатках, разбитых зданиях, а то и просто – на площадках в лесу зимой и летом. Противник не «видел», что на этих объектах был Красный Крест. По ним наносились разрушительные удары сверху и с земли, сметая всё на своём пути: палатки, помещения, имущество, выводя из строя медперсонал. Работникам медснабжения приходилось снова восстанавливать эти опорные пункты. Конечно, эта работа проходила во взаимном содружестве с работниками медснабжения полков, медсанбатов, госпиталей.

Нелёгкая служба в первую очередь лежала на плечах коллектива отделения «санлетучки» и головного санитарного склада № 1617. Требовалось в срочном порядке укомплектовать всеми материалами, хирургическим инструментом, медикаментозной группой и т.д. и без промедления доставить туда, где с нетерпением ждут. Жизнь отделения, его коллектива была круглые сутки наполнена непрерывными заботами и боевой работой.

Днём и ночью приезжали или приходили пешком начальники медснабжения из дивизий, полков, медсанбатов, госпиталей за получением медимущества.

Раненые беспрерывно поступали с переднего края в медсанбаты, госпитали, пункты эвакуаций автотранспортом, пешие, на лошадях и т.д. Везде требовались медикаменты, перевязочные средства, кровь, спирты, дезосредства.

Как головной санитарный склад, так и отделения «крутились», беспрерывно пополняя передовые части. Особенно нелегко было в Калининских лесах и болотах, где только на плечах и пешком можно было проникнуть к пунктам назначения. Самоотверженная служба бойцов, таких как сержант Храпаненко В., Острецов Д., Виноходов Д., Зотов В.Ф., офицеры медслужбы Сабурова Т.М., Журавлёва К.И., Сорокина Тася и другие, обеспечивала непрерывность поступления медимущества в боевые порядки. Особо хочется отметить самоотверженную службу старшего лейтенанта медслужбы Сабуровой Т.М., кадрового офицера-фармацевта, участника войны с японскими самураями на Халхин-Голе. Выполняя основную нелёгкую службу, при любых условиях,

днём и ночью она формировала срочные заказы медимущества для пополнения полевых госпиталей, воинских подразделений переднего края. Всегда была жизнерадостна, не унывала, песня всегда была на устах. Она отдавала всё, что было в её душе. Можно смело сказать, что ни один врач, хирург, медсестра не могут сказать по ней ничего, кроме благодарности.

По заданию санитарного управления нашей армии надо было доставить в госпиталь, отрезанный противником в районе Новосокольники, и медсанбат необходимое имущество. Имеющийся запас лечебных средств был полностью израсходован. Для перевязки раненых были пущены в ход простыни, халаты, нательное бельё. Не было дезосредств, сыворотки, концентрированной крови, средств для наркоза и т.д. Надо было срочно доставить всё необходимое. Задание по доставке было возложено на офицеров Михайлищева А.Д. и Ральникова В.С., водителя автомашины Андриянова и двух бойцов. Несмотря на то что дороги были перекрыты врагом и проехать по ним было невозможно ни днём, ни ночью, всё же с помощью местного жителя через болото и лес группе удалось пробиться в осаждённый гарнизон и доставить бесценный груз, а обратно – захватить раненых бойцов. Или вот ещё пример самоотверженной воинской службы работников санитарного обеспечения. Передовые воинские части сдерживалиседающего врага, шли бои на западной части Невеля. Подвижное отделение срочно эвакуировало санимущество автотранспортом в тыл, но в подвалах здания школы ещё осталось несколько контейнеров концентрированной крови и плазмы, доставленных санитарным самолётом несколько часов назад. Кровь – это очень дорогой груз. Оставить её было бы преступлением перед теми, кто её дал. Но группа бойцов, сержант Острецов, Храпаненко и водитель Андриянов во главе с офицером Михайлищевым сумели вытащить контейнеры из подвала, погрузить на автомашину и уехать в безопасное место. Горели здания, рвались снаряды, но когда мы доехали до железнодорожной станции, случилась беда: был пробит бензобак машины, машина встала. Требовалось время, [чтобы] заделать пробоины

и заправить машину. А немцы рядом, за полотном железной дороги. Правда, на нашей стороне, в обочине были бойцы и вели огонь по противнику. Но наши бойцы не дрогнули. Вместе с боевым подразделением заняли оборону и, как только была исправлена автомашина, смогли оторваться и благополучно двинуться в путь.

С отходом наших войск на восток под давлением противника приходилось менять место дислокации головному санитарному складу. После района станции Пено склад базировался в городе Кувшиново, а в октябре 1941 года был переброшен в город Торжок Калининской области. Здесь его постигла непоправимая трагедия. Немцы подвергли город жесточайшей бомбардировке, сбрасывая с самолётов фугасно-зажигательные бомбы. Склад сгорел почти полностью. Были потери и в личном составе.

Для переформирования, укомплектования медицинским имуществом склад был переведён в Вышний Волочок, который явился для него самой восточной точкой дислокации. Дальнейший путь склада шёл на запад вслед за наступающими войсками Калининского, Первого Прибалтийского и Второго Прибалтийского фронтов, в состав которых входила 22-я армия. Для переброски при дислокациях весьма ёмкого имущества (до 20–25 ж.д. вагонов) требовались перевязочные транспортные средства, использовался железнодорожный транспорт, но в значительной степени использовался и автотранспорт как головного склада, так и отделения санлетучки. Сформированный при 22-й армии автотранспортный санбатальон, укомплектованный офицерским водительским составом, техникой, состоял в основном из уральцев. Он выполнял все транспортные работы по обеспечению и переброске санитарного имущества наших складов, госпиталей, эвакуации раненых с передовой в тыл. А на обратном пути транспортировал продукты питания, боеприпасы и т.д.

Автосанбатальону приходилось выполнять службу в опасных боевых условиях, часто под огнём противника, имея немало

потерь как в технике, так и в личном составе. В любых погодных условиях, в грязь, в дождь, в холод, в бездорожье, всегда самоотверженно, быстро и чётко была организована боевая служба. Автотранспортный батальон возглавлял энергичный, грамотный командир, капитан Колегов А.А., а комиссаром в батальоне был Ткаченко Я.Т., которому впоследствии за его боевые заслуги и личную храбрость при взятии гитлеровского офицера было присвоено звание Героя Советского Союза.

В конце 1942 года линия фронта на участке 22-й армии относительно стабилизировалась, вследствие чего места дислокации как подвижного отделения, так и головного склада, были более долговременными. Лишь в январе 1943 года подвижное отделение было переброшено в деревню Драньково Калининской области. Начиная с весны 1943 года, с продвижением нашей армии на запад, отделение на месте не задерживалось, двигаясь следом за передовыми воинскими частями. В марте 1943 года [оно] переехало в район Торопца, а в июне – в деревню Краснополье. В октябре 1943 года [отделение переместилось] в город Великие Луки, где задержалось до марта 1944 года, а с началом наступления наших войск на запад отделение буквально, как говорится – «на колёсах», обеспечивало воинские подразделения, госпитали, медсанбаты. Вот пункты некоторых остановок: станция Локня, Васильево, город Невель, село Россан. В июле 1944 года мы пересекли границу Литовской ССР и разместились на хуторе Аболи. В августе передвижное отделение передвигалось на территории Латвийской ССР, [в районе] города Прейли. При дислокации в район города Крустпилс в июле, при налёте вражеской авиации, потеряли славную девушку – лейтенанта медслужбы Соловьёву Катю, ещё не повидавшую жизни. Наши потери составили 50% личного состава.

Крустпилс, станция Кукас, город Митава – вот последние наши места в пределах советской земли. При наступлении наших войск и бегстве немцев они немало бросали госпиталей различного профиля госпитализации с ранеными, медимуществом, и мы имели возможность вместе с работниками санотдела армии

разобраться [во всем]. Нас интересовала прежде всего их обеспеченность медимуществом. Но сразу бросалась в глаза их бедная и низкая санитарная культура, хотя, как правило, они занимали хорошие помещения, а наши части часто использовали только палатки и разрушенные здания. Немцы при отступлении почти всё уничтожали и сжигали свои госпитали. Они почти не были обеспечены хорошими перевязочными средствами, бинтами, салфетками и даже другими средствами, изготовленными из эрзац-бумаги, правда, крепкой на разрыв. Госпитали были скудно обеспечены дезосредствами, санитарное имущество имело неприглядный вид, а о чистоте его и говорить нечего. Сравнительно на высоком уровне была обеспеченность хирургическими инструментами (фирма «Гаупнер») и всевозможными сыворотками японских фирм. Обычно нами мало использовалась их медгруппа, тем более перевязочные средства. Что было пригодное, направлялось в тыл для проверки. Но судя по обеспеченности медимуществом и [сведениям] очевидцев, на такие потери немцы не рассчитывали, и медико-санитарной службе не придавалось особого значения.

В марте 1945 года личный состав медобеспечения 22-й армии с медимуществом был переброшен в Румынию, где отделение «санлечучки» разместилось в центральном складе г. Бухареста, а головной санитарный склад № 1617 – в селе Фокотешти, в 40 км от Бухареста. В Бухаресте в центральном складе мы что-либо использовать почти не могли, так как склад был пуст. А почти в первые дни резко возросла потребность воинских подразделений, медсанбатов, госпиталей, эвакуогоспиталей особенно в перевязочных средствах. Наши запасы иссякали. Встал вопрос изыскивать возможности на месте. Усилиями санотдела армии пришлось находить что-то в городе. Нашли трикотажную фабрику, но она была мало приспособлена для выработки перевязочных средств, особенно стерильных (бинтов, салфеток), да и фабрика была полуразрушена. За несколько дней с помощью мастеров, рабочих фабрики наладили выпуск не только суровой ткани, но и отбеловку. Худо подавалось дело

по налаживанию стерилизации материала и упаковки. Но и эту задачу решили на одной из фабрик города. Разыскали автоклавы, парафин и другое. Так, благодаря упорной работе, была решена проблема перевязочных средств, и санэкспертиза выдала паспорт на стерильность перевязочных средств. Здесь требуется отметить самоотверженную работу, проявленную инициативу и находчивость старшего лейтенанта Сабуровой Т.М., Сорокиной Т., солдат Зотова В.Ф., Храпаненко, Виноходова и других товарищей, которые приложили немало усилий в налаживании данного производства. А почти одновременно нами была проделана сложная работа по изысканию и доставке медицинского кислорода. Тут тоже пришлось применить метод поисков на месте. Отработали производство на одном бывшем военном заводе, брошенном хозяином, и эту проблему решили.

9 мая 1945 года, в день Победы, наш нелёгкий путь медицинского обеспечения 22-й армии закончился.

1984 г.

Михайлищев Александр Дмитриевич,
бывший участник войны, капитан медслужбы
Подпись

Текст публикуется с машинописного оригинала, хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург)

ОТДЕЛЬНАЯ РОТА МЕДИЦИНСКОГО УСИЛЕНИЯ 22-й АРМИИ (ОРМУ 22)

В.А. Косякова, Н.М. Мажара

Великая Отечественная война советского народа против фашистского нашествия явилась самым тяжёлым испытанием для нашей Родины.

22 июня 1941 года стало для нашей страны днём, который резко изменил весь уклад нашей жизни, в том числе и медицинских работников.

23 июня 1941 года многие из нас, медработников, получили повестки и явились в военкомат.

Хочется, по возможности, поделиться воспоминаниями о военной службе в отдельной роте медицинского усиления 22-й армии.

Отдельная рота медицинского усиления формировалась в г. Свердловске для оказания медицинской помощи воинам 22-й уральской армии и поэтому именовалась ОРМУ 22. Командиром, формировавшим ОРМУ 22, был военврач 2-го ранга Пентин Андрей Георгиевич.

ОРМУ 22 была сформирована из следующих групп:

хирургические

нейрохирургические

терапевтические

челюстно-лицевые (или стоматологические)

офтальмологическая и отоларингологическая (два специалиста в одной группе)

рентгенологические.

Каждая группа состояла из 2 врачей: начальник группы и врач-специалист. [В неё входили также]:

старшая медицинская сестра,
хирургическая медицинская сестра,
медицинская сестра палатная и санитарка.

Для работы по оказанию помощи раненым каждая группа была обеспечена всем необходимым инструментом, а для постоянной мобильности ей были приданы машины, вначале это были пикапы.

Начальниками групп ОРМУ были специалисты высокой квалификации, имеющие учёную степень, например: Виткин, Яворский, Ивановский Г., Дробышев Г.И. Наряду со специалистами высокой квалификации в ОРМУ влились молодые врачи, не имеющие опыта практической работы, которым пришлось учиться «на ходу», в предельно короткие сроки, как того требовала повседневная работа и жизнь.

С первого дня формирования и до отъезда на фронт со всем составом ОРМУ проводились военные занятия, где отрабатывались вопросы оказания медицинской помощи в военное время.

17 июля 1941 года ОРМУ 22 выехала на фронт воинским эшелонам, а 22 июля 1941 года мы высадились на станции Соболаво Калининской области, разместились в лесу, расставили палатки, вырыли щели. Здесь мы подверглись бомбёжке, но обошлось без жертв.

24 июля 1941 года на машинах части мы выехали в г. Торопец, где приступили к работе по госпиталям. Часть хирургических групп была направлена для работы в медсанбаты (МСБ. – *Сост.*).

Характер работы ОРМУ

Наша отдельная рота медицинского усиления предназначалась для оказания квалифицированной специализированной медицинской помощи медико-санитарным батальонам и госпиталям 1-й линии 22-й уральской армии.

Благодаря тому, что каждая группа ОРМУ была отдельным специализированным отрядом, она могла быстро переброситься

в любое место, где требовалось медицинское усиление в связи с поступлением раненых в медсанбат или в полевой передвижной госпиталь 1-й линии 22-й армии.

Наши группы ОРМУ никогда не работали постоянно в одном госпитале, а направлялись в те госпитали и медсанбаты, где ожидалось поступление раненых в связи с той или иной операцией 22-й армии. Как только поступление раненых уменьшалось, группы перебрасывались на новое место работы.

И так мы были постоянно в работе, так сказать, на «передовом рубеже».

Первые месяцы и годы Великой Отечественной войны наши специализированные группы использовались по своему прямому назначению – оказание специализированной медицинской помощи, а затем принимали активное участие в обработке огнестрельных ран других областей тела.

Сотрудники медсанбатов и госпиталей 1-й линии всегда были рады прибывшему медицинскому усилению. Работа групп ОРМУ очень ценилась командованием медсанбатов и госпиталей, а также санитарным отделом 22-й армии.

С января 1943 года в нашей 22-й уральской армии с помощью групп ОРМУ создаются специализированные госпитали, например, госпиталь «Голова», в целях приближения специализированной помощи воинам и быстрейшего их поступления для оказания медицинской помощи. Для создания специализированного госпиталя «Голова» одному из ППУ (полевых передвижных госпиталей. – *Сост.*) 1-й линии придавались следующие группы ОРМУ:

нейрохирургическая,
окулиста и ЛОР-специалиста,
челюстно-лицевая,
рентгенологическая.

Госпиталь «Голова» оказывал специализированную помощь нашим раненым воинам. Раненые доставлялись к нам в первые часы после ранения, иногда – прямо с поля боя.

В дни наступательных операций приходилось работать днём и ночью, пока идёт поток раненых. Перерывы для отдыха в этот период были кратковременными: иногда тут же, в операционной, удастся посидеть, «не расстерилизовывая своих рук».

Все мы в основном были молодыми, полными сил и всецело отдавались работе – оказанию медицинской помощи нашим раненым воинам.

Хочется отметить интересную деталь.

Оказание помощи челюстно-лицевым раненым в 22-й армии всецело осуществлялось двумя челюстно-лицевыми группами ОРМУ. Все мы были выпускниками Пермского стоматологического института: Портных В.В., Краюшкина З.М., Огаркова В.А., Ощепкова Н.М. Все мы знали друг друга ещё в институте.

Группа челюстно-лицевых раненых была трудной для других специалистов-хирургов, т.к. требовала особого подхода к себе, как в обработке ран лицевой области и шинировании переломов челюстей, так и в уходе за ними со стороны среднего и младшего мед[ицинского] персонала.

Челюстно-лицевые раненые не могли питаться с общего стола, им нужна была пища протёртая, только в жидком виде. Иногда такого раненого приходилось кормить только с помощью шприца через катетер, который вводился через носовой ход.

Медицинские сёстры челюстно-лицевых групп Карпова Н.Н., Абакулова А.А., Коровина Н.Г., Аношкина А.Ф., Ершова А. в совершенстве владели особенностями ухода за челюстно-лицевыми ранеными. С годами совершенствовались и особенности обработки таких раненых. Если в первые месяцы войны на обработку и шинирование сложного челюстно-лицевого раненого врач затрачивал 3-4 часа, то в последующие годы такая обработка проводилась за 1-2 часа.

Так в работе с годами приобретался опыт обработки раненых в этой области.

На одной из научных конференций Калининского фронта было отмечено, что челюстно-лицевые раненые 22-й армии

поступали во фронтовые госпитали обработанными, а главное – шинированными.

Очень часто обработка раненых проводилась при искусственном освещении.

Хорошо, если это была керосиновая лампа, порою пользовались фонарями, фитилями. Нас всегда выручало лобное зеркало ЛОР-специалистов.

Учитывая, что авторами воспоминаний являются стоматологи, мы более подробно остановились на работе челюстно-лицевых групп ОРМУ 22.

Несмотря на большую занятость основной работой по оказанию помощи и лечению раненых воинов, врачи ОРМУ 22-й армии находили время для анализа проделанной работы, выступая на армейских и фронтовых научных конференциях с докладами: т.т. Ивановский Г., Дробышев Г.И., Шагам А.Н., Поль Г.Р., Павлова М.Н., Пономарёва З.А., Огаркова В.А., Шильников С.А., Ощепкова Н.М., Портных В.В., Рохлин Р.Л., Фукс и др.

Наши медицинские сёстры ОРМУ т.т. Воронина Т.Н., Микрюкова Л.И. и др. [выступали] с докладами на армейских конференциях медсестёр.

История Великой Отечественной войны знает множество примеров героизма советских медиков, их беззаветной преданности долгу. Общеизвестны впечатляющие цифры: за годы войны 72,3% раненых и 90,6% больных воинов было возвращено в строй. Такой результат работы военных медиков справедливо приравнивается к выигрышу крупнейших сражений. Медицинские работники ОРМУ 22 также внесли свою лепту в вышеуказанные цифры.

Хочется отметить, что в людях, которые работали в ОРМУ 22, сочеталось огромное желание работать, учиться у старших, ибо наши старшие товарищи охотно передавали свой опыт и знания.

Вся жизнь и работа военнослужащих ОРМУ 22 была подчинена одной цели – оказанию медицинской помощи, лечению и возвращению в строй раненых воинов.

Труд медиков ОРМУ 22 был высоко оценен Родиной. Правительственные награды, ордена и медали – яркое тому доказательство.

Путь ОРМУ 22

Отдельная рота медицинского усиления № 22 прошла боевой путь с 22 июля 1941 года и до окончания войны вместе со своей 22-й армией в составе Калининского, Северо-Западного, 2-го Прибалтийского фронтов.

В апреле месяце 1945 года ОРМУ 22 в составе 22-й армии перебазировалась в Румынию, где мы и встретили 9 мая День Победы.

В конце июля 1945 года наша часть на машинах выехала из Румынии на Родину. Прибыли мы в Одессу, где наша ОРМУ 22 была расформирована.

Некоторые врачи и медицинские сёстры по медицинским показаниям были демобилизованы. Одна часть мед[ицинского] персонала была направлена для работы в Армии на Дальний Восток, другая часть – для продолжения службы в группу оккупационных войск, в Германию. Часть медицинских работников была оставлена для продолжения службы в Одесском военном округе.

Первым командиром, формировавшим ОРМУ 22, был военврач 2-го ранга Пентин Андрей Георгиевич. В 1943 году Пентин А.Г. был направлен Главным хирургом в госпиталь 38-26.

Наше ОРМУ 22 возглавил майор медицинской службы Шагам А.Н., который в августе 1945 года расформировал нашу часть.

Судьбы людские

Прошли годы, десятилетия. Выросли и стали взрослыми дети, рождённые в послевоенное время.

Ветераны Великой Отечественной войны и сейчас считают делом своей жизни, своей честью приносить пользу обществу, дарить радость, щедро отдавать свой опыт, свои знания людям.

Приятно отметить некоторые данные о наших бывших ветеранах.

Старшая медицинская сестра глазной группы *Микрюкова Любовь Ивановна* в послевоенное время окончила Кишинёвский медицинский институт, была оставлена на кафедре глазных болезней, где защитила кандидатскую диссертацию и возглавляла кафедру глазных болезней Кишинёвского медицинского института до ухода на пенсию. [Позднее] Микрюкова Л.И. была Главным консультантом по офтальмологии г. Кишинёва.

Медицинская сестра нейрохирургической группы *Киришевская Ариадна Николаевна* закончила прерванную войной учёбу в Московском университете. Там же была оставлена в аспирантуре, защитила кандидатскую диссертацию, работала преподавателем истории КПСС во 2-м Медицинском стоматологическом институте г. Москвы. <...>

Ощепкова Нина Максимовна (ныне Мажара Н.М.) работала на кафедре терапевтической стоматологии Киргизского медицинского института г. Фрунзе, стала кандидатом медицинских наук. <...>

Врач-невропатолог *Воронина Ольга Сергеевна* стала доктором медицинских наук, профессором.

Шагам А.Н. защитил докторскую диссертацию и возглав[лял] кафедру в Харьковском медицинском институте.

Врачи ОРМУ 22 *Батуева Ольга Васильевна*, *Портных Валентина Васильевна* получили звания «Заслуженный врач РСФСР» <...>.

Врачи *Огаркова В.А.* (ныне Косякова В.А.), *Баранова А.А.* (ныне Мороз А.А.) [имели] квалификацию врача высшей категории.

Устинова С.В. на фронте получила тяжёлое осколочное ранение нижних конечностей, ногу пришлось ампутировать. После демобилизации продолжала работать старшей медицинской сестрой отделения. <...> [проживала в г. Ирбите, где проводила большую военно-патриотическую работу среди молодёжи].

Значок «Отличник здравоохранения», которым отмечен труд многих медиков нашего ОРМУ 22 после войны, лучше всего говорит о беззаветной преданности своему делу.

<...>

Июль 1980 год

Публикуется с машинописного оригинала, переданного Л.Н. Сухотиной в Музей боевой славы Урала (г. Екатеринбург). Текст имеет подлинные подписи В.А. Косяковой (бывшей Огарковой) и Н.М. Мажары (бывшей Ощепковой).



Однополчане ОРМУ 22, начиная с 1965 года, каждые 5 лет в день Победы в Великой Отечественной войне проводили встречи. Эта фотография зафиксировала встречу однополчан в июле 1980 года по поводу 35-летия со дня Победы. Фотография из личного архива Н.П. Сухотина, находящегося на хранении у его дочери Л.Н. Сухотиной.

170-я СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В.С. Зуев

<...> В мае месяце 1941 года 134 отдельный разведывательный батальон выехал в летние лагеря в район Стерлитамакского дома отдыха. В эти же лагеря прибыли все стрелковые полки 170-й стрелковой дивизии: 717-й, 422 и 391-й и все отдельные батальоны.

5 июня 1941 года меня, старшего фельдшера, командировали на военные медицинские сборы в Чебаркульские военные лагеря, в корпусной военной госпиталь, где собрались старшие фельдшеры отдельных батальонов войсковых частей Уральского военного округа.

По прибытии на место, т.е. в корпусной военной госпиталь в Чебаркульские лагеря, почему-то с нами никакие занятия не проводились, и мы были предоставлены сами себе. Лишь 16 июня 1941 года вечером нас собрали и сказали, чтобы мы возвращались в свои воинские части, т.к. медицинские сборы отменяются.

19 июня я возвратился в Стерлитамак, наш 134-й разведбатальон уже был на зимних квартирах и шла подготовка для выезда, как сказали, в военные лагеря в Прибалтийские республики. Некоторые воинские части 170-й стрелковой дивизии уже выехали из города Стерлитамак. Так что каждый день с железнодорожной станции Стерлитамак отправлялись один-два воинских эшелона.

22 июня 1941 года Германия вероломно напала на Советский Союз.

С этого дня наш батальон начал готовиться для выезда уже на фронт.

134-й отдельный разведывательный батальон выехал из города Стерлитамака 24 июня 1941 года. В эшелоне ехала с нами и передовая группа медсанбата 170-й стрелковой дивизии, врачи и медицинские сёстры.

Нужно отметить, что наш эшелон двигался вокруг Москвы, через города Ярославль, Витебск, Великие Луки и Новосокольники. В Ярославле нам встретился первый эшелон с эвакуированными семьями военнослужащих из Прибалтийских республик, чудом уцелевших под обстрелами и бомбёжками врага.

Прибыли мы на место назначения, на железнодорожную станцию Кузнецовка, которая находится недалеко от города Себеж, в 5 часов утра 3 июля 1941 года.

[В то же время] 27 июня наша 170-я стрелковая дивизия уже принимала рубеж обороны, так называемый Себежский укрепленный район по старой государственной границе с Латвией, от 186-й стрелковой дивизии, тоже сформированной в Башкирии. Её полки срочно перебрасывались на рубеж Улла – Бешенковичи, на только что возникшее Невельское направление.

К 3 июля 1941 года 170-я стрелковая дивизия закончила приём рубежа обороны укрепленного района и к бою с противником была готова.

В то время 170-я стрелковая дивизия находилась в составе 51-го стрелкового корпуса 22-й армии Западного фронта. Командиром 170-й стрелковой дивизии был Силкин Тихон Константинович, комиссаром дивизии – Дзарагазов Лазарь Андреевич, заместителем командира 170-й стрелковой дивизии по строевой части был полковник Бунин Василий Дмитриевич, заместителем командира дивизии по тылу – полковник Мезенев, начальником штаба 170 стрелковой дивизии – майор Варванин.

7 июля 1941 года 134-й разведывательный батальон занял оборону на подступах к городу Себеж совместно с 391-м стрелковым полком. Начался артиллерийский и миномётный обстрел наших позиций и бомбёжка с воздуха. Потом фашисты

пошли в атаку. Непрекращавшийся кровопролитный бой этого дня был тяжким испытанием для воинов необстрелянной дивизии, но они вели себя мужественно. Особо отличился батальон уральца К.Е. Мыльников из 717-го стрелкового полка 170-й стрелковой дивизии. За грамотные действия в первом бою, за стойкость и мужество К.Е. Мыльников был представлен к ордену Красного Знамени.

Мне, фельдшеру, приходилось не только оказывать раненым первую медицинскую помощь, но и выносить их с поля боя, эвакуировать раненых в тыл.

Во время артобстрела, помню, присел я в окопе и мысленно уже расставался с жизнью. Вдруг как ток пробежал по моим нервам: услышал крик раненого.

Я, не раздумывая, – туда, на голос. И про страх забыл, потому что некогда было о себе думать. Вынес раненого.

Дивизия отошла, оставив город Себеж. На другой день – столь же тяжёлый бой был за станцию Кузнецовка, где разгрузались наши эшелоны.

Одного за другим теряли мы прекрасных боевых товарищей. В Себеже погиб и похоронен командир бронетанкового взвода 134-го разведывательного батальона 170-й стрелковой дивизии лейтенант Кудрявцев. На станции Кузнецовка погиб командир мотострелковой роты нашего батальона лейтенант Бобенко, помкомвзвода Тажетдинов, десятки других бойцов и офицеров. Но мы воевали с врагом, нанося ему чувствительные удары, а вот мирное население, уходившее от войны по большим и малым дорогам, гибло под бомбами и пулемётным огнём фашистских лётчиков. Этого мы не могли переносить. Боль и гнев, ненависть к зверствующим фашистам переполняли сердца, и мы обрушивали на врага весь огонь и всю нашу ненависть.

Во время боя за станцию Кузнецовку я получил первое ранение – касательное в области лобной части головы. Во время ранения потерял сознание, но вскоре пришёл в себя. Видимо, было небольшое сотрясение головного мозга. Товарищи мне сделали перевязку, и я остался при своей части.

После оставления города Себеж дивизия вела тяжёлые бои в районе станции Кузнецовка, разъезда Яловка и посёлка Идрица.

При отходе одна часть дивизии, 717-й стрелковый полк и 422-й стрелковый полк отходили в направлении г. Пустошка, Новосokolьники. Тылы дивизии в основном находились в этой группе.

Другая группа, в основном 391-й стрелковый полк и часть 134-го отдельного разведывательного батальона, отходила левее первой группы между Пустошкой и Невелем.

16 июля 1941 года отходившая часть 170-й стрелковой дивизии между Пустошкой и Невелем и другие воинские части 51-го стрелкового корпуса 22-й армии оказались в окружении. Немцы замкнули кольцо окружения от Невеля по шоссе до станции Пустошка.

Я узнал о том, что мы окружены, от начальника штаба 134-го отдельного разведывательного батальона, лейтенанта Гноевого. Он приехал к нам на передовую со своим штабом и хозяйственной частью на автомашинах. Я его спросил: «Что это значит, что вы приехали сюда?». Он мне ответил, <...> что танки – на шоссейной дороге от Невеля до Пустошки и «мы кое-как выбрались, всё в лесу побросали, где стояли».

В эти дни бои шли вкруговую. Особенно тяжёлые, кровопролитные бои были в районе деревни Репище, где сражались воины 391-го стрелкового полка. В течение нескольких дней они не давали противнику продвинуться ни на шаг, но силы убывали. Пришлось им выполнить приказ: выходить из окружения группами по 15–20 человек.

23 июля 1941 года утром кто-то из штабных офицеров мне сказал, что сейчас будут делать прорыв из окружения в направлении леса. Чтобы я не отставал от них. Тут же я увидел командира разведбатальона, майора Зотова. Он мне сказал: «Пошли быстрее. Не задерживайся».

До леса, к которому нам нужно было прорваться, было около километра, а может, и меньше. До него рос небольшой кустарник и были единичные небольшие сосны. Этот участок

противник обстреливал артиллерийским и миномётным огнём. Впереди меня бежал начальник штаба дивизии майор Варванин со своими штабистами. Я старался не потерять их из виду.

Когда мы добежали до леса, остановились, чтобы немного отдышаться, артиллерийские снаряды стали рваться уже в лесу, и тут я был ранен в область поясницы. Осколок снаряда угодил между 4 и 5 отростками поясничных позвонков. Перевязал меня солдат, который оказался возле меня. Когда он наложил мне повязку на рану, то возле нас уже никого не было, все ушли вглубь леса. Тогда мы с ним пошли вдвоём. Прошли примерно метров 500, там оказались наши солдаты и командиры. Среди них был и комиссар 170-й стрелковой дивизии Лазарь Андреевич Дзарагазов, начальник штаба дивизии майор Варванин, командир разведывательного батальона майор Зотов, помощник прокурора дивизии Иван Семёнович Моргунов, а также другие офицеры дивизии.

К вечеру 24 июля 1941 года были собраны все разрозненные группы солдат и командиров, которые оказались в этом лесу. Тут оказались солдаты и командиры не только 170-й стрелковой дивизии, но и других воинских частей 51-го стрелкового корпуса, [а также] человек 400 или больше, рядового, сержантского и среднего комсостава. Из этого количества были созданы воинские подразделения: рота, взвод, а также взвод разведки и хозяйственная часть, которая должна была обеспечивать продуктами питания.

Была создана и санитарная часть. Туда входили раненые, но врачи и медсёстры были не из нашей дивизии. Я и Зарипов, заместитель командира 134-го разведбатальона, находились при санчасти. (Зарипов был ранен 22 июля 1941 года: осколочное ранение правого бедра мягких тканей).

Выводил из окружения комиссар 170-й стрелковой дивизии Дзарагазов Лазарь Андреевич, заместителем его был начальник штаба 170-й дивизии майор Варванин. Разведку возглавлял майор Зотов.

Хозяйственной частью командовал начальник АХО штаба 170-й стрелковой дивизии Банников Николай Лаврентьевич. Нужно отметить, что во время выхода из окружения большую работу по разведке проделывал писарь оперативного отдела штаба дивизии Череватый Николай Романович, а также воспитанник 134-го отдельного разведывательного батальона Гавриков Ваня в возрасте к тому времени 14 лет.

Задача разведчиков была в том, чтобы разведать пути-дороги следования до намеченного пункта днёвки, обязательно в лесу. Нужно было закрыться от глаз населения, а также – от немцев.

Переходы были в ночное время километров по двадцать, так как ночь была короткой, а днём – отдыхали. Первые трое суток мы шли голодные. На четвёртые сутки наша хозяйка нашла лошадь и её зарезали. К вечеру был ужин, только варилось одно мясо, и то без соли. Каждому выдавалась кружка мясного бульона и кусочек мяса. Правда, мясо было как резина, да ещё и несолёное, но всё-таки после ужина настроение у всех улучшилось. В дальнейшем мы получали мясной бульон уже из говяжьего мяса, и бульон был уже солёный. Хлеба, конечно, не было.

Мне, раненному в поясницу, выходить из окружения было очень тяжело. На днёвке я лежал на животе, а вечером, когда все готовились для ночного перехода, я с трудом поднимался: были сильные боли в пояснице. Была общая слабость. Рана у меня гноилась, и вместе с гноем отделялись обрывки тканей нательного белья, гимнастёрки, которые вместе с осколком снаряда попали в рану. Перевязку мне делали ежедневно, но рана давала о себе знать.

19 августа 1941 года мы вышли из окружения. Санчасть, в которой я шёл, была замыкающей в колонне. Стало уже рассветать, мы были ещё на возвышенности, слева от нас была деревня, а впереди виднелась речка, низина болотистая и лес. Мы спустились в низину, перешли речку через мост и дальше по болоту пошли к лесу. Я думал, что где-то будет бой, но прошли линию

фронта спокойно, а на окраине леса были уже наши позиции. Немного дальше были и тылы войсковой части.

Оказывается, до выхода из окружения Череватый Н.Р. с одним из разведчиков были посланы через линию фронта комиссаром Дзарагазовым Л.А. с донесением командованию воинской части, которая была в обороне в том направлении, где намечался выход нашей колонны из окружения. До этого были разведаны проходы через немецкие позиции, вот почему мы без боя вышли к своим.

Расположились на отдых и стали приводить себя в аккуратный вид. Нас кормили завтраком, обедом. Мы хорошо отдохнули и спали спокойно. Утром за нами пришли автомашины, и мы выехали на место расположения 170-й стрелковой дивизии, которая в то время занимала оборону в районе совхоза «Ушицы» и входила в состав 62-го стрелкового корпуса 22-й армии Западного фронта.

Дзарагазов Лазарь Андреевич и другие [офицеры] из старшего комсостава выехали в распоряжение штаба 22-й армии Западного фронта.

Что можно сказать о комиссаре Дзарагазове? Волевой комиссар, смелый, решительный и выдержанный. В сложной боевой обстановке выдержан и спокоен. Внимательный и чуткий к своим подчинённым.

В сентябре месяце 1977 года мы с Череватым Н.Р. были на квартире у Дзарагазова Л.А. Нас интересовало, было ли знамя у нашей 170-й стрелковой дивизии. Лазарь Андреевич Дзарагазов нам сказал, что боевого знамени 170-я стрелковая дивизия не имела, так как она не была полностью отмобилизованной. Почти без автотранспорта. В разведывательном батальоне должны быть танки и бронемшины, которых не было. Средний комсостав состоял из тех, кто окончил Ульяновское и Саратовское танковые военные училища, они были использованы во время войны как офицеры стрелковых взводов.

Рассказал он и о своей дальнейшей службе после 170-й стрелковой дивизии.

В дальнейшем его служба проходила так.

[Сначала] – комиссар 51-го стрелкового корпуса, с которым ему пришлось выходить из окружения из-под Великих Лук. Потом был начальником организационного отдела Политуправления Западного фронта, комиссаром кавалерийского корпуса, служил в Центральном штабе партизанского движения. Потом – опять фронт. В мае 1944 года под Могилёвом он заболел: открылось кровохаркание из лёгких. Это было следствием того, что в холодную зиму 1942 года ходил с кавалерийским корпусом по тылам вражеских войск.

После госпиталя – Политуправление Воронежского военного округа. Далее начальник Политотдела 2-й танковой армии в Германии, член Военного совета 4-й армии в Германии и заместитель по политчасти Главных инженерных бронетанковых войск в Москве.

Осенью 1952 года вышел в отставку. Проживал в Москве.

10 января 1983 года
г. Стерлитамак.

подпись

Печатается с рукописного оригинала, хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

ЧАСТЬ III
НЕЗАБЫВАЕМОЕ:
ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ,
ЗАМЕТКИ



Письмо А.В. Чапаева о первых днях войны



Командир дивизии противотанковых орудий капитан
Александр Васильевич Чапаев.
Военную карьеру закончил в чине генерал-майора

<...> Я не могу считать себя ветераном 22-й, как и других армий, в которых приходилось воевать, будучи в артиллерии РВГК [резерв войск Главного командования. – *Сост.*]. Эту артиллерию бросали из армии в армию и даже с одного фронта на другой.

В 22-й армии был всего июль – октябрь месяцы 1941 года. 697-й артполк существовал недолго и очень мало участвовал в боях. Его первый дивизион погиб бесславно в начале июля 1941 года. Сразу же понес большие потери 2-й дивизион.

Третий дивизион, которым я командовал, продержался до 22 августа того же года. Из-за недостатка вооружения дивизион рвали на части. В полном составе он был только на первых

позициях – под Городком. Четыре орудия потерял в бою с танками в районе д. Понизовье на пути от Городка к Великим Лукам.

Одну батарею целиком отправили из дивизиона в Великие Луки, и я её больше не видел. Из третьей батареи два орудия были на позиции у станции Кунья, а два – в двух километрах южнее.

Что можно было ожидать от дивизиона в таких условиях? Латали, можно сказать, тришкин кафтан. Но и при таком положении на счету дивизиона были и подбитые танки противника, и один самолёт Ю-88. Дивизион был вооружён зенитными пушками калибра 85 мм, и один из самолётов (которые ходили, что называется, по головам) сбили прямой наводкой. Он упал метрах в трёх[стах]-четырёхстах от орудия. У одного из погибших в самолёте немецких офицеров солдаты сняли и принесли «железный крест».

После прорыва немцев 22 августа полк прежнего состава вскоре практически перестал существовать, и командир полка был отозван.

В боях под Торопцом, Ржевом и Сычёвкой я находился ещё в составе 22-й армии, а в боях под Москвой – в 16-й армии генерала Рокоссовского и в 49-й армии генерала Захаркина. Под Москвой был ранен и получил первый орден Красного Знамени. Вот и все мои личные «похождения» в этот период, если не считать назначения командиром полка.

Писать подробно обо всём и обо всех не берусь: долгая история. <...>

7 июня 1983 года

(подпись) Чапаев

А.В. Чапаев – старший сын Василия Ивановича Чапаева, героя Гражданской войны.

Публикуется с рукописного оригинала письма Н.П. Сухотину, хранящегося в настоящее время в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

Письмо Е.Л. Махинова о боях 22-й армии

<...> В 1940 году <...> меня назначили старшим пом[ощником] нач[альника] опер[ативного] отдела штаба Урал ВО. Отсюда я уехал на фронт в 1941 году 22 июня.

Примерно за месяц до начала ВОВ (Великой Отечественной войны. – *Сост.*) г.-л. (генерал-лейтенант. – *Сост.*). Ершаков был вызван в ГШ (Генштаб. – *Сост.*) на заседание Главного военного совета и, вернувшись, собрал руководящий состав округа и сказал, что избежать войны с немцами, видимо, не удастся. В ближайшее время начнётся война, так как немцы наглеют с каждым днём и сосредоточивают силы у наших границ.

С этого времени и был приведён в действие моб[илизационный] план. Никакой переписки и телефонных разговоров в этот период не допускалось, соединения доукомплектовывались, проводились учения и готовились к погрузке в ж.д. эшелоны.

Первой в район сосредоточения отправлялась оперативная группа в составе оперативного и разведывательного отделов, штаба артиллерии, инженерная и прочие службы первого эшелона во главе с начальником штаба, г.-м. (генерал-майором. – *Сост.*) Захаровым Г.Ф. Командующий следом за нами уезжал в Москву за получением указаний. Наш эшелон отправлялся 22 июня 1941 г., когда В.М. Молотов выступал по радио с сообщением о вероломном нападении немцев на наши приграничные войска. Мы на станции слушали это выступление, затаив дыхание, с большой тревогой.

Куда нас везли железнодорожники, мы только могли догадываться, не больно много знали и они, разве только то, до какой ближайшей станции следует тот или иной эшелон. Это объяснялось тем, что в условиях быстро изменяющейся обстановки нас могли направить на любой угрожаемый участок фронта, независимо от запланированного района.

По мере готовности следовали за нашей опергруппой и соединения 51-го и 62-го с.к. (стрелковых корпусов. – *Сост.*).

Сейчас точно не помню, ориентировочно 25 или 26 июня мы прибыли в гор. В[еликие] Луки, разместились в школе, определили пункты управления и начали их оборудовать:

- основной КП – В[еликие] Луки,
- второй эшелон штаба (тыл) – станция Назимово,
- ВПУ (временный пункт управления. – *Сост.*) – в лесу в 1,5 км сев[ернее] г. Невель.

Приехал из Москвы и ген[ерал] Ершаков. Комендантом города В[еликие] Луки был назначен к[омандир] 170-й с.д. (стрелковой дивизии. – *Сост.*), ген[ерал]-майор Силкин (впоследствии он стал комендантом Себежского УР (укрепленного района. – *Сост.*)

Все оперотделы в это время были заняты встречей соединений и выводом их в свои районы обороны. По заданию ГШ ст[арший] пом[ощник] нач[альника] оперотдела т. Кириллов с группой автоматчиков разыскивал командующего Прибалтийским округом – ген[ерала] Кузнецова, с которым ГШ потерял связь с первых дней войны. Надо было разыскать его и связать с ГШ. Нашли его в районе Резекне.

По мере подхода соединений армии они занимали оборону <...>, однако, прибытие их слишком затянулось, и к моменту начала боевых действий они были не в полном составе, опаздывали 153-я с.д., артиллерия других соединений.

С 3 июля 22-я армия вела боевые действия с передовыми частями немцев.

Особенно сильные бои развернулись в районе Дисны, Себеж, Улла, Бешенковичи, а затем в г. Витебске. 7 июля немцы прорвали оборону 98-й с.д. в районе Дисны, затем развернулись сильные бои за Себежский укрепрайон, и числа 10 или 11 [июля] пр[отивни]ку удалось захватить плацдарм на сев[ерном] берегу р. Зап. Двина на участке 186-й и 153-й с.д.

В один из таких дней пр[отивни]ку удалось глубоко вклиниться в расположение 62-го с.к., и его передовые части ворвались в г. Невель, подошли к нашему КП.

Жарко пришлось в этот момент нам, если Вы помните, все писаря, охрана и офицеры с оружием в руках отражали атаки

противника и перебазировались в В[еликие] Луки, и затем – на ст. Назимово, где размещался у нас 2-й эшелон штаба.

Таким образом, в начале августа фронт обороны армии проходил по линии Великие Луки и южнее [н.п.] Куня.

Противнику на пару дней удавалось ворваться в город В[еликие] Луки, но героическими действиями 48-й т.д. (танковой дивизии. – *Сост.*) он был выбит <...> и положение стабилизировалось. Всю первую половину августа армия вела тяжёлые оборонительные бои, особенно сильные за высоту, что юго-западнее города, которая более 30 раз переходила из рук в руки, и у виадука ж.д., что южнее города. Здесь, под мостом ж.д., проходила полевая дорога, и немцы неоднократно подымались в атаку под мост, так как плотно было пристреляно и для них недоступно. Долина у моста была буквально завалена трупами, которые долго не убирались как нами, так и немцами. По вечерам от трупного запаха тошнило и кружилась голова. Да, тяжело было нашим воинам у В[еликих] Лук, но нелегко было и врагу.

Оперативное положение нашей армии было равносильно бельму на глазу немцев. Армия нависала над его ударной группировкой, рвавшейся к Смоленску и Москве. Здесь немцы против 22-й армии должны были держать достаточные силы для защиты своего левого крыла, и от 22-й армии требовались активные действия для того, чтобы сковать врага, не дать ему возможности снимать соединения от 22-й армии и усиливать ими главные силы на Смоленском направлении. Вот почему армия и готовилась наступать. Да не только готовилась, она и перешла в наступление, правда, оно закончилось плачевно для нас. Армия продвинулась на 3–4 км и была остановлена огнем и контратаками, так как немцы на этом участке сами готовились перейти в наступление.

Положение соединений армии на оперативных картах мне многое напоминает. К ведению отчетной карты я имел прямое отношение <...>. Конечно, направление главного удара я сейчас не помню, и на отчетных картах мы его, как правило, не наносили, но не придирайтесь к этому – суть всего этого наступления

в том, что оно планировалось и велось в интересах Западного фронта. Цель одна была – сковать врага перед фронтом армии.

События здесь развивались следующим образом. Остановив наступление наших войск, противник перешел в наступление, прорвал боевые порядки 62-го с.к. на стыке с 29-м с.к. и, развивая наступление на север, перерезал ж.д. и вышел на тылы 48-й т.д., 214-й и 126-й с.д., которые чуть ли не оказались в окружении, будучи прижаты к лесу вос[точнее] Великих Лук. Через 6–7 дней наши соединения и оперативная группа, находившаяся на НП (наблюдательном пункте. – *Сост.*) во главе с ген[ералом] Ершаковым, вышли лесами и соединились с войсками.

До перехода противника в наступление я был на НП в районе совхоза «Ушицы» и накануне этого был вызван Захаровым на КП (ст. Назимово), так как там некому было составлять оперативные сводки, да и выполнять другую работу. Так, по счастливой случайности я избежал участи моих товарищей, отрезанных от КП на целую неделю (я тогда был ст[аршим] помощником нач[альника] оперотдела).

С момента прорыва немцев мы потеряли связь с командармом (временным пунктом управления) на длительное время. Посланные офицеры для связи с ним цели не достигали. Вскоре в армию прибыл новый командарм, г.-м. Юшкевич – очень суровый человек. Его суровость дополнялась нервозностью, доводящей до истерики начальника штаба Захарова Г.Ф. [В качестве] начоперотдела прибыл полковник Пилипенко ([позднее] он погиб в самолете).

Затем обязанности начопера некоторое время выполнял начальник РО (разведывательного отделения. – *Сост.*) полковник Яблочков. Когда Захаров Г.Ф. убыл из армии, на должность НШ прибыл полковник Шалин (после войны он был начальником ГРУ).

Формулировки, встреченные Вами о том, что «с 10 июля армия принимала участие в оборонительной операции в Белоруссии» соответствуют действительности (кроме дат), так как она вела бои за Полоцк, Бешенковичи, Витебск. Также она принимала участие и в Смоленской операции, ведя бои за гор[од] Белый в первых числах сентября.

Что касается Леонова, то у меня никаких сведений о нём нет. Конечно, встретиться с ним было бы приятно. Человек он очень хороший. Все, кто знал его по 22-й армии и Калининскому фронту, с большим уважением относились к нему. В штабе фронта, где я вначале работал ст[аршим] помначоперотдела, а затем начальником отдела дислокации войск К[алининского] ф[ронта], я очень часто встречался с ним.

С октября 1943 года я был назначен нач[альником] оперативного отдела 2-го гв[ардейского] ст[релкового] корпуса, с которым и закончил войну, доколачивая курляндскую группировку немцев в Литве. <...>

15.11.80.

Махинов

Махинов Е.Л. Уехал на фронт в 1941 году из Свердловска, где с 1940 года был старшим помощником начальника оперативного отдела Уральского военного округа.

Публикуется с рукописного оригинала письма Н.П. Сухотину, в настоящее время хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

Письмо А.П. Иванова о боях за Крустпилс

Это было в 1944 году. 7 августа я воевал в 325-й дивизии 114-го полка 22-й армии автоматчиком. Наша рота, командиром которой был капитан Шлыков, лежала в торфяных болотах близ города Крустпилс. Немцы совместно с власовцами находились на конце болота. Они вели безостановочный огонь из всех видов оружия. Но вечером мы бросились в атаку и выбили немцев. Всю ночь мы их гнали, а утром, 8 августа, мы вступили с боем в город Крустпилс и повели уличные бои.

На одной из улиц, на чердаке дома, засели немцы с пулеметом, и нашей роте нельзя было пройти. Тогда командир роты, капитан Шлыков, приказал мне взять пять человек автоматчиков и ликвидировать пулемет.

Задание мы выполнили, уничтожив более пятнадцати немцев, захватили пулемет, после чего рота продолжала освобождать город.

Когда подошли к железнодорожному мосту через Западную Двину, я находился [на расстоянии] около 200 метров от него. Немцы его взорвали вместе со своими солдатами. В 17.00 город в основном был освобождён.

После отдыха, 9 августа, был получен приказ выступить из города, выйти к реке Айвиексте, форсировать и захватить электростанцию. Батальон наш шёл всю ночь скрытно, форсированным маршем. Наутро в 4 часа 10 августа мы вышли к реке Айвиексте и с ходу поплыли на другую сторону реки, где находились немцы. Я плыл вместе с командиром роты, капитаном Шлыковым. А впереди нас плыл командир взвода разведки с разведчиками. Когда переплыли, немцы открыли огонь. Они не ожидали такой дерзости, так как артиллерийской подготовки на берегу не было и подсобных материалов для переправки тоже, да и находились мы от них на расстоянии более 20 километров.

Когда немцы открыли беспорядочную стрельбу, взвод разведки во главе с лейтенантом Морозовым захватил электростанцию, а наша рота продвигалась по освобождённому поселку. Около одного дома, где немцы находились на втором этаже, а мы – внизу, немцы бросали гранаты. Когда капитан и я выбежали из-за угла дома, к нам подбежал солдат, который 6 месяцев подряд ходил в атаки, и ни разу его пуля не брала, он загородил капитана своим телом, и в это время разорвалась граната, брошенная немцами со второго этажа. Солдат был убит, но остался жить командир роты, немного оглушённый взрывом. Фамилии солдата я не помню.

Командир роты приказал мне и нескольким солдатам ликвидировать немцев наверху. Начался неравный бой в доме. Мы забросали их гранатами, уничтожив при этом более 12 немцев, а остальные сдались в плен. Мы заняли оборону за поселком в поле, а немцы – на опушке леса. На рассвете мы выбили немцев. Они бежали, а мы их преследовали до [линии] их круговой

обороны – хорошо изготовленных окопов, где они и засели. Штурмовать окопы мы начали вечером, так как командир роты говорил: «Ну что, ребята, у немцев выгодные позиции, они находятся на высоте, а мы – внизу, в болотистой местности». И мы решили штурмовать ночью.

Немцы нас не ждали, получали паек на сутки, мы подкрались и в рукопашной схватке выбили их из первой траншеи. Тогда немцы открыли по нам ураганный огонь... Далее я не помню, так как очнулся в госпитале. В г. Крустпилс был тяжело контужен с потерей речи и слуха.

Участник войны Иванов Александр Петрович

Октябрь 1984 г.

подпись.

Публикуется с машинописного оригинала с рукописной правкой, хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

Письмо В.Б. Матвеева о Крустпилсской операции

В результате успешных боевых действий войск 3-го и 2-го Приб[алтийских] фр[онтов] противник понёс большие потери. Многие восточные районы Латвии были уже освобождены. Полосы для наступления фронтов сужались, а оперативная плотность войск излишне увеличивалась. Это позволило нашему командованию после взятия г. Ливаны высвободившуюся 4-ю уд[арную] арм[ию] переподчинить с 5 на 6.08.44 г. 1-му Приб[алтийскому] фронту. С 5 на 6.08. 44 г. армия переправилась на левый берег реки Даугавы и развернула боевые действия в направлении Екабпилс, Акнасте, Весите и западнее. Противник в междуречье Айвиексте, Даугавы, в районе Ляудона, ст. Кукас, Крустпилс имел подготовленные оборонительные позиции, занятые 23-й, 24, 291 и 389-й с.д. (стрелковыми дивизиями. – *Сост.*), и частями усиления, препятствовал дальнейшему наступлению 22-й армии. К этому времени передовые части 130-го л.с.к. (ла-тышского стрелкового корпуса. – *Сост.*), входившего в состав

22-й армии, подошли к реке Айвиексте и готовились ее форсировать. За 130-м л.с.к. продвигались бригады 5-го т.к. (танкового корпуса. – *Сост.*), 100-й, 44-й с.к. (стрелковые корпуса. – *Сост.*) наступали вдоль правого берега р. Даугавы на Крустпилс, вели бои с упорно обороняющимся противником и несколько отставали. Это и вынудило командование 22-й арм[ии] повернуть 130-й л.с.к. и 5-й т.к. на юго-запад с задачей: наступая в направлении Антужи, Силени, выйти к р. Даугава, окружить Крустпилсскую группировку противника и, взаимодействуя с 44-м и 100-м с.к., разгромить её. 6 августа войска для выполнения новых задач выходили в назначенные районы, изучали оборону противника. 130-й латышский с.к. и 5-й т.к. готовились к боям. 7 августа перешли в наступление. 43-я л.с.д. (латышская стрелковая дивизия. – *Сост.*), к[омандир] – п[олковник] Калнынь, с 24-й т.бр. (танковой бригадой. – *Сост.*), к[омандир] – п[олковник] Пузырёв, прорвали передовые оборонительные позиции. Для нанесения арт[иллерийского] удара было сосредоточено 11 арtpолков РКК, в том числе 4 миномётных тяжелых полка и 2 дивизиона «катюш», куда входила и наша мощная огневая часть – 556-я (к[омандир] – п[олковник] Рунов А.И.) К исходу дня 125-й гв.[ардейский] ст[релковый] полк (к[омандир] – п[олковник] Юревиц) овладел рубежом Битес, Упьюсарги, 123-й гв.ст.п. (к[омандир] – под[полковник] Перловский), рубежом Вагули, Баравики. 121-й гв.ст.п. (к[омандир] – под[полковник] Втулкин), вел бои у реки Айвиексте, прикрывая правый фланг корпуса. В этот день в бою отличились НШ (начальник штаба. – *Сост.*) 123-го с.п. под[полковник] Чаша, майор Бачило, ст. л[ейтенант] Савицкий, парторг роты сержант Чемис, капитан Струневич, ефрейтор Микельсон, рядовой Гайлис и многие другие воины. 308-я л.с.д. (к[омандир] – г[енерал] Дамберг) утром прорвала передний край обороны противника на участке Пурвмалас – Унгурмуяжа. К исходу 7 августа 355-й с.п. (к[омандир] – майор Берг) овладел рубежом Кательницы, Жигары, Рубени; 323-й стрелковый полк (к[омандир] – п[олковник] Нейман) вышел на рубеж Мидзени, Зигмани; 319-й с.п. (к[омандир] – п[олковник]

Аренд) наступал во втором эшелоне дивизии. В боевых порядках дивизии действовала 70-я танковая бригада под командованием подполковника Никитина. В бою отличились заместитель командира 355-го полка по политчасти майор Лапиньш, ст. лейтенант Утыро, рядовые Шварцис, Степанов, Яунцемс и др. Противник упорно сопротивлялся. Обойденные наступающими опорные пункты он не оставлял.

Из них гитлеровцы производили вылазки по боевым порядкам вторых эшелонов батальонов и полков, нападали на командные пункты, перемещавшиеся вслед за первым эшелоном, на тылы и транспорт. Это вынудило командира корпуса и дивизии выделить часть сил своего второго эшелона для уничтожения оставшихся в тылу подразделений противника. Замечу, в тылу немцы оказались по той причине, что 2 августа [19]44 г. в 5.30 утра мы произвели сильную артиллерийскую подготовку – противник большими и малыми группами разбежался по лесам. Его вылавливали и пленили части 308-й и 319-й с.д. Успешные действия соединений корпуса и танковых бригад во многом были predeterminedены умелой работой штаба корпуса, н[ачальника] ш[таба], г[енерала] Баумана, офицеров штаба, п[олковни]ков Галимова, Пуриаль, Курме и др. и политотдела корпуса, начальника – п[олковни]ка Калашникова, его заместителя, подп[олковни]ка Мисейриса. Части 44-го и 100-го с.к., наступавшие на Крустпилс левее 130-го л.с.к, прорвали оборону противника на участке ст. Кукас, устье реки Нереты, и медленно продвигались вперед, преодолевая минные заграждения и отражая контратаки. К исходу дня они продвинулись лишь на 3–5 км. 15-я воздушная армия, обеспечивавшая действия войск 22-й армии, провела за день около 450 самолёто-вылетов, уничтожая живую силу и боевую технику врага. В воздушных боях сбито 28 самолётов противника. В ночь с 7 на 8 августа разведчики, высланные штабом 130-го л.с.к, установили, что значительные группы войск противника, скопившиеся в Крустпилсе, переправляются через реку Даугаву в расположенный на другом берегу Екабпилс. Чтобы сорвать переправу врага, 1-му латышскому ночных бомбардировщиков

авиационному полку под команд[ованием] подполковника Кирша была поставлена задача нанести удар по переправам. Летчики на небольшой высоте прошли вдоль реки и неожиданным ударом разбомбили переправу.

8 августа войска 22-й арм[ии] продолжали отбрасывать противника. 43-я л.с.д. вышла к р. Даугаве, чем завершила окружение Крустпилсской группировки. Несколько пехотных рот противника не успели отойти на Гостини. Они были прижаты к берегам Даугавы и Айвиексте и уничтожались подразделениями 175-го гвардейского стрелкового полка под командованием полковника Вейса, Пастернака, Макушева, Улласа вместе с артиллерией майора Дорошкевича. В районе ж.д. моста через Даугаву, у дер[евни] Спунгены, уничтожили противника. В целях быстрейшего разгрома вражеских сил, окружённых севернее г. Крустпилс, для совместных действий с 43-й латышской стрелковой дивизией были направлены 24-я танковая бригада, 5-я мотострелковая бригада и 48-й тяжёлый танковый полк 5-го танкового корпуса. Решительными действиями этих частей и соединений вражеская группировка была расчленена и по частям уничтожена. Бои по разгрому войск противника, окружённого в районе Крустпилса, и освобождению города развёртывались следующим образом. 308-я л.с.д. совместно с 70-й и 118-й танковыми бригадами наступали на Крустпилс. Её 355-й с.п. вёл бои севернее города, стараясь обойти противника и выйти к Даугаве. Левее наступал 319-й стрелковый полк. Один из его батальонов капитана Осиса, следуя за танками, сбил противника с его позиций и овладел строениями на станции. Самоотверженно действовал и личный состав 323-го стрелкового полка. Миномётчики капитан Абрицкий, лейтенант Екарашев, сержант Веселов и др. своим огнём выбили немцев из траншей. Второй батальон, используя огонь артиллеристов и миномётчиков, продвинулся вперёд и к 9 часам ворвался на северную окраину города. Противник упорно сопротивлялся, но вскоре подошёл 3-й батальон, и совместными усилиями гитлеровцы были выбиты с их позиций. 677-й артполк дивизии, командир – подполковник

Цаунит, подтянул орудия к берегу Даугавы и совместно с танковыми бригадами уничтожил артиллерийские и миномётные части противника на противоположном берегу. Обстреливавшие выходящие к городу и реке части 308-й л.с.д. одновременно со 130-м л.с.к. перешли в наступление, как и соседние 44-й, 100-й с.к. 319-я с[трелковая] дивизия наступала левее 308-й л.с.д., на восточную окраину Крустпилса. Командир дивизии полковник Дулов учел, что танки противника, маневрируя, ведут огонь, поэтому он поставил задачу 560-му артполку (командир – майор Шклярин) выдвинуться вперёд и во фланг расстреливать вражеский танковый батальон, наступавший между двух веток железной дороги. Артиллеристы – сержант Андриенко, рядовые Харлашов, Лазарев, Сивков подожгли три танка. Комсорг 560-го артполка Резников гранатой подорвал один [танк]. Остальные танки противника отошли. 1-й батальон 1336-го с[трелкового] п[олка] поднялся в атаку, но, попав под сильный огонь, его роты залегли. Парторг батальона Колясников поднял роту в атаку, бросился вперёд. Его призыву последовали коммунисты и комсомольцы – рядовые Таганов, Петров, Молодавкин, Гусейнов, Борисов и др. За ними поднялись остальные бойцы. Вскоре роты 1-го батальона приблизились к окраине города. Об этом в своём выступлении всегда говорит Бондаренко, когда бывает у нас.

Сломив сопротивление врага, 1334-й с.п. ворвался на его оборонительные позиции и завязал бой у восточной окраины Крустпилса. В бою смело действовал командир 2-го батальона этого полка капитан Зенов, командир 4-й роты ст. лейтенант Везелев, парторг батальона Щербинин и комсорг батальона Козлов. Личным примером они воодушевляли солдат. Гитлеровцы понимали, что им долго город не удержать и спешили его разрушить. Взрывы следовали один за другим, пожары возникали то в одном, то в другом квартале. В 1334-й с.п. пришёл начальник политотдела дивизии подполковник Худин. Он собрал добровольцев – солдат, сержантов и офицеров, которым предстояло проникнуть в центр города, чтобы воспрепятствовать его разрушению. Обсудили план действий. Добровольцы – лейтенанты Ремез, Ганцев,

сержанты Прилепский, Климов, рядовые Трифонов, Антоненков, Захаров, Звягинцев, Севостьянов, Сарафанов и др. – направились в город и вскоре достигли его центральных кварталов. В городе гитлеровцы собрали женщин и детей в один из дворов и заминировали его вокруг. Враг рассчитывал, что пока наши воины ворвутся в центр и попытаются спасти женщин и детей, произойдёт взрыв, в результате которого погибнут и освобождаемые, и освободители. Но трагедия не произошла. Воины-добровольцы расправились с инициаторами коварного замысла. Затем сапёры разминировали участки заграждения. Женщины и дети, обречённые на смерть, были спасены. Подобных коварных замыслов по уничтожению мирных жителей особенно много было в г. Ливаны, который освободили 28-я с.д. и 100-й с.к. К 12 часам полки 319-й с.д., овладев центром города, вышли к р. Даугаве. 28-я с.д., преследуя отходящего противника, подвергалась артиллерийскому, миномётному и пулемётному обстрелу с противоположного берега реки. Пришлось артиллеристам полковой батареи 144-го с.п. и истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона повернуть орудия и вступить в огневой бой с врагом. К 12 часам полки 28-й с.д. ворвались в южную окраину Крустпилса и соединились с частями 319-й с.д. Крустпилс был освобождён.

На другой день вечером в Крустпилс приехал член Военного Совета 22-й армии генерал А.М. Катков. Перед строем частей и подразделений 28-й с.д. зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении дивизии орденом Красного Знамени за успешное выполнение приказа командования по разгрому фашистов. Генерал прикрепил орден к боевому знамени соединения. Затем он вручил орден Богдана Хмельницкого командиру дивизии – полковнику Фёдорову за умелое командование соединением и проявленные при этом мужество и отвагу. Это за Ливанскую операцию.

В многодневных боях за освобождение Крустпилса отличились тысячи солдат, сержантов и офицеров. Родина отметила их орденами и медалями, а парторгу 3-й роты рядовому Гусеву и заместителю командира полка 1336-го с.п. Готлибу,

разведчику 560-го арtpолка 319-й с.д. сержанту Осягину и командиру 4-й роты 125-го стрелкового полка 43-й стрелковой дивизии Орлову присвоено звание Героя Советского Союза.

Недолго продолжался отдых частей после боя. Полки ушли из Крустпилса.

На доме №35/37 по ул. Карла Маркса осталась надпись:

«Город Крустпилс 8 августа 1944 года освобождали отважные воины полковника Рудого. Вперёд, на Ригу!».

Эта надпись до сих пор сохраняется благодарными жителями Крустпилса, как память о тех, кто освободил город от немецко-фашистских захватчиков.

26.8.84 г.

В.Б. Матвеев

Публикуется с рукописного оригинала, хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

Письмо В.Б. Матвеева об освобождении левобережной части Екабпилса

29-я стрелковая Полоцкая ордена Суворова дивизия под командованием полковника А.К. Макарьева, входившая в состав 4-й ударной армии 1-го Прибалтийского фронта, продвигаясь с тяжёлыми боями вдоль левого берега реки Даугавы, подходила к Екабпилсу. Эту дивизию наша часть РГК (резерва Главного командования. – *Сост.*) поддерживала при взятии г. Полоцка. Но речь идёт о Екабпилсе. Противник на каждом выгодном рубеже оказывал сильное огневое сопротивление. В ряде мест района огромные площади с большой плотностью были заминированы, и это замедляло темп наступления. Под прикрытием огня батарей, танков и самоходной артиллерии сапёры 29-й с.д. и танки-тральщики едва успевали проделывать [проходы] в минных полях, по которым вслед за ними шли стрелковые роты, двигались танки и артиллерия. 8 августа 128-й стрелковый полк

дивизии овладел посёлком Нагли. Наступавшая левее, в направлении Броды, 378-я с.д. (командир – генерал Белов), прорвав оборону противника, пыталась ворваться на южную окраину города Екабпилса, но безуспешно.

В ночь с 8 на 9 августа штабом 29-й стрелковой дивизии была выслана разведка. К 3 часам 9 сентября разведчики – рядовые Волгин, Верро, Озаринский, Горбань во главе с младшим сержантом Еременковым, возвратились, приведя 4 пленных, среди которых был и офицер. Пленных допросил начальник штаба дивизии, подполковник Моисеев. Они показали, что ещё в боях под Ленинградом обслуживали батарею особой мощности, которая в течение двух лет обстреливала город тяжёлыми снарядами (калибра 420 мм). Но однажды офицер (взятый нами теперь в плен) из Германии получил письмо, в котором говорилось, что во время налёта американской авиации на его родной город погибли мать, жена и дочь. Офицер поделился своим горем с солдатами [своей] батареи и сказал, что немцы, разрушая Ленинград, также убивают в нём женщин и детей. Батарейцы (немецкие. – *Сост.*) стали стрелять так, чтобы снаряды не долетали до города или не взрывались в нём. Такая стрельба продолжалась три месяца. А потом, когда советские войска прорвали блокаду под Ленинградом и гитлеровцы стали отступать, восемь солдат во главе с офицером, испортив на батарее приборы управления огнём, ушли в тыл. Но оказалось, что сделали они это преждевременно. В тылу их переловили и за дезертирство осудили к пожизненным каторжным работам, заменив их штрафным батальоном. Сначала их направили в Эстонию, а потом, после отступления штрафного батальона, передислоцировали в Екабпилс. Придя на этот участок, бывшие батарейцы решили сдаться в плен. И вот такой случай представился. Пленные рассказали о расположении подразделений в Екабпилсе. Эти сведения пригодились при организации боя за город. <...>

С 5 часов 9 августа 128-й с.п. (командир – полковник Северинов) наступал между Даугавой и шоссе, завязался бой за железнодорожную станцию (здесь была узкоколейная линия). Роты

овладели станцией, но противник контратаками отбросил наши войска к лесу. 106-й с.п. (командир – подполковник Гетман) также попытался овладеть станцией, но неудачно. Тогда, согласовав свои действия с соседями (справа – со 121-м стрелковым полком своей дивизии, слева – с 1254-м с.п. 378-й с.д., при поддержке 106-го с.п. 29-й с.д.) атаку повторили. Позиции противника были прорваны. 1-й батальон ворвался в город, 2-й батальон овладел ул. Бривибас с двумя церквями. 3-й батальон, используя успех двух первых, занял позицию в районе больницы, преградив врагу путь к отступлению.

302-й с.п. 29-й с.д. (командир – полковник Оробец) медленно продвигался к Екабпилсу вслед за полками первого эшелона. Дело в том, что многочисленные группы разбитых гитлеровских частей бродили по лесам, пытаясь выйти из окружения, и нападали на тылы советских полков. Это – подразделения немцев, которые с правого берега на левый бежали в город Ливаны в 26 км от Екабпилса. Вот это вынудило полковника Оробца организовать вылавливание гитлеровцев.

После массированного артиллерийского обстрела с правобережной части района (это наши части РКК произвели массированный налёт по западной окраине города) наши батальоны пехоты с танками и штурмовыми орудиями контратаковали немцев и потеснили их в город. Командир 378-й стрелковой дивизии генерал Белов перегруппировал свои части, и 1254-й стрелковый полк нанёс удар во фланг противнику, отбросив его к реке Даугава. Ввод в бой за город 1256-го стрелкового полка при поддержке 944-го дивизионного артполка привёл к окружению противника в городе.

К 10 часам 9 августа 29-я с.д. во взаимодействии с 278-й с.д. закончила уничтожение гитлеровцев в городе. Екабпилс был полностью освобождён. Переправы через р. Даугава нам наводила 13-я инженерно-сапёрная бригада, её 80-й батальон. <...>.

Публикуется с рукописного оригинала, хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

Письмо К.С. Ленских о начальниках политотдела 22-й армии

<...> По поводу начальников политотдела 22-й армии общаю, что первым начальником политотдела был полковник Шевченко И. Но примерно в 1942 году, в середине года, его назначили членом Военного Совета какой-то армии: 29-й или 19-й, и он уехал от нас.

Вместо Шевченко И. был назначен начальником политотдела 22-й армии полковник Титов С., причём он поработал, наверное, год, и его тоже куда-то назначили, в другое соединение, и он уехал. И вместо полковника Титова начальником политотдела 22-й армии был назначен полковник Шлычков. Это было уже в 1943 году. И он был, видимо, в 22-й армии до конца её существования. Но я в 1943 году, в конце года был назначен в политотдел 319-й стрелковой дивизии, а эта дивизия перешла в подчинение 43-й армии, и у меня связи с 22-й армией прервались, тем более что 43-я армия воевала в Восточной Пруссии, штурмовала Кенигсберг, а 22-я армия ушла на юг.

<...> Инструктором отдела кадров политотдела армии был подполковник Синцов Фёдор Романович. Он служил там до расформирования 22-й армии. <...>

Симонова Татьяна Ниловна – машинистка, причём лучшая в политуправлении УралВО, была не военная, а работала по вольному найму и при формировании политотдела не отказалась поехать с нами на фронт, хотя дома у неё остался несовершеннолетний сын и её мать-старушка. <...> Она работала всю войну у нас отлично. Там, на фронте, нам приходилось подбирать людей на должности машинисток в отделы, но все они ни в какое сравнение не идут с Т.Н. Симоновой.

Подпись

Публикуется с рукописного оригинала письма Н.П. Сухотину, хранящегося у его дочери Л.Н. Сухотиной.

Письмо И.В. Толмачёва в Совет ветеранов 22-й армии

Я, Толмачёв Иван Васильевич, 1915 года рождения, беспартийный <...> в сентябре 1937 года был призван в армию, в 430-й батальон связи. 10 месяцев был писарем, а затем – комендантом военного городка. Демобилизовался 2 декабря 1939 года с отметкой в военном билете, что в военное время может исполнять должность делопроизводителя (должность офицера). <...>

22 июня началась война. <...> Я получил назначение старшим писарем в 89-ю отдельную автосанитарную роту, так как 430-го батальона связи, к которому я был приписан, уже в Свердловске не было.

В горвоенкомате явившиеся по повесткам командиры направлялись в пункты формирования частей, а рядовой и младший комсостав – на сборные пункты. <...>

В пункте работал штаб, начальник пункта, писари. Каждый, кто приходил по повестке, отдавал писарю паспорт, военный билет, повестку и ждал вызова. На пункт приходили уполномоченные воинских частей и отбирали тех, кто им подходит по военно-учётным специальностям.

Я приходил раз 6–8, пока не набрал полностью по штатному расписанию шофёров, санитаров, поваров, портного, сапожника, слесарей.

Мобилизованы были родившиеся в 1905–1921 годах. Но на фронте были люди и старше, и моложе этих возрастов.

По прибытии мобилизованные обмундировывались. А на следующий день шофёры шли получать автомашины и приводить их в порядок. <...> До отправки на фронт занимались строевой подготовкой и изучением оружия.

[Так происходило формирование] 89-й отдельной автосанитарной роты, которая одна занималась перевозкой раненых из всех частей, входящих в состав 22-й армии. Для каждой

воинской части до войны был составлен мобилизационный план. По мобплану был составлен пофамильно список офицерского состава. При объявлении мобилизации они знали, куда должны явиться. Таким образом, в первый день войны офицерский состав роты прибыл в здание на ул. Вайнера.

Командир роты Вольхин Николай Иванович (трагически погиб в Свердловске <...> в 1944 году), комиссар Ткаченко Яков Тарасович (после упразднения институтов комиссаров был откомандирован на курсы, командовал батальоном, Герой Советского Союза, умер в 1981 году), а также пять командиров взводов, фельдшер, делопроизводитель, помощник командира по технической части, рядовой и младший комсостав – всего 282 человека, были сведены в роту.

За 23–25 июня было завезено всё необходимое для оснащения и обмундирования. Все автомашины, бывшие в эксплуатации, из хозяйственных организаций на пункт сбора прибывали заправленными, с комплектом инструмента.

В роте по штату было положено 105 автомашин. Для их стоянки требовалась площадь. По этому мобплану была предусмотрена свободная площадь, где сейчас находится стадион «Юность». На эту площадь автомашины с ипподрома (а он был местом, куда пригонялись машины из разных организаций) перегонялись ежедневно – с 26 июня до 10 июля, пока не был набран полный комплект. На площади помощник командира по технической части проверял исправность автомашин. Одна автомашина была признана неисправной, и её обратно перегнал на ипподром Косарев Яков Иосифович. <...>

Машины охранялись круглосуточно вооружёнными солдатами. Числа 13–14 июля 1941 года с площади, где стояли машины, шофёры перегнали автомашины на воинскую площадку (на «задах» железнодорожного вокзала), грузили на открытые платформы, закрепляли.

15 июля 1941 года выехали из Свердловска через Пермь, Киров, Ярославль на станцию Бологое. Первый эшелон проскочил, тут налетели немецкие самолёты, бомбили станцию, повредили

пути, и второму эшелону пришлось ждать, пока восстановили пути, часа три.

22 июля прибыли в Ржев, ночевали одну ночь и поехали в сторону Смоленска. Проехав 85 километров, остановились на ночлег, а утром вернулись в Ржев. Ночевали одну ночь и поехали по дороге в г. Торопец. С первого же дня по прибытии в г. Торопец часть машин была направлена в район, где шли бои: Невель, Великие Луки, Новосокольники. В этом рейсе потеряли две автомашины. Убито два человека.

В первых числах августа из района Новосокольники не вернулось 12 машин и 22 человека. Во время погрузки раненых они были обстреляны прорвавшимися немецкими танками.

Заключив с немцами договор «О ненападении», мы в какой-то степени, возможно, утратили бдительность. Репрессивные меры 1937–1938 годов, когда были уничтожены военные кадры, имеющие опыт боевых действий в гражданской войне, подорвали боеспособность армии, и когда началась война, в армии было недостаточно даже винтовок.

Полученные нами в Свердловске винтовки по приказу командования мы передали в запасной полк, где из разрозненных мелких групп разбитых частей формировались новые части, а чтобы обеспечить их, оружия на складах не было, поэтому его отобрали у нас, считая, что нам стрелять всё равно не придется.

При перевозке раненых грузили в автомашины с оружием. В госпиталях разгружали, и часть оружия оставалась в машинах. Таким образом, у шофёров вновь появлялось оружие. Трижды я сдавал оружие, а когда повез четвертый раз, у меня его не приняли, так как к этому моменту уже было выпущено автоматического оружия в достатке.

Весь состав был обмундирован полностью: шинель, пилотка, гимнастёрка, брюки, белья две пары, ботинки с обмотками. В зимнее время – валенки и полушубки. Финская война научила нас заботиться о солдатах. Тогда в армии не было или было недостаточно тёплых вещей, и у нас была масса обмороженных.

Из четырёх взводов из роты в августе 1942 года два взвода были переданы в 39-ю армию.

20 августа 1941 года бывший старшина роты во главе группы в 36 человек, годных к строевой службе, был откомандирован в запасной полк, откуда ушёл на передовую. Я был назначен старшиной роты, прослужил в ней до расформирования, т.е. до октября 1945 года.

Рота армейского подчинения всюду следовала за 22-й армией, [которая] входила в состав Западного, Калининского и 2-го Прибалтийского фронтов, а 22 апреля 1945 года из района Добеле в Латвии отбыла в Румынию. <...> Рота расформирована 20 октября 1945 года в Одессе. Все солдаты и офицеры были демобилизованы. <...>

27 декабря 1987 года

Толмачёв И.В.

Публикуется с машинописного текста, оригинал которого хранится в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

Письмо Юсупова с боевой характеристикой Ильина Георгия Павловича

Старшина Ильин Георгий Павлович, 1921 года рождения. Образование – 10 классов. На фронте Отечественной войны участвовал с июля 1941 года по май 1945 года. В батарее находился с мая 1944 года по август 1945 года. На должности командира орудия показал себя хорошо знающим своё дело и грамотным командиром–артиллеристом, дисциплинированным и требовательным к себе и к своим подчинённым, пользуется авторитетом среди личного состава и командиров подразделения.

Тов. Ильин Г.П. участвовал в героической обороне Ленинграда, в боях под Псковом и в боях за освобождение Советской Эстонии (г. Тарту), в боях за освобождение г. Данцига, острова и города Свинемюнде.

В оборонительных боях за Псков, выполняя отдельные задачи, тов. Ильин в боевых порядках нашей пехоты уничтожил 5 пулемётов (станковых) и до 20 гитлеровцев, а также неоднократно участвовал в выполнении боевых задач, всегда имел успех.

В боях по уничтожению окружённой группировки немцев восточнее города Данцига под сильным ружейно-пулемётным огнём выкатил своё орудие на расстояние прямого выстрела и огнём своего орудия разбил два орудия противника, тем самым способствовал продвижению нашей пехоты. При штурме населённого пункта Пылви (Эстония) разбил дзот с пулемётной точкой и уничтожил группу автоматчиков (6 человек) и огнём орудия дал возможность штурмовой группе захватить населённый пункт Пылви.

За отличные действия в боях за этот населённый пункт т. Ильин награждён правительственной наградой.

В боях за г. Тарту, действуя в составе стрелковой роты, огнём своего орудия уничтожил три огневые точки противника и первым из своего подразделения ворвался в город, за что он и весь его расчёт был награждён правительственными наградами. На его счету: подбит один танк, два орудия, уничтожено 7 огневых точек (пулемётов), две грузовые машины, 125 гитлеровцев, 7 повозок, два бронетранспортёра с крупнокалиберными пулемётами. <...>

подпись (Юсупов).

Боевая характеристика на командира орудия батареи пушек [калибра] 76 мм 284-го с.п. 86-й Тартуской стрелковой дивизии старшину Ильина Георгия Павловича, составлена 7 августа 1945 года и представлена командиром батареи капитаном Юсуповым.

Публикуется с рукописного оригинала письма Юсупова, хранящегося в личном архиве И.А. Дергачева, дело 610, ед. хр. 14, л. 1–4.

**Письмо о 183-м отдельном зенитном
артиллерийском дивизионе**
(фамилия автора не установлена)

<...> С большим удовольствием читал статью* и вспоминал давно минувшие грозные дни войны с немецко-фашистскими войсками.

Сразу же вспомнились знакомые города – Великие Луки, Невель, Новосокольники, Торжок, Торопец, Пено, Селижарово, Кувшиново, Андреаполь и др.

Вот уже 40 лет прошло с тех пор, а названия городов и прошедшие бои из памяти не выходят. <...>. Мои воспоминания и впечатления охватывают период с начала войны, с 25 июня 1941 года по июнь 1943 года.

После этого я был направлен на переподготовку на ком[андира] бат[ареи] отдельного истребительного дивизиона с нашей материальной частью (пушками [калибра] 85 мм), но уже на другом фронте – 1-м Украинском.

Обстановку на фронте и в районе нашей армии я всегда более или менее представлял. Командир дивизии майор Лисото и замполит нас всегда информировали. Наш дивизион непосредственно подчинялся начальнику ПВО 22-й армии полковнику Середину. В статье Вы упоминаете 137-й зенитный артдивизион, но наш 183-й ОЗПД (отдельный зенитный противовоздушный дивизион. – *Сост.*) нигде не отмечен. Мне не понятно, почему нет отражения боевых действий целого дивизиона. Дивизион сбил немало самолетов противника. У меня есть фотокопия из фронтовой газеты «Вперёд на врага!» от 30 июня 1942 года, заметка «Памятный день» – это день, когда меня принимали в партию и мне вручали партбилет в штабе фронта. Так в этой заметке указано, что наша батарея к этому времени уже сбила 9 самолетов

*Речь (здесь и далее по тексту) идет о статье И.А. Дергачева, напечатанной в журнале «Урал», 1981, № 8.

противника. Потом это [число] увеличилось еще, а по дивизиону – еще больше. Наш дивизион нес службу ПВО (противовоздушная оборона. – *Сост.*) почти на всех железнодорожных станциях, указанных выше. Особенно заслуживает внимания защита станций Невель, Селижарово, Торжок и др.

Возможно, так получилось из-за того, что он находился в резерве? Задачу ПВО железнодорожной станции Торжок наш дивизион выполнял с 16 октября 1941 года. У меня воспоминания самые незабываемые. Да, старинный русский город днем 15 октября подвергся варварской бомбардировке. Ночью, когда мы въезжали в город, то просто были поражены таким варварством. Мы увидели мёртвый город, основательно разрушенный. Во всём городе мы не встретили ни одного живого человека, даже кошек и собак. Все жители разбежались по ближайшим посёлкам. 16 октября, заняв огневые позиции вокруг ж.д. станции, где находились эшелоны для фронта, наш дивизион встал на противовоздушную защиту станции. С рассвета немецкие самолёты начали свои бомбардировки, которые прекратились только вечером. Батарея вела ожесточённый огонь по самолётам, не давая возможности для прицельного бомбометания. За один день было сбито и подбито 6 самолётов. За день батарея выпустила более 400 снарядов! Стволы пушек горели, к ним было трудно прикоснуться. Такого жаркого дня больше не помню. Много времени, дважды, до отступления и после освобождения, наш дивизион нёс службу ПВО [на] ст. Селижарово. Весной, когда растаял снег, мы увидели вокруг море ржавых осколков зенитных снарядов. Это – результат интенсивного огня по воздушному противнику. Так же несли [службу] ПВО и на других станциях. Об этих боях хорошо знал полковник Середин, который не раз наблюдал наши стрельбы на батарее. Помню, был случай, когда батарея стояла на небольшой станции между Торопцом и Великими Луками (точно не помню) в пасмурную погоду с низкой облачностью. На огневой позиции нёс службу (дежурство) только один расчёт (одно орудие). Остальные занимались в землянках. Вдруг из-за леса донёсся шум мотора, и командир орудия (я запомнил его

фамилию) скомандовал: «По штурмовой». Мы сделали только один выстрел и сбили фашистский самолёт Дорнье 215. Самолёт, [который] вёл ас с «железным крестом», упал и разбился в нескольких сотнях метров от батареи. Было ещё много других случаев, но всех не запомнил, хотя штабные работники в каждом случае составляли акты на сбитые самолёты.

2.12.1981 г. С уваж[ением], *подпись* (неразборчива. – *Сост.*)

Публикуется с рукописного оригинала, хранящегося в архиве И.А. Дергачева, дело 610, ед. хр. 16, л. 1–3.

Письмо Г.М. Зязина в редакцию журнала «Урал»

Журнальные статьи подполковника запаса Ивана Дергачева – «Победа ковалась в 41-м» и Николая Косача «Четыре первые недели войны» в журнале «Урал» (август месяц) представляют исключительный интерес [из-за] восстановления мало освещенных в литературе боевых действий в первый месяц войны четырехнедельной титанической борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, ворвавшимися превосходящими силами.

В этих двух журнальных статьях авторы описывают боевые действия 22-й армии и 112-й стрелковой дивизии, особенно героической борьбы 112-й и 98-й стрелковых дивизий под гор. Невель в июле 1941 года.

112-я с.д. начала боевое действие под городом Краслава, выдвинутым своим передовым отрядом, идущим навстречу противнику. Отрядом командовали капитан П.В. Зороастров, комиссар Наумов. В течение недели этот сводный отряд задерживал превосходящего в силе противника и дал возможность пройти и развернуться всей дивизии и другим подразделениям. Я был в составе сводного отряда, возглавлял небольшую санчасть и вместе со всеми принял боевое испытание под городом Краслава.

В обеих статьях можно проследить героический постепенный отход частей 22-й армии, а также полный героизма и трагедии борьбы [путь] 112-й стрелковой дивизии на рубежах город Краслава, река Сарьянка, озеро Фридзис, Бегисово – Росице – Идрица, Волынцы – Борковичи – Репище, г. Невель. На некоторых рубежах задерживались до 2–3 суток.

...И вот... подходили к последнему рубежу под г. Невель – селение Репище. К г. Невель дивизия подошла <...> 18 июля (уточнить надо. – *Автор*), а немцы заняли Ленинградское шоссе и г. Невель раньше, 15 июля (уточнить.– *Автор*). То есть в тылу дивизии дороги отхода были перехвачены. Немцы успели закрепить подходы к городу и Ленинградскому шоссе. Действительно, когда отдельные группы, в том числе и наши, пытались прорваться, то встретили вырытые в полный профиль окопы и врытые в землю отдельные танки.

Наш мсбат (медсанбат. – *Сост.*) развернулся в сосновом бору в километрах 12 от гор. Невель, в 3 километрах от деревни Репище и в 6–7 километрах от Ленинградского шоссе. Работали в палатках, лес защищал до какой-то степени видимости с самолетов, но не полностью.

Операционно-перевязочный блок работал сутками с небольшими часовыми перерывами. Раненых почти с первых часов развертывания не отправляли. Чувствовалось, что имеется уже окружение. Раненые сотнями сидели, лежали под соснами. Дни были жаркие, а ночи прохладные. Многие раненые были без гимнастерок. Ухаживающего медперсонала вообще не хватало, привлекались легкораненые к обслуживанию тяжелораненых. <...> Воды не хватало, трудно было доставить её. Расположение МСБ (медсанбата. – *Сост.*) подвергалось неоднократным налетам, прибавлялись вторично раненные солдаты.

«Вторую тысячу принимаю, – говорил врач из Добрянки Захваткин В.С., – где Копп, кто видел командира Коппа?»

Начальник санслужбы дивизии Н.И. Ложкин увидел меня и приказал: «Возьми две машины, поезжай в район дер. Репище,

там, по сведениям, оставлены раненые, на краю деревни, у кладбища. Найди, если возможно, вывези».

Действительно, направляясь в тыл к Ленинградскому шоссе, нашел со своим подразделением ст. лейтенанта Будкина. Рассказал поставленную передо мной задачу. Деревня с догоревшими домами находилась, по-видимому, в «ничейном отрезке». – «Предупреди своих, чтобы не подстрелили нас». – [сказал Будкин]. Мы подобрали 18 человек раненых.

Вот тут-то я уже понял, что мы в кольце окружения.

Автор Н. Косач указывает, что «19 июля через четыре недели после начала войны 112-я дивизия уральцев перестала существовать как войсковая единица».

Но еще 20–21 июля шли самые тяжкие бои под г. Невелем – Репище, и медсанбат принимал большое количество раненых. В 23 часа 21 июля командир 198-го МСБ А.Ф. Копп и начальник медицинской службы Рылов выстроили весь личный состав МСБ и дали устный приказ: «всему личному составу разбиваться на мелкие группы и выходить через занятое противником Ленинградское шоссе».

21-го июля 1941 года в 23 часа 198-й МСБ 112-й стрелковой дивизии 22-й армии <...> перестал существовать.

Мною и врачом Н.Н. Ковалевым была выведена самая большая группа медицинских работников – 36 человек, из 46 в начале. 10 человек потеряли при обстрелах и других обстоятельствах. Некоторые потерявшиеся вышли самостоятельно (встречи после войны). Вышли мы почти через месяц.

<...> Война только началась! Мы учились воевать! <...>

Ветеран 112-й стрелковой дивизии Зязин Георгий Михайлович, заслуженный врач РСФСР, хирург 198-го медсанбата.

Публикуется с рукописного оригинала письма, переданного редакцией журнала «Урал» И.А. Дергачеву (который был членом редколлегии этого журнала) и хранящегося в личном архиве И.А. Дергачева, дело 610, ед. хр. 19, л. 1–8.

Ф.С. Римских. О первых днях июля 1941 года

<...> Большая группа призывников, в основном учителей Коми АССР, была призвана в армию в феврале 1940 года. Все мы попали в 298-й стрелковый полк 186-й стрелковой дивизии. Полк стоял в городе Белорецке Башкирской АССР, а летом – в лагерях на станции Алкино, под Уфой.

В числах 15–17 июня 1941 г. нашу дивизию на станции Алкино погрузили в полном боевом вооружении в эшелоны, и мы поехали на запад. Нам также сказали, что мы поедем для участия в военных учениях, которые будут проходить в западных районах страны. О том, что началась война, мы узнали после полудня 22 июня на станции Бологое. Мы выставили на крыши вагонов зенитные пулемёты и поехали дальше на запад.

Позиции для обороны мы заняли 1 июля на берегу реки Западная Двина напротив посёлка Улла (Витебская область). Я свою позицию и свой окоп сейчас нашёл бы сразу. Я был командиром пулемётного отделения и одновременно помощником командира пулемётного взвода. Во взводе было два станковых пулемёта: один – «Максим» и один – на треноге (систему забыл). В расчётах двух пулемётов бойцов было немного. Помню Василия Бабина из Кировской области, Алексея Ряхова из Пермской области, Василия Пунтуса из Курганской области, Галимзяна Гайфуллина из Башкирии и некоторых других. Командиром взвода был молодой лейтенант по фамилии Зенков, если не ошибаюсь, так как он только что, в мае, прибыл после окончания Камышловского военного училища. Фамилию командира роты не помню, комбатом был капитан Гришин, командиром полка – полковник Волков, жилистый, сухопарый, настоящая военная кость, командиром дивизии – генерал-майор Н.И. Бирюков.

Расположились мы около шоссейного моста через Западную Двину. С левой стороны моста стояла казарма охраны моста, с правой – небольшой дзот. В дзоте мы поставили один пулемёт, а «Максим» – метров на 50 правее, где и окопались все. Потом

в дзот попал вражеский снаряд, и второй пулемёт мы перенесли тоже в свои окопы. Ширина полосы обороны была очень большая, поэтому у нас на расстоянии видимости не было соседа ни слева, ни справа, хотя мы знали, что наши стрелковые подразделения тоже в обороне стоят где-то рядом.

По мосту через реку шли бесконечной лентой отступающие войска и гражданское население. Затем, когда посёлок на том берегу заняли немцы, наши сапёры взорвали мост. Началась артиллерийская дуэль через реку, в посёлке начались пожары.

Примерно 6 июля немцы с утра начали жестокий артобстрел нашего левого берега. С трёх сторон появились вражеские самолёты – так называемый звёздный налёт – и начали бомбить, самолёты пикировали прямо на нас. При этом мы понесли потери. Одного бойца убило (его фамилия была Бездворный), командира взвода тяжело ранило в живот, Пунтуса и Гайфуллина ранило легко (в спину и в ягодицу).

И вот во время артобстрела и авиабомбёжки правее нас начался бой, значит, немцы форсировали реку. Затем бой стал удаляться в сторону нашего тыла. И тогда тяжелораненый командир взвода приказал нам уходить, если сумеем. Мы сняли замки с пулемётов и по канаве вдоль шоссе ушли. При отходе через позиции наших артиллеристов [увидели, что] там уже не было никого: ни артиллеристов, ни пушек (кроме подбитых и перевернутых вверх колёсами). При отступлении мы попали на дорогу, которая привела в Витебск, а затем в Смоленск. После реформирования мы попали в 30-ю армию, в 918-й стрелковый полк 250-й стрелковой дивизии и держали оборону на севере Смоленской области, обороняя райцентр Батурино и город Белый (Калининская область). 20 августа я получил тяжёлое ранение и попал в госпиталь. <...>

20 января 1981 г.

подпись (Ф. Римских)

Публикуется с рукописного оригинала, хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

Письмо П.С. Зябликова о Донец Ольге Васильевне

<...> Я – радиосвязист, принимал участие в боях О[течественной] в[ойны] в составе 6-й танковой бригады на Южном фронте. Инвалид войны.

Совет ветеранов 22-й армии я стремился найти, а значит, найти и командование 31-м полком связи, чтобы с их помощью возродить память о Донец Ольге Васильевне, служившей в их полку радиотелеграфисткой с 30.IX.[19]42 г. по 13.XI.[19]44 года.

С фронта Ольга вернулась тяжелобольной. И её, прикованную к постели, в возрасте двадцати пяти лет война настигла в ноябре 1947 года.

...Как только началась война, Ольга сразу же нашла своё место в борьбе страны с врагом – это фронт. Ведь она только что с отличием окончила Мамлютскую среднюю школу. Перед ней открывались двери институтов, а впереди обеспеченная, долгая, как у её родителей, жизнь. Но война... И по примеру девушек-патриоток России: Надежды Дуровой в Отечественной войне 1812 года, Даши Севастопольской в Крымской войне 1854 года, Антонины Пальшиной (кавалерист «Антон Пальшин») в империалистической войне 1914 года, Ольги Миронычевой (разведчик «Лёшка Миронычев») в Гражданской войне 1919 года, Ольга на второй день войны в военкомате попросила послать её на фронт.

О желании Ольги встать на защиту Родины сообщила своим читателям газета «Знамя труда» 6 июля 1941 года. И её примеру,



*Донец Ольга Васильевна –
радиотелеграфистка
31-го полка связи*

когда начался призыв женщин в армию, последовали многие девушки района, в том числе и две ее одноклассницы – Мария Черкасова и Александра Лягушкина. А вот девять её соучениц отказались тогда в 1942 году от призыва в армию, не захотели пойти защищать Родину. Теперь же им в дни Победы – почести, а Ольга забыта.

Ольга могла, как ее соученицы, отказаться от призыва в армию. Она хорошо понимала, что на фронте может погибнуть или от ран и болезней фронтовых не в свой час умереть. Но пошла... Ведь Родина в опасности! Страна призывает! Надо!

«Подвиг! Он всегда окрылён и бескорыстен. Человек идёт на него своею волей и по своей совести не для себя, для других. И во все времена не было цели величественней и благородней, чем защита Родины» (Е. Леваковская, писатель).

«Патриот тот, кто в самые трудные минуты для Родины берётся за самые трудные дела» (П. Павленко, писатель).

«Герой – это человек, который в решительный момент делает то, что нужно делать в интересах человеческого общества» (Ю. Фучик, писатель).

Ольга не могла знать этих определений людских достоинств, так как они появились в ходе и после войны, но её поступки им соответствовали.

У каждой реки есть начало. У каждого подвига есть истоки. Ольга была девушка доброжелательная, волевая. Росла не по годам смыслёной. И потому суждения её были деловыми и убедительными. Приятной внешности. С румянцем на лице и голубыми-голубыми, как небо, глазами. Находчивая и никогда не унывающая, она радовалась жизни и миру, ее окружавшему. Хорошая память позволяла ей в школе отлично учиться, и Ольга щедро делилась своими знаниями с соучениками. Активная общественница. Бессменный комсорг класса. Ее вежливость и доброта порождали дружбу. Она всегда была в окружении подруг. И среди людей, где бы ей ни приходилось быть, её уважали.

Эти штрихи ее короткой жизни говорят об отношении Ольги к людям и делу, которое ей приходилось исполнять, к судьбе Родины. В этом – истоки ее патриотизма, ее страстного желания быть на переднем крае борьбы с врагом.

Сейчас под лозунгом «Никто не забыт, ничто не забыто» музеи школ, в коих Ольга училась, просят рассказать о её жизни, чтобы Ольга для школьников стала примером и в учёбе, и в работе, и в защите Родины. Чтобы потомки завидовали и гордились ею.

Ольга в первый же день войны решила идти защищать Родину. И этот её высочайший патриотический поступок не мог не перейти на фронте в ратный подвиг. В Московской радишколе Ольга училась успешно. По приёму на слух и передаче на ключе занималась с отстающими. По окончании курсов была оставлена при радишколе инструктором, как сообщила Мария Черкасова (20.IV. 80 г.). Но фронт был в её мечтах...

Об Ольге я смог рассказать [только] о школьных годах, о работе ее до ухода в армию. А вот о её фронтовых, боевых делах желательнее, чтобы рассказали её однополчане. Напоминаю, что родители Ольги не однажды получали благодарственные письма от командования о ее службе, которые мне приходилось читать.

Ольга прибыла на фронт 30.IX.[19]42 года. Хотелось бы знать, в каком селе располагался в это время штаб армии, чтобы определить начало её фронтового пути. На её фотографии подписано: фронт, с. Зыково, сентябрь 1943 года. Здесь, по-видимому, стояли долго, до наступления на г. Холм (до 14.I.[19]44 г.). Пройденный армией путь хорошо прослеживается по книге «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. (краткая история)», изд[ания]. 1965 г. Он (путь. – *Сост.*) со времени наступления проходил из-под Селижарово – Нелидово – Белый – Холм – Новоржев – Новосokolьники – Резекне – Балдане – Елгава – Рига – Майры на Рижском взморье, откуда Ольга 13.XI.[19]44 года вернулась на Родину.

Символично то, что 22-я армия ушла на фронт из Свердловска ... А выполнив свою боевую задачу по защите Родины,

вернулась обратно в Свердловск: по-деловому, по-хозяйски, ратно. <...>

20. IX. 85 г.

Подпись

Публикуется с рукописного оригинала письма П.С. Зябликова, хранящегося в личном архиве И.А. Дергачева, дело 610, ед.хр. 18, л. 1–7.

Г.Б. Цукерман. Воспоминания о боевом пути

<...> В августе 1939 года был призван на срочную службу в ряды Красной Армии. Служил в 20-м артполку 17-й стрелковой дивизии во втором дивизионе в г. Горьком, связистом-разведчиком. В первых числах ноября 1939 года 17-ю с.д. из г. Горького перебросили в г. Ленинград, а оттуда мы своим ходом пришли на Карельский перешеек, к линии Маннергейма. Я занимался спортом, имел разряд по лыжам и все значки (ПВХО, ГСО, ГТО, «Ворошиловский стрелок»), был выносливым, и на Карельском перешейке мне всё это пригодилось.



Г.Б. Цукерман – участник
Великой Отечественной
войны

Мне довелось участвовать в боевых действиях на Карельском перешейке. Сильные морозы (–40...–45 °С), глубокий снег (более двух метров), озёра, болота создавали дополнительные трудности. Из всех родов войск участвовали артиллерия и пехота. Финны шутскоровцы сидели в дотах, дзотах, трудно пробиваемых для артиллерии. Линия Маннергейма строилась несколько лет по типу линии Зигфрида, но была более усовершенствованной. Финны были хорошими лыжниками-снайперами. В финской

армии были женские батальоны. Все подступы, а также дома, квартиры и даже предметы в них были заминированы. 2 марта 1940 года, во время корректировки огня на наблюдательном пункте (НП), я был ранен.

С поля боя меня вывезли на собачьей упряжке в Можайский эвакогоспиталь, находившийся в г. Пирке-Ярвы (недалеко от Ладожского озера). <...> 13 марта было объявлено о перемирии.

После госпиталя мне разрешили на 10 дней приехать домой. Однако через 5 дней я был отозван в свою часть, которая стояла в г. Дзержинске Горьковской области. Вскоре нас подняли по тревоге и, погрузившись в эшелоны, мы двинулись в путь. Через г. Житомир доехали до ст. Дно. Там разгрузились и своим ходом дошли до Прибалтики. Прибалтику прошли маршем и повернули на г. Полоцк Витебской области. Опыт наша 17-я механизированная стрелковая дивизия (МСД) уже имела большой, в смысле ведения боевых действий, совершения дальних переходов.

Весь личный состав дивизии состоял из кадровых военнослужащих. Дивизия была укомплектована двумя артполками (20-м ЛАП и 390-м ГАП) и тремя пехотными полками. Кроме того, имелись различные мелкие подсобные подразделения. Комдив Бацанов был старый, опытный кадровый офицер. 20-м лёгким артполком (ЛАП) командовал полковник Зуев, полковым комиссаром был Волкинштейн, 390-м ГАП командовал майор Колоколов Г.К. Пехотных командиров не помню. <...>

В первых числах нового, 1941 года, я был переведён из 20-го ЛАП в 390-й ГАП. В Полоцке имелись три Боровухи. Пехотные полки разместились в первой и третьей Боровухе, 20-й ЛАП – во второй Боровухе, штаб дивизии располагался между городом и второй Боровухой, в монастыре, а 390-й ГАП – за рекой Западная Двина. Полоцк считался укрепрайоном (УР). Летние лагеря нашей дивизии находились в 800 м от станции Дретунь. В дивизии находилось более 17 тысяч обученных, принимавших участие в венных действиях красноармейцев, командиров и политработников. Все они проживали раньше в разных

областях нашей Родины: в Белоруссии, на Украине, в Поволжье, в Казахстане, на Урале.

В 390-м ГАПе я занимал должность заместителя начальника артснабжения (т. е. боеобеспечения) полка. Начальником артснабжения был старший техник – лейтенант Щёголев.

В начале мая 1941 года по приказу командующего Белорусского военного округа, по тревоге, своим ходом дивизия перебазировалась в летние лагеря, располагавшиеся в городе Лида Гродненской области. Так как предстояли учения, с собой были взяты лишь учебные снаряды, а всё боевое снаряжение по приказу было оставлено в Полоцком гарнизоне. У меня хранились ключи от всех артскладов. В гарнизоне остались незначительные подразделения для охраны имущества, уборки и подготовки помещений к зимнему сезону.

В 390-м артполку было 4 дивизиона. В каждом дивизионе – по три батареи. Каждая батарея имела по четыре гаубицы [калибра] 122 мм, т. е. 12 гаубиц в дивизионе. Всего же в 390-м артполку было 48 орудий. В то время это была огромная мощь. Страшно подумать, что всё это погибло. Не говоря уже о 20-м ЛАП, где было столько же орудий, хотя и более мелкого калибра – 45 мм, противотанковые и 76 мм пушки на конной тяге.

Как же разворачивались боевые действия в Полоцком гарнизоне в первые дни войны? В наш гарнизон на ст. Дретунь за несколько дней до начала войны начали прибывать эшелоны с военной техникой с Урала. Прибывшая 112-я стрелковая дивизия разгружалась в почти пустом лагере, где не осталось даже охранения. Утром 22 июня 1941 года оставшиеся в Полоцком гарнизоне подразделения под духовой оркестр двинулись в город, где в Доме Красной Армии демонстрировался фильм о боях на Карельском перешейке, в которых принимала участие 17-я стрелковая дивизия (17-й мотострелковой дивизия стала называться после окончания финской компании). Но не успели посмотреть фильм. На сцене появился политработник и сообщил, что рано утром немцы перешли границу, идут кровопролитные бои, имеются убитые и раненые. В казарму вернулись без

оркестра и не соблюдая строевого шага. На душе у всех было тревожно. Мне поручили эвакуацию жён и детей комсостава на ст. Полоцк. Семьи комсостава удалось эвакуировать. Но по дороге немцы бомбили эшелоны, и мы долго не знали, кто же остался жив. В 1943 году, случайно, в городе Томске я встретил инженера, капитана Игольников, который, убежав из немецкого плена, нашёл свою семью в Томске. Игольников, уроженец города Тамбова, был начальником артснабжения дивизии. <...>

К вечеру с запада на горизонте появился самолёт. Он шёл сравнительно низко над полосой леса. Над городом самолёт слегка качнулся и начал кружить над станцией. На крыльях отчётливо виднелись кресты. Это был разведчик типа «Фоккевульф», которого мы потом назвали «рама». Покружив над станцией и городом, самолёт скрылся в западном направлении. На второй день появилась стая немецких бомбардировщиков в сопровождении истребителей. Сначала над станцией Дретунь они шли клином, потом, поочерёдно пикируя, начали бомбить станцию и наш лагерь, куда 2–3 дня назад прибыла 112-я стрелковая дивизия. После бомбардировки станции Дретунь немцы сбросили воздушный десант и отрезали нас от станции. Самолёты держали курс на восток. Со стороны Полоцка доносились глухие разрывы. Старший по команде приказал выдать личному составу новое обмундирование, усилить охранение, окопаться, изготовить из дерева чучела артиллерийских орудий, занять круговую оборону. Вместе с тем создавали впечатление о расположении артполка за городом, чтобы предотвратить бомбовый удар по городу. Но появились лица, переодетые в красноармейскую форму, которые сообщали об истинном расположении частей. Таким образом, наша затея не удалась.

На 3-й или 4-й день войны из «Осоавиахима» приехали в часть официальные лица с документами, разрешающими выдачу оружия. Я открыл артиллерийские и оптические склады, по документам выдал винтовки, патроны, гранаты, бинокли, противогазы, шанцевый инвентарь. Все документы о выдаче оружия я хранил до тех пор, пока не попал в окружение под городом

Великие Луки. Там я всё сжёг, а комсомольский билет зашил в голенище своих яловых сапог.

В лесу, между Боровухой и нашими летними лагерями, начали действовать вражеские группы. Их сбрасывали на парашютах то в форме армейских командиров, то милиционеров. Чаще всего они появлялись под видом беженцев, то и дело светились сигнальные ракеты. Предатели всех мастей сопровождали нас почти до самого Торопца. Распознать их было трудно. Фашистские лётчики днём и ночью чувствовали себя полными хозяевами неба. Они бомбили дороги, переправы, мосты, обозы и уходящее в тыл население.

У меня в арсенале имелись станковые пулемёты. Один из них я оставил себе и установил на крыше оптического склада, расположенного недалеко от линии железной дороги Полоцк–Брест. При появлении немецких самолётов я открывал огонь. На пятые или шестые сутки войны я подбил один бомбардировщик. Он упал на опушке леса. Из города приехали пожарники, начали тушить, но самолёт горел, как порох, вспыхивали взрывы, и на месте падения самолёта остались одни обломки и пепел.

Полоцк пришлось оставить на следующий день. Магазины грабили, предатели создавали панику. При выезде из города была птицефабрика. Гуси бегали по дороге, машины давили их. Шёл сильный тёплый дождь. Мы двигались лесом. Дорога (большак) была под контролем вражеского разведчика. «Рама» сутками висела в воздухе: одна улетит, появляется другая. Самолёт, как коршун, парил в воздухе. Мы шли на Великие Луки. Связи с 17-й МСД (мотострелковой дивизией. – *Сост.*) не было. На пути попадались разные люди, утверждавшие, что все погибли. <...>

В густых хлебах укрывались группы диверсантов. Стояла страшная жара, солнце пекло во всю июльскую силу. Воздух дрожал от зноя. Нас мучила жажда, но водоёмы были загрязнены, завалены падалью и мусором. Навстречу всё чаще попадались беженцы. Усталые, многие – босые. Они несли узлы и испуганных бомбёжками детей. По обочинам дороги брел скот. Среди

беженцев были и диверсанты. У подозрительных я проверял документы. Поток беженцев мешал нам окопаться и занять оборону. Диверсанты, переодетые в нашу форму, будучи обнаруженными, оказывали упорное сопротивление.

Я рано поседел. На войне пришлось повидать немало чудовищных злодеяний немцев. Мы отступали по шоссе Себеж – Новосокольники (недалеко от г. Пустошка). В районе д. Галузино нас засекла немецкая авиация. Наперерез был выброшен воздушный десант. Все стали пехотинцами, начался кровопролитный бой. Снарядов у нас не было, лошади погибли от голода, пуль и бомбежек. У нас были винтовки и бутылки с зажигательной смесью, но мы разгромили этот десант. В головной машине немцев было два знамени из красного и белого шелка, на которых нарисованы череп и перекрещенные кости. У убитых офицеров имелись документы, фотокарточки, губные гармошки. Немецкие знамена я использовал как портянки.

В районе д. Ленино Калининской области мы получили новые пушки-гаубицы [калибром] 152 мм, и нам присвоили новый номер – 440-й арtpолк резерва Главного командования особого прорыва. Авиация на нашем пути действовала группами по 9–12 самолетов. Как только, отбомбившись, улетала одна группа, сразу же являлась другая. И так волна за волной. Гитлеровцы решили к концу лета 1941 года пройти по Москве, но просчитались. Осенью 1941 года они перешли на деревянные ботинки. На головы надели подшлемники, а сверху – пилотку. Они уже тогда поняли, куда они пришли своим «блицкригом». Это были уже не те немцы, что 22 июня 1941 года. Осенью многие из них падали, как мухи. На всем нашем пути они сыпали мусор фашистских листовок с призывами: «штык в землю, бейте комиссаров! Москва уже взята. Вам гарантируется хорошая жизнь». В листовках помещались разные фотоснимки. Паролем должен был служить белый платок. На это почти никто не шел, за исключением предателей, которых мы не сумели вовремя распознать.

Дорога шла на Псков и далее на Ленинград. Из района Варшавы – на Минск, Смоленск, через Калинин – на Москву.

Эту дорогу мы перерезали. Потери были большие. Люди, измученные, усталые, голодные, иногда бросали трехлинейку, каски, противогаз, оставив сумку от противогаза для продуктов и всякой мелочи. Были случаи, когда закапывали комсомольские и партийные документы в землю. Всё это прекратилось после приказа Главкомандующего, в котором говорилось, что за это будут судить полевым судом. Люди шли на соединение со своими частями из Белоруссии и Прибалтики. В состав вновь сформированного 440-го артполка входили не только остатки 390-го ГАП, но и другие подразделения. Люди не знали друг друга. У многих солдат не было документов, приходилось верить словам.

Старых кадровых военнослужащих я знал, со многими прошел финскую войну, они были преданы Родине. Но просачивались лазутчики, необходима была предельная бдительность. 440-й артполк пополнялся вышедшими из окружения, приходило новое пополнение.

Меня назначили офицером связи. Связь с подразделениями осуществлялась через специальных посыльных. Телефонной и кабельной связи не было. Рация почти бездействовала, так как не было аккумуляторов и подзарядной станции. Все приказы, донесения, ежедневные пароли и отзывы передавались через офицера связи. Летом пешком, а зимой на лыжах осторожно добирались до места. Первое время я ходил один, но потом вышел приказ, запрещающий ходить в одиночку. В случае попадания к врагу пароль необходимо было уничтожить (сжечь или проглотить). Были случаи, когда немцы распарывали живот с целью получить секретную бумагу. Меня в этом смысле «Бог миловал».

Тылы 174-й и 186-й стрелковых дивизий, которые мы поддерживали, были далеко, так как г. Калинин переходил из рук в руки. Транспорт с продовольствием часто попадал под жестокую бомбежку, продовольствие приходилось добывать у местного населения. Это было рискованно, в деревнях жили немцы. Если бы в то время нам было до наград, то всех нас надо было бы отметить, по меньшей мере, медалями.

Помню такой случай. В батарее было две пушки [калибра] 152 мм (раньше, в 20-м и 30-м ГАП было по 4 пушки), в дивизионе – 6; каждый дивизион занимал определенный участок и поддерживал пехоту. Но снарядов на огневой позиции не было. Я вместе с трактористом тягача ЧТЗ (трактор без кабины) вызвался поехать в дивизионный артсклад за снарядами. Артсклад 186-й стрелковой дивизии находился на станции Брилево Калининской области. Нам отдали последние 40 ящиков, т. е. 40 снарядов. Каждый ящик весил 80 кг, но мы были молоды и здоровы, и погрузить их нам ничего не стоило. На обратном пути нас настиг немецкий корректировщик. <...> Буквально в считанные минуты прилетели шесть бомбардировщиков и начали свою «психическую» атаку. С ревом, гуськом, один за другим на сниженном полете кружили они над нами, сбрасывая свой смертоносный груз. Но то получался перелет, то – недолет, а прямого попадания не было. Снаряды были без дистанционной трубки, так что вибрация была не страшна. Мы оба легли под трактор, чтобы уберечься от шальной пули. Это был изученный метод – когда попадаешь под авиацию, бегать и метаться по полю бесполезно. Атака кончилась, и мы вернулись на позицию невредимыми, выполнив задание, ведь снаряды для артиллериста – это хлеб. <...>

2 марта 1942 года политотделом 22-й армии я был принят в члены ВКП(б). Это происходило в землянке под г. Молодой Туд. Рекомендации дали мне батальонный комиссар Горбань и старший политрук Захаров. Я сдал свой комсомольский билет, который был со мной в окружении под Великими Луками, зашитый в голенище сапога. <...>

Однажды весной 1942 года, когда я возвращался с задания в дивизию, на опушке леса я услышал выстрелы. Оказалось, что баловались дети возле одного сарая, а по ним кто-то стрелял. Несколько мальчиков школьного возраста и девочка постарше испугались. Одному мальчику пуля раздробила кость правой ноги. Девушку, которая оказалась его сестрой, звали Лида. Я помог ей оказать раненому первую помощь и отвез

в расположенный поблизости эвакогоспиталь. Помню, Лида рассказывала, что училась на втором курсе Калининского медицинского института. Когда в город пришли немцы, она вместе с братом бежала к родным, в деревню. Их отец и старший брат были на фронте. Девушка благодарила и приглашала приехать после войны.

У немцев была специальная «факельная команда», которая сжигала и опустошала всё на своем пути, создавала дома терпимости (один такой дом мы разгромили в г. Ржеве).

Наши огневые позиции были недалеко от г. Андреаполя. Частенько пушки [калибра] 152 мм стреляли прямой наводкой по видимым глазом дотам и дзотам противника. История войн не знала, чтобы пушки [калибра] 152 мм стреляли с открытой огневой позиции с видимого глаза. Вообще, в эту войну были опрокинуты многие положения учения об артиллерии. Как-то днем стало известно, что нам надо будет сменить огневые позиции и занять более выгодные, оставив деревню около Андреаполя. Мы были голодны, но брать что-либо у населения запрещалось. Однако мы понимали, что утром придут немцы и заберут у жителей последнюю курицу, яйца, молоко, хлеб, скот. У меня всегда были две красноармейские фляги с водкой. Был в дивизионе стройный красноармеец, казах по национальности, Аринов (родом из Семипалатинска), а у него была лошадь с упряжкой и сани. И вот поздно вечером, когда немцы были уже в нескольких километрах от деревни, мы поехали в крайний дом и взамен водки раздобыли живого бычка. На огневой позиции его разделали и раздали всем по куску мяса. Походной кухней тогда почти не пользовались, каждый варил в своем котелке во время затишья. О том, что таким образом удалось накормить солдат, начальство не знало, но когда в январе 1943 года я уезжал из части в Новосибирск на учебу в Военно-политическое училище, то этот случай рассказал.

За время службы в армии я был связистом, ординарцем-разведчиком у командира 2-й батареи 20-го артполка, зам. начальника артиллерийского снабжения, младшим политруком, офицером

связи, командиром танкового взвода, начальником квартирно-эксплуатационного отдела (КЭО).

Артиллерия в Великой Отечественной войне сыграла колоссальную роль. До самых последних дней войны она была одной из главных ударных сил. Конечно, танки – сила немалая, но много ли их было в начале войны? Немецкие танки донимали нас, их были сотни, тысячи. Артиллеристы в 1941 году действовали как стрелки, пулеметчики, саперы. Вся тяжесть отступления легла на их плечи. Цель немцев была предельно ясна: уничтожить нашу армию в кольце, расчистить себе путь на Москву. Правда, в районе Торопца им удалось загнать нас к озеру, но за Торопцом мы устроили им хороший «блицкриг». Из Торопца они бежали без оглядки, оставив сотни троп и технику. Торопец был освобожден.

В конце апреля 1942 года меня послали на тракторе ЧТЗ с трофейной немецкой конной тележкой в г. Кувшиново Калининской области за подарками, присланными из тыла к 1 Мая. Штаб 22-й армии находился в Кувшиново. Начальник продснабжения выделил нашему 2-му дивизиону часть подарков. До штаба мы доехали благополучно, а вот на обратном пути наехали на противотанковую мину. Мины были заложены нашими саперами, никаких указателей не было. Тягач вышел из строя – разорвалась гусеница, щечки и соединительный палец. От взрывной волны я и тракторист вылетели на обочину. Более суток мы соединяли гусеницу катанкой, но в расположение части всё привезли в целости. Мне попал подарок из города Можайска от девушки по фамилии Абрамова. В нём был кисет для табака, кусок туалетного мыла, белые вязаные перчатки, одеколон и фотография. На ней было написано: «Дорогой защитник Родины! Убивая фашистов, ставь черточки на фотографии по краям. Если места не хватит, то я взамен пришлю другую». Эти слова принадлежали писательнице Елене Кононенко и взяты из ее книги «Твоя фотография».

Мы не только отступали, но и освобождали многие населенные пункты, такие как Селижарово, Нелидово, Белый в Калининской и Псковской областях.

В первых числах нового 1943 года кадровых фронтовиков вызвали в политотдел армии и направили учиться. Меня послали в Новосибирское военно-политическое училище. Сначала я приехал в Новосибирский военгородок, а оттуда поехал в г. Бердск, расположенный в 40 км от Новосибирска, на берегу Оби. Со всех фронтов собралось несколько тысяч политработников. Всех разместить не сумели, и я был откомандирован в город Томск, где в то время находилось Днепропетровское артиллерийское училище. В Томске, помимо этого училища, были еще ТАУ-1 и ТАУ-2 (Томское артиллерийское училище), Белоцерковское пехотное, Ленинградское техническое и много других военных училищ, которых я теперь не помню. Учились недолго. После занятий работали на Томской спичечной фабрике, мыловаренной фабрике, в Барабинских степях собирали полевой лук, рыбачили на реке Чулымка. Продуктов не хватало. Начала проявляться цинга, и для курсантского котла нужны были овощи.

Армия и фронт в начале 1944 года остро нуждались в танкистах, знающих танки иностранных марок. В этой связи из многих артучилищ в разные города посылали офицеров на учебу. Я попал в г. Казань, в Краснознаменное танковое училище <...> и стал слушателем третьего батальона 7-й роты. Начальником училища был полковник Живлюк, ставший в скором времени генерал-майором танковых войск. Зам. начальника училища был полковой комиссар Шишов, получивший потом звание полковника. Моим 3-м батальоном командовал подполковник Терентьев – старый кадровый офицер, ленинградец. Зам. командира по политчасти был капитан Кива. До войны он был директором школы в Харькове. В октябре 1944 года он погиб <...>.

В Казани было еще одно училище. Оно называлось Высшее бронетанковое. Сейчас – это Казанское танковое техническое училище. В том училище, где я учился, было 4 батальона. Первые два – курсантские, остальные – слушательские. Бывшие политработники становились строевыми командирами. Мы изучали танки иностранного производства «Валентин», «Матильда», «Шерман». После курсов в ноябре 1944 года

меня откомандировали в г. Баку (Закавказский военный округ) в 27-й учебный танковый полк на должность командира учебного взвода. Там меня переаттестовали старшим лейтенантом. Наш полк находился в г. Баку, в Соляных казармах, а лагеря располагались в Кусарах (в сторону Махачкалы). Полк готовил механиков-водителей танков, башенных стрелков, радистов, наводчиков и заряжающих, комплектовал экипажи для танков иностранных марок. Иностранные танки получали через Иран, разгружали в Бакинском порту. На ст. Баладжары их грузили на платформы и отправляли на фронт. Командиром полка был гвардии подполковник Вилекжанин, а начальником штаба – Гриша Сальников из г. Волжска Саратовской области. Победу я встретил в 27-м танковом полку. После Победы полк стали расформировывать, танки грузили на суда и возвращали союзникам. <...>

Я <...> прибыл для дальнейшей службы в Казанское танковое училище <...>. В конце 1946 года наше училище расформировали, и в первых числах 1947 года я ушел на «гражданку». Так закончилась моя военная служба. <...>

17.02.–15 04. 1983 г.
г. Казань

Цукерман Г.Б.

Публикуется с машинописного текста с рукописным сопровождением и личной подписью, хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

И.Н. Мишустин. Военные эпизоды

[Эпизод 1] Под Холмом в 1943-м

<...> Мне как ветерану Вооружённых Сил, участнику многих боёв, хотелось бы поделиться воспоминаниями о боевых товарищах, которые, не щадя своей жизни, сражались с фашистскими захватчиками на новгородской земле.



Командир 54-й отдельной стрелковой бригады полковник Н.М. Уральский

Наша 54-я отдельная стрелковая бригада под командованием полковника Н.М. Уральского в начале июля 1943 года заняла позиционную оборону на участках восточнее населённых пунктов Сопки, Тычкино и шоссе на дороге Локня–Холм. Оборона наших войск проходила по непроходимым болотам и лесам, где трудно было окопаться, построить блиндажи и организовать систему огня. Такие условия изматывали солдат и ставили их в тяжёлое положение.

Фашистские войска оборонялись в населённых пунктах, занимая и господствующие высоты, и выгодные рубежи. Деревни Сопки и Тычкино были превращены в мощные узлы сопротивления, каждый дом был приспособлен под огневую точку, подходы заминированы и опоясаны проволочными заграждениями. На отдельных высотах построены НП (наблюдательные пункты. – *Сост.*), с которых хорошо просматривалась наша оборона. Фашисты по видимым целям часто наносили ураганный артиллерийский огонь. Особенно большие потери нёс второй батальон майора Жукова, занимавший оборону восточнее Тычкино. Обстановка на нашем участке обороны была тяжёлая.

19 августа 1943 года командир бригады решил провести разведку боем переднего края обороны противника и вскрыть систему огня. Для этого моему взводу было приказано ночью перейти линию фронта, а утром, по сигналу зелёной ракеты, атаковать с тыла опорный пункт противника, расположенный юго-восточнее населённого пункта Сопки, на отдельной высоте в роще. Своими боевыми действиями взвод должен [был] приковать внимание противника, вызвать огонь на себя и дать

возможность взводу лейтенанта Гусева неожиданно ворваться в деревню Тычкино и захватить пленного. Время для проведения операции было выбрано в тот момент, когда фашистские вояки после завтрака уйдут на отдых и оставят в обороне незначительные силы для прикрытия. Мы воспользовались этим распоряжением дня немцев и с тыла ворвались в оборону противника.

Фашисты не ожидали нашего появления и были застигнуты врасплох. Они в беспорядке стали выскакивать из блиндажей, и мы тут же расстреливали их в упор. Потеряв важный опорный пункт в обороне и оставив на поле боя 17 убитых, гитлеровцы подтянули роту свежих сил и перешли в наступление.

Мы встретили их организованным огнём из автоматов и пулемётов, но силы были неравны. Враг наседал и кричал: «Русс, сдавайся, капут!». Солдаты не дрогнули и стояли насмерть.

В критический момент боя особенно отличились командиры расчётов станковых пулемётов Шавыткин и Шелудяков. Они накануне боя освободили станковые пулемёты от передков, сняли щиты и смонтировали их на деревянных подставках. Пулемёты стали лёгкими и маневренными. В бою они появлялись то на одном, то на другом участке и вводили врага в заблуждение.

В разгар боя расчёты вышли на фланг противника и открыли перекрёстный огонь. Гитлеровцы не выдержали натиска и отступили, оставив на поле боя 19 убитых солдат и офицеров. Как мы были рады, когда в окопы была подана связь! У аппарата находилась совсем юная девушка Дуся Виноградова из Холмского района. В тяжёлую минуту её можно было видеть на самых опасных участках боя. Так было и на этот раз. Мне было приказано любой ценой удержать захваченный участок обороны противника. Фашисты повторили яростную атаку. На этот раз они зашли с тыла и приблизились к нам вплотную, стали забрасывать гранатами. Понесли и мы большие потери. Более половины личного состава вышло из строя. На исходе были боеприпасы, но командование не оставило нас в беде. На помощь подошло подразделение капитана Маликова, которое зашло в тыл

фашистам. Гитлеровцы были зажаты с двух сторон и полностью уничтожены. Занятый нами опорный пункт имел важное значение для гитлеровцев. Они потеряли господствующую высоту с её наблюдательными пунктами, лишились возможности контролировать нашу оборону и вести прицельный огонь. Теперь хозяевами положения в обороне стали мы. Огневое превосходство над противником перешло в наши руки.

Взвод лейтенанта Гусева выполнил поставленную задачу: без потерь ворвался в опорный пункт и уничтожил более 30 фашистских солдат и офицеров, захватил пленного.

При подходе к своей линии обороны разведчики праздновали победу, но неожиданный артиллерийский налёт омрачил их радость. Командир взвода Гусев был смертельно ранен и похоронен с воинскими почестями.

По трудным дорогам шли мы ко дню Победы. Многие мои товарищи не дожили до этого светлого дня, навечно остались на Новгородской земле, в Прибалтике, Восточной Пруссии и других местах.

Уходят годы. Седеют головы ветеранов войны. Растёт новое поколение, которое должно знать, как сражались с врагами нашей Родины их отцы и деды.

[Эпизод 2] Смелое решение

Много лет прошло с тех пор, как наши войска вели ожесточённые бои за город Холм. С восточной стороны город представлял собой развалины от артиллерийской канонады. Высоко в небе поднимались столбы красной пыли. Город на Ловати напоминал осаждённую крепость. Враг бесновался. Он занимал выгодные позиции. Кирпичные здания были превращены им в мощные узлы сопротивления. Особенно сильно свирепствовали вражеские снайперы.

Оборона наших войск представляла собой тяжёлый, изматывающий участок: разрушенные деревянные здания, траншеи, выкопанные в болотистой местности, причиняли много неприятностей нашим солдатам.

Наша 54-я отдельная стрелковая бригада под командованием полковника Н.М. Уральского частенько приводила в ужас врага не только на земле, но и под землёй. В 40–50 метрах от врага расположилась наша первая рота 2-го батальона. Часто происходили гранатные стычки, но взять «языка» было очень трудно. Находясь в обороне более двух лет, гитлеровцы превратили передний край в неприступный бастион, опутав его сетью проволочных заграждений, установив массу минных сурпризов.

Перед нами стояла задача: достать «языка» с малыми для себя потерями, пробраться в оборону противника под землёй. В течение октября – декабря 1943 года первый взвод под моим командованием проводил подкоп под вражеский дот. Сначала работа шла успешно, но появление грунтовых вод усложнило обстановку. Сутками трудились солдаты по пояс в воде. В дело пришлось пустить механизацию. При помощи вращающегося ворота, троса и лодки землю по воде вывозили к своей обороне. Работа шла к концу, когда упавший в 2–3 метрах от вражеского дота снаряд пробил отверстие в подкопе, которое в ночное время могло нас демаскировать (подкоп в ночное время осуществлялся при освещении шахтёрскими лампами). Но солдатская хитрость не позволила противнику обнаружить нашу затею. Отверстие тут же было замаскировано белыми солдатскими маскхалатами. И при необходимости мы могли из-под белого покрывала рассматривать немецких часовых. Наконец наступила развязка. Фашисты содрогнулись от неожиданности, когда наши смельчаки выскочили из-под мёрзлой корки земли и обрушились на врага.

Гитлеровцы стали отступать, но круговые траншеи не позволили им сделать это. Немцы оказались у нас в тылу.

Разгорелся бой. Многие мои боевые товарищи погибли. Как будто наяву стоят перед глазами старшина Гатауллин – из Казани, старшие сержанты Иванов – из Ленинграда, Юсупов – из Кировской области, Миляха – с Крайнего Севера, Рябинин – с Урала, Голов – из Тамбовской области и другие. Они пали смертью храбрых, с честью выполнив боевое задание.

[Эпизод 3] Бой за станцию Насва

В начале января 1944 года войска 2-го Прибалтийского фронта готовились к нанесению сокрушительного удара по немецко-фашистским захватчикам восточнее железнодорожной магистрали НовоСокольники – Дно.

54-я отдельная стрелковая бригада под командованием полковника Н.М. Уральского сосредоточилась на подступах к НовоСокольникам и ждала сигнала для прорыва вражеской обороны. Скопление наших войск вызвало тревогу у противника. Гитлеровцы стали спешно подтягивать силы на помощь НовоСокольническому гарнизону за счёт оголения других участков фронта.

Замысел нашего командования состоял в том, чтобы ввести в заблуждение противника, заставить его как можно больше сосредоточить сил и средств в районе города НовоСокольники, а затем произвести перегруппировку своих частей и прорвать оборону немцев на другом направлении. В поздний зимний вечер 12 января 1944 года войска Н.М. Уральского под покровом темноты были сняты с НовоСокольнического направления и переброшены в лес восточнее станции Насва. До прихода частей в новый район сосредоточения туда были поданы танки, сотни артиллерийских орудий и миномётов различных калибров, подвезены боеприпасы и много других боевых средств. Всё это тщательно замаскировали и подготовили к боевым действиям.

Накануне наступления хорошо изучили местность. Продумали все варианты боя. Во всех частях и подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания. Личный состав бригады был тщательно подготовлен к предстоящему сражению, снабжён металлическими нагрудниками для защиты от пуль и осколков. Чтобы опознать своих в ночное время, поверх белых халатов бойцы надели вещевые мешки.

Наступление наших войск началось в ночь с 13-го на 14-е января 1944 года, когда фашистские солдаты и офицеры отмечали новогодний праздник и были пьяны. Неожиданная 40-минутная артиллерийская подготовка распорол тишину и ошеломила

противника. Вражеская оборона была прорвана. Ожесточённые бои развернулись на участке Сопки – Заболотье.

Батальон майора Салихова с ходу занял деревню Сопки, дальше по пути была деревня Заболотье – важный опорный пункт немцев. Здесь, конечно, никто не ожидал в ночной час появления советских воинов. В стане врага поднялся переполох. Фашисты выскакивали из домов в нижнем белье. Вскоре всю деревню усеяли трупы гитлеровцев. Здесь, в Заболотье, был разгромлен штаб 559-го полка «СС». Батальон Салихова перерезал железную дорогу и, таким образом, оказался в тылу у врага. Опомившись, немцы решили воспользоваться этим и уничтожить смельчаков. Имея численное превосходство, окружили батальон и ринулись в контратаку, а затем вводили в бой всё новые и новые силы.

Мужественно сражались наши воины, отстаивая занятые позиции. Но силы были неравные. Раненый комбат Салихов лёг у пулемёта и в упор расстреливал гитлеровцев. Благодаря героизму советских воинов противник так и не смог вернуть деревню Заболотье. Майор Эсед Салихов до последней минуты оставался в строю. Он погиб в неравном бою от потери крови. 4 июня 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Э.Б. Салихову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Не менее упорные бои велись на участке наступления батальона майора Жукова за деревни Федорухиново, Ягодкино, Шейналово, северо-восточнее станции Насва. Батальон



Герой Советского Союза
Эсед Салихов

встретил яростное сопротивление фашистов на подступах к переднему краю вражеской обороны. Пути подхода к ней были заминированы и прикрыты лесными завалами.

Тяжёлая обстановка сложилась на правом фланге батальона. Рота капитана Г.А. Малкова попала под сильный артиллерийский и пулемётный огонь. В первые же минуты боя командир роты вышел из строя. В этот критический момент мне пришлось принять командование подразделением и повести бойцов в атаку. При подходе к переднему краю обороны противника огонь вражеских пулемётов достиг наивысшего напряжения. Наши воины, пренебрегая опасностью, шли на штурм по пояс в снегу, пробираясь через лесные завалы. И вот фашисты не выдержали, дрогнули и стали отходить.

В первой траншее мы обнаружили шесть пулемётов, прикованных к специальным вращающимся установкам. У пулемётов валялись десятки вражеских трупов, горы стреляных гильз. Противник старался любой ценой удержать деревню Шенайлово, расположенную на другом берегу реки Смердель. Крутой берег реки был заминирован и залит ледяной водой. Но и здесь мы сломали сопротивление захватчиков.

Уцелевшие огневые точки были блокированы. Пьяные вражеские солдаты и офицеры стали сдаваться в плен со словами на русском языке «Я – румын», хотя все они были одеты в немецкое обмундирование.

Особенно ожесточённые бои развернулись на подступах к Насве. Враг всеми силами, любой ценой стремился удержать важный опорный пункт, расположенный на железнодорожной линии НовоСокольники – Дно. Подступы к станции были прикрыты проволочными заграждениями и установлены мины натяжного действия. Наши наступающие части противник встретил ураганным огнём из орудий и пулемётов.

При преодолении проволочного заграждения у нас появились убитые и раненые, возникло замешательство. Тогда командир взвода лейтенант Г.С. Анохин с криком «Ура! За Родину!» увлёк воинов вперёд. Сам он был тяжело ранен и повис

на проволочном заграждении, а подчинённым приказал: «Преодолевайте заграждение через меня».

Когда наши воины заняли вторую оборонительную позицию, фашисты предприняли яростную контратаку. Завязался рукопашный бой. Войска перемешались: и советские воины, и гитлеровцы были в белых маскхалатах. Но мы знали, в кого стрелять. У немцев не было вещмешков, надетых поверх маскировочных халатов.

Противник оставил на поле боя до 300 солдат и офицеров убитыми.

Наши потери были намного меньше, так как все воины имели каски и металлические нагрудники. В этом бою я получил тяжёлое ранение в ногу. Выходить с поля боя пришлось попластунски, с помощью солдата Липина.

На фоне утреннего рассвета мы увидели группу человек 10–12 и с радостью направились к ним, думая, что это свои. Но когда приблизились на 30–40 метров, услышали немецкую речь. Гитлеровцы заметили нас и стали освещать ракетами, кричать: «Русс, сдавайся!». Шли они к нам скученно, друг за другом, по глубокому снегу. Мы воспользовались оплошностью немцев, подпустили их на 15–20 метров и уничтожили из автоматов.

За этот бой я был награждён орденом Александра Невского. В наградном листе было записано: «При прорыве обороны противника в районе деревни Шенайлово 14.01.1944 г. лейтенант Мишустин И.Н., командуя стрелковым взводом, первым ворвался в траншеи противника, уничтожил при этом два пулемёта. Лейтенант Мишустин И.Н. лично взорвал противотанковой гранатой блиндаж, в котором находилось 10 немцев. Будучи ранен, он не покинул поле боя, пока не форсировал своим взводом реку Смердель и ворвался в сильно укреплённый опорный пункт противника в д. Шенайлово». (Основание: ЦА МО СССР, ф. 33, оп. 686044. дело 2899, л. 44. Приказ войскам 22-й армии № 043 от 17.02.1944 г.).

Ожесточённые бои войск 2-го Прибалтийского фронта за станцию Насва и железнодорожную магистраль Новосоколь-

ники – Дно имели стратегическое значение. Здесь наши воины оказали помощь Ленинградскому фронту по окончательному снятию блокады с города на Неве.

И. Мишустин

Участник Великой Отечественной войны, подполковник, находился на фронте в составе 54-й отдельной стрелковой бригады 22-й армии с 1.06. 1943 по 14.01. 1944 гг.

Тексты «Под Холмом в 1943-м» и «Смелое решение» были опубликованы в районной газете «Маяк». Орган Холмского райкома КПСС и районного Совета народных депутатов Новгородской области за № 56(7030) 8-го мая 1980 года и № 50 (5390) 28 апреля 1970 года – к 25-летию Великой Победы соответственно. Текст «Бой за станцию Насва» опубликован в газете «За урожай» (Новосокольнический район Псковской области), 26 июня 1975 года, № 76 (5881). Фотографии заимствованы из Интернета.

Публикуются по оригиналам изданных воспоминаний, хранящихся в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

В.В. Коблов. Эпизоды из боевой жизни Героя Советского Союза Александра Пелевина

Новый командир дивизии, полковник М.Ф. Букштинович, сменивший в марте 1943 года генерал-майора С.А. Князькова, готовил наступательную операцию по овладению мощным опорным пунктом врага – Бекезы. Село Бекезы находилось на восточном берегу реки Ловать. Здесь имелись хорошо развитая сеть траншей и ходов сообщения, проволочные заграждения, противопехотные и противотанковые минные поля. Окружающая местность была несколько выдвинута в нашу оборону и позволяла противнику просматривать глубину боевых порядков полка. С целью получения новых сведений о противнике в конце мая 1943 года полковник Букштинович М.Ф. приказал начальнику разведки дивизии майору Богомолу Алексею Александровичу

провести поиск, разведать передний край обороны противника, захватить контрольного «языка». Для выполнения этого задания в помощь дивизионным разведчикам командир сапёрного батальона майор Трофимов выделил отделение младшего сержанта Пелевина. Требовалось тщательно изучить систему неприятельской обороны, поэтому на протяжении недели и днём, и ночью сапёры вместе с разведчиками выдвигались на нейтральную полосу, а в некоторых местах и почти к проволочным заграждениям



Герой Советского Союза
Александр Пелевин

противника, чтобы установить, когда происходит смена у фашистов, где пулемётные точки. Изучали местность, по которой можно было безопасно и быстро достичь проволочного заграждения и минного поля, чтобы проделать в них проходы.

Подготовка к поиску была закончена. Младший сержант Пелевин А.В. со своими подчинёнными Ахматулиным Н., Дигиным Н.И. и Синкевичем Н.Я. выдвигались вместе с группой захвата по намеченному основному маршруту. Но во время подготовки к поиску майор Богомолов А.А. указал и запасной [маршрут], который должен быть использован, если противник обнаружит разведчиков.

Так оно и случилось. Когда сапёры приблизились к проволочным заграждениям, гитлеровцы обнаружили группу захвата и открыли огонь из пулемёта и автоматов. В эти критические минуты младший сержант Пелевин А.В. решил отвлечь внимание противника на себя. Он остался на том месте, где Дигин и Синкевич сделали проход в проволочных заграждениях, но не успели

сделать проход в минном поле. Александр продолжал резать проволоку один. А тем временем его подчинённые Ахматулин, Дигин и Синкевич скрытно отползли метров на двести в сторону запасного маршрута и незаметно для фашистов обезвредили полтора десятка мин и перерезали проволочный забор в три ряда кольев. Находившийся рядом с ними разведчик подал сигнал: путь свободен. Группа захвата по проделанному проходу бросилась вперёд и ворвалась в траншеи противника. Схватка была молниеносной. Два разведчика скрутили фашиста, тут же связав ему руки и ноги, втолкнув в рот кляп, и вместе с подоспевшими сапёрами потащили пленного к нашим траншеям. К ним присоединилась вся группа захвата, которая в момент борьбы с «языком» вела автоматный огонь по траншеям и блиндажу противника. Отстреливаясь, начала отход и группа прикрытия. Отвлекавший на себя внимание фашистов Александр Пелевин благополучно возвратился в наши траншеи. Операция по захвату «языка» в районе опорного пункта Бекезы закончилась успешно. Вместе с разведчиками и сапёрами за эту операцию младший сержант Пелевин А.В. приказом командира дивизии был награждён медалью «За отвагу».

В разгаре было лето 1944 года. Наша дивизия прошла с боями десятки километров, причём половину из них – в отрыве от главных сил. Продвигавшийся в авангарде дивизии 235-й стрелковый полк должен был ударом с ходу овладеть участком дороги Двинск – Рига в районе станции Ликсне, а следующий за полком сапёрный батальон, которым командовал Трофимов, должен [был] взорвать полотно железной дороги на флангах занятого участка и оказать содействие стрелковым подразделениям в закреплении на занятом рубеже. Выполнение этой боевой задачи на правом фланге вместе с наступающими войсками 4-й стрелковой роты старшего лейтенанта Сафонова обеспечивал со своим отделением сержант Пелевин А.В. Пехотинцы первыми захватили железнодорожную насыпь, в рукопашной схватке уничтожили около двух десятков фашистов, а 12 захватили в плен. Вместе с пехотинцами отважно дрались и сапёры.

Под вражеским обстрелом отделение сержанта Пелевина доставило к месту подрыва 50 килограммов взрывчатых веществ и своевременно взорвало полотно железной дороги. В это время со стороны Двинска под самый светофор подошёл воинский эшелон фашистов, следовавший на Ригу. Благодаря действиям сапёров движение поездов на этом участке было прекращено.

За успешное выполнение боевого задания по взрыву железнодорожного полотна в районе станции Ликсне приказом командира дивизии сержант Пелевин А.В. награждён орденом Красной Звезды.

«За мужество и героизм, проявленное в боях во время декабрьского наступления 1944 года на Тукумском и Салдусском направлениях, – рассказывают авторы трёхтомника «Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне», в третьей книге «Завершающий этап», – звание Героя Советского Союза было присвоено красноармейцу 301-го стрелкового полка 48-й стрелковой дивизии Гавриилу Епифановичу Собянину, командиру батареи 699-го истребительного противотанкового полка, капитану Павлу Андреевичу Дудчику, младшему технику-лейтенанту 8-го гвардейского тяжёлого танкового полка, механику-водителю танка КВ-122 Виктору Михайловичу Скачкову». Но авторам трёхтомника осталось неизвестным имя участника этих боёв – сапёра, командира отделения 67-го отдельного сапёрного батальона 28-й Невельской Краснознамённой стрелковой дивизии, старшего сержанта Александра Васильевича Пелевина, которому также было присвоено звание Героя Советского Союза. <...>

Декабрь 1944 года. Советские войска почти полностью очистили родную землю от гитлеровских захватчиков. И только в северо-западной части Советской Латвии, в районе между Тукумсом и Либавой, тридцать вражеских дивизий продолжали отбиваться с упорством обречённых. Весь Курляндский полуостров немцы покрыли густой сетью противотанковых рвов, проволочных заграждений, минными полями и долговременными огневыми точками.

Войскам 2-го Прибалтийского фронта и Балтийскому флоту Верховный Главнокомандующий поставил задачу: не допустить ухода фашистских войск, оказавшихся в «Курземской изоляции» и прижатых к морю от реки Барта до Тукумса. 22-я армия занимала жёсткую оборону северо-западнее города Добеле. В конце октября в её состав приказом командующего 2-м Прибалтийским фронтом была включена 28-я Невельская Краснознамённая стрелковая дивизия, которая вела боевые действия на левом фланге армии. В первой половине декабря она начала подготовку к наступательной операции по расчленению и уничтожению Курляндской группировки в общем направлении на Лестене. Два полка дивизии (235-й и 144-й) должны были наступать в первом эшелоне, в направлении населённых пунктов Пламши и Уши.

Готовился к наступлению и 67-й отдельный сапёрный батальон. Местность в районе предстоящего наступления была сильно пересечённой: высотки сменялись лощинами, лощины переходили в овраги. Справа от населённого пункта Пламши виднелась голая роща, ещё месяц назад дополнявшая своей красотой местный пейзаж. Погода стояла пасмурная, солнце не показывалось неделями. До этого дожди так размочили землю, что по ней трудно было передвигаться. А в начале декабря начались заморозки. Завядшая трава, голые кустарники и деревья покрылись льдом. В этих условиях сапёрам предстояло изучать будущий участок боевой работы.

Командир батальона, майор Трофимов, побывав на рекогносцировке местности, решил на самый трудный участок направить отделение коммуниста, старшего сержанта А.В. Пелевина. Он не раз выезжал к ним на передний край, где они вели наблюдение за противником и изучали систему противопехотных препятствий, уточняли границы минных полей на подступах к населённому пункту Пламши.

Однажды, во время выхода отделения Пелевина с комбатом на передний край, наблюдение за противником вели из траншей. Каждому сапёру был назначен свой сектор наблюдения. Командир отделения подходил то к одному, то к другому солдату. Вот

он подошёл к рядовому Дигину Н.И. и спросил: «Что установили наблюдением?». Дигин, указав на груды валунов с издолбленной вокруг землёй, ответил: «Вижу дзот противника. И добавил: трудно будет пехоте выбивать фашистов из этого гнезда. По дзоту должна хорошо поработать артиллерия прямой наводки». «Это верно, – заметил старший сержант, – но и наш брат сапёр может рвануть его так, что одна яма останется».

Наблюдением было установлено, что в Пламши фрицы оборудовали огневые точки в домах и кирпичных сараях. За несколько суток, отведённых командованием, сапёры вдоль и поперёк промерили, исползали по-пластунски овраги, осмотрели кустарники. Обнаружили, что в минных полях, кроме противотанковых мин были установлены не просто противопехотные мины, а мины, известные под названием «шпринг-минен» (т.н. прыгающая мина). Эти мины доставляли немало неприятностей сапёрам. У них в верхней части всегда обнажались усики, которые как бы предупреждали: меня не трогать! В результате наблюдения рядовые Н. Ахматулин и Н.Я. Синкевич установили, что в ряде мест фашисты поставили мины в неизвлекаемое и в необезвреживаемое положение.

Во время изучения сапёрами переднего края обороны гитлеровцы периодически открывали стрельбу из автоматов, пулемётов, а то и миномётов. Но это не было большой помехой для бывалых воинов. Было ясно, что фашисты вели огонь только для того, чтобы успокоить себя.

В ночь на 23 декабря 1944 года старший сержант А.В. Пелевин получил задание от своего командира батальона майора Трофимова: в полосе наступления дивизии проделать для пехоты и танков проходы в проволочных заграждениях и минных полях. А.В. Пелевин, получивший сапёрскую выучку в мирные годы, уже заранее, во время изучения своего участка, наметил пути подхода к позициям противника. Командир подтвердил решение старшего сержанта и, провожая подчинённых на выполнение ответственной боевой задачи, посоветовал: «Помните, ребята, декабрьские ночи хоть и самые длинные в году, но вы

не знаете, сколько мин предстоит снять, сколько колючей проволоки придётся перерезать за быстро бегущие минуты этой ночи». И всё это надо сделать так, чтобы ни единой мины не осталось на пути тех, кто завтра, вслед за огненным валом арналёта бросится в атаку на траншеи противника. Напомнил и то, что работу предстоит выполнять под самым носом у фашистов, поэтому каждый должен действовать сноровисто, быстро и чётко, не допуская случайной оплошности. Соблюдайте строго последовательность при разминировании.

В ответ на советы командира Пелевин сказал просто: «Попробуем выполнить задание с честью». Сапёры молча направились к переднему краю обороны противника, и было ясно, что совсем не зря несколько дней подряд отделение изучало передний край, примечало каждый кустик, каждую кочку.

Пелевин и его боевые товарищи хорошо ориентировались в темноте и быстро продвигались вперёд. Слева от командира с миноискателем полз Н. Ахматулин, справа, подталкивая впереди себя шупы, – Н.И. Дигин и Н.Я. Синкевич.

Непросто было обезвреживать мины. Многие из них оказались схвачены ледяной коркой. Дигин, сбросив рукавицы, пытался остро отточенным ножом протыкать обледеневшую землю, кусачками разрезал натяжную проволоку, а затем вывинчивал взрыватели. Под конец руки у него совсем «зашлись» от холода, но проход в минных заграждениях был всё же обозначен. Вместе с рядовым Ахматулиным они подползали к проволочным заграждениям. Дигин попытался разрезать проволоку, но пальцы рук плохо слушались и едва удерживали ножницы. Работа не клеилась. В это время подполз командир отделения и посоветовал Дигину подышать на пальцы и погреть их. А сам взял ножницы, беззвучно перерезал проволочные петли возле самых колышков, на которых крепилась «колючка», и оттащил обрезки железных нитей в сторону. Ловко, сноровисто и совершенно бесшумно работал Александр Пелевин, увлекая своим примером подчинённых.

Сапёры уже проделали несколько проходов в минных полях и проволочных заграждениях. Трудное и опасное дело

близилось к концу. И в этот момент гитлеровцы заметили сапёров и открыли по ним огонь из всех видов пехотного оружия. Рядовые Н.И. Дигин, Н.А. Ахматулин получили смертельные ранения. Видя гибель товарищей, старший сержант Пелевин вместе с рядовым Синкевичем, пренебрегая опасностью, продолжали незаконченную работу. Огонь противника усиливался. Автоматные очереди чередовались с разрывами гранат. Геройски пал Н.Я. Синкевич. А командир отделения продолжал своё дело до тех пор, пока окончательно не разминировал последний проход. При отходе к своим траншеям мужественный сапёр был сражён фашистской пулей.

Утром полки дивизии пошли в наступление. В проходы, проделанные сапёрами-пелевинцами, ринулись в атаку советские пехотинцы. Они прорвали многотраншейную оборону противника и овладели населёнными пунктами Пламши, Уши, Расас, Пампари.

За успешное выполнение боевого задания рядовые Н.И. Дигин, Н.А. Ахматулин, Н.Я. Синкевич командованием 67-го отдельного сапёрного батальона были представлены к ордену Отечественной войны I степени, а их командир – к высшей воинской награде Родины.

В выводах наградного листа Александра Васильевича Пелевина командир 67-го отдельного сапёрного батальона майор Трофимов записал: «За беспримерный героический подвиг и самопожертвование, ради выполнения Приказа во имя Родины, ходатайствую о присвоении посмертно звания Героя Советского Союза».

Родина высоко оценила мужество и отвагу коммуниста, старшего сержанта А.В. Пелевина. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. По этому случаю во всех частях и отдельных подразделениях дивизии были проведены митинги и беседы.

Похоронен А.В. Пелевин на воинском кладбище города Добиле Латвийской ССР. На его могиле благодарными добельча-

нами установлен обелиск, возле которого никогда не вянут живые цветы.

Свято чтут память Героя трудящиеся города Добиле, его земляки из села Кубенское Вологодского района и боевые друзья-однополчане.

Публикуется с машинописного текста с рукописными вставками автора, хранящегося в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург). У документа есть рукописная обложка. Дата написания – г. Ровно, 1979 год.

С. Гейченко. Незабываемое

Несколько лет тому назад мне выпало большое счастье близко встретиться с замечательным писателем-фронтовиком Сергеем Сергеевичем Смирновым.

Я принимал участие в его работе по созданию короткометражного фильма из серии «Поиск», посвящённого разгрому гитлеровцами пушкинского Михайловского и восстановлению его в послевоенные годы.

До этого Сергей Сергеевич несколько раз бывал в заповеднике и как участник пушкинских праздников, и как просто паломник. Мы много беседовали о том, что случилось в заповеднике в 1941–1944 годах и как проходил наш поиск музейных ценностей и пушкинских реликвий, увезённых фашистами. Всё, что накопилось в моей памяти за послевоенные годы, всё, что было написано мною в докладах и сообщениях Академии наук, на которую правительством была возложена ответственность за работу по воссозданию заповедника, обо всём этом я поведал Сергею Сергеевичу. Эти мои сведения легли в основу его фильма.

1944 год. Гитлеровцы только что закончили сооружение своей оборонительной линии «Пантера». Она тянулась через весь заповедник из края в край вдоль Сороти и Великой. Она казалась гитлеровским генштабистам неприступной: многоярусные доты,

дзоты, бункеры, блиндажи, окопы, рвы, «волчьи ямы», минные поля, бесконечные ряды колючей проволоки. И всё это на огромном пространстве...

И вот начался поединок. На северной стороне Сороти встали войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов; на южной – там, где Михайловское, Тригорское, Петровское, Святогорье, – фашисты. На кромке леса, тянущегося по всей окраине Михайловского – от древних «ямских ворот» до «границы владений дедовских», – на вершинах старых высоких деревьев – хитро придуманные фашистами вышки – «гнезда» для их наблюдателей и снайперов. Всё сделано, как говорится, «на большой палец»: отретпетировано, задекорировано, закодировано особыми знаками, позывными сигналами. Вяз, что перед домом Пушкина, упёршийся своей вершиной чуть не в небо, был зашифрован словом «Пушкин». Старая ганнибаловская ель, что на околице, – словом «Абрам». Кстати, теперь на месте снайперского гнезда – гнездо аиста, а аист, как известно, по народной примете – символ мира и благоденствия места! Трёхсотлетняя высоченная кудрявая сосна на околице – [обозначалась словом] «Няня». Пушкинский клён, что у «домика няни», имел кличку «Онегин»...

Фашисты хорохорились: они старались всячески продемонстрировать русским, что им-де всё нипочём. «Пантера» неприступна, – твердили они. Им даже было весело. То вдруг в парке эсэсовцы заставляли играть духовой оркестр – звучали бравурные марши, вальсы и даже «Очи чёрные», то вдруг взлетали в небо целые букеты разноцветных ракет. Наконец загорелись и гигантские костры – это запалили дом поэта и разные усадебные постройки... Чего-чего только не придумывали фашистские вояки. Но скоро они услышали грозные предупреждения, с театральщиной было покончено. К деревне Зимари подошли наши «Иерихонские трубы» – походные радиостанции со сверхмощными усилителями, и начались грозные передачи «пантеровцам». Радио грохотало так, что его и глухие хорошо слышали; казалось, будто с неба кричал сам легендарный бог Саваоф. Разговор шёл по-немецки: «Дойче зольдатен... Вам всё равно

«капут». Сдавайтесь... Уходите немедленно с пушкинской земли... Вы скоро будете окружены. Идёт «капут», «капут»! Помните, скоро день рождения великого русского поэта Пушкина. Он здесь хозяин. Он с нами. Его дух с нами. За каждый грех, причинённый пушкинской земле, вас ждёт тяжёлая расплата!». Особенно сильно, гневно, убедительно звучал голос сына известного немецкого писателя-антифашиста Вилли Бределя, который по просьбе его отца был записан в радиороту Прибалтийского фронта...

Сам Вилли, как известно, выступал по радио под Сталинградом...

Эсэсовцы сатанели. Их снайперы искали радиомашину. Но, увы ... Она стояла за Зимарями... Наши стрелки выискивали фашистских снайперов. И находили их. Вот к клёну – «Онегину» полетели два снаряда. Снайпер с гнездом кувыркнулся в бездну – и ау! Второй снаряд не разорвался, а лишь ввинтился в землю. Его, кстати, обнаружили в 1946 году, когда стали лечить дерево.

Снайперское гнездо на старой сосне стояло долго – до 1947 года. Труп снайпера был гитлеровцами похоронен на их солдатском кладбище, которое было расположено в Пушкинских Горах, неподалеку от средней школы, в которой тогда был гитлеровский застенок...

Проходя сегодня по дорожкам и аллеям парка Михайловского, ищешь следы войны. Их сразу не заметишь. Большинство ран, нанесённых войной, давно зажили. По-прежнему перед домом поэта стоит вяз. Вот у него много следов от ран. Он – ветеран. Гордо и величественно шумит старое дерево, своей кроной рассказывая о былом, чудовищном, неповторимом...

У домика няни – клён. Старый-старый. И не один теперь, а два. Они растут от одного пня: разорвавшийся снаряд разделил ствол дерева на две части. Раны зажили и теперь растёт не одно дерево, а два. А на сосне, что на околице, до сих пор видны остатки снайперского гнезда. А на ганнибаловой ели, той, на которой была снайперская вышка, сейчас живёт семья аиста.

Будете в Михайловском, обязательно остановитесь перед живым современником Пушкина. Полюбуйтесь ею, послушайте

барабанную дробь аиста, который приветствует своей песней всех добрых людей, идущих на поклон к великому поэту.

С. Гейченко,
директор Государственного музея-
заповедника А.С. Пушкина

*Текст воспроизводится по публикации в газете «Пушкинский край»
№83(7730) от 11 июля 1981 г., с. 2.)*

А. Шевченко. Память огненных лет

На автомагистрали Москва – Ленинград, у поворота к городу Конаково, навечно застыла на пьедестале легендарная «катюша». На постаменте памятника надпись: «Отсюда, остановив врага, части 185-й стрелковой дивизии в декабре 1941 года перешли в наступление, освобождая родную землю от немецко-фашистских захватчиков».

Многие белгородцы знают, что 185-я с.д. была сформирована в нашем городе в 1939 году на базе 163-го стрелкового полка, о чём свидетельствует мемориальная доска на здании облвоенкомата, где был штаб дивизии. На мемориальной доске – путь дивизии, которая в декабре 1940 года была передислоцирована в район Себеж, Опочка, Идрица Калининской области и приняла первый бой с фашистскими захватчиками в районе Сластовка, западнее города Даугавпилс. Именно здесь открыли свой боевой счёт бойцы дивизии, среди которых было немало белгородцев. Сдерживая продвижение наступающего противника, дивизия в ожесточённых боях нанесла врагу огромные потери в живой силе и технике.

Части дивизии совместными действиями с другими соединениями войск приостановили продвижение противника и заняли прочную оборону на левом берегу реки Ловать. Они сковали силы противника на широком фронте и целый месяц не давали ему возможности вести наступление.

Потекли суровые фронтовые будни. У военного времени, как известно, свой счёт. После прорыва нашей обороны противником в районе Калинина дивизия была переброшена на станцию Лихославль, где 22 октября вступила в бой за село Медное, выбила оттуда фашистов и вышла на северную окраину Калинина, прикрыв основные шоссейные и железнодорожные магистрали.

16 ноября 1941 года фашистские войска начали генеральное наступление на Москву. 185-я с.д. была передана в состав 30-й армии и в районе города Конаково включилась в битву за Москву.

Здесь особенно отличился 280-й стрелковый полк. На его 6-ю стрелковую роту наступали 12 танков и две роты пехоты противника. Зажигательными бутылками, гранатами и двумя противотанковыми орудиями рота подбила один тяжёлый и три средних танка, заставив остальные повернуть обратно.

Участок роты был перепахан минами и снарядами, но ни один человек не ушёл с занимаемых позиций: каждый решил защищать Москву до последней капли крови. Рубеж был удержан.

В начале декабря, когда противник перешёл к обороне, дивизия в составе 30-й армии оказалась в выгодном оперативном положении, нависая с севера над флангом немецкой группировки, и 6 декабря 1941 года вместе с другими соединениями фронта перешла в решительное контрнаступление, закончившееся полным разгромом Клинско-Рогачёвской группировки противника.

Успех операции зависел от героических действий каждого солдата, каждого офицера дивизии. В бою за деревню Рябинки 6 декабря 1941 года сержант 1319-го стрелкового полка В.В. Васильковский, чтобы поддержать затихшую было от огня противника атаку, закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота. Его товарищи овладели деревней. Молодой коммунист Вячеслав Викторович Васильковский посмертно был награждён орденом Ленина, а на месте подвига установлен обелиск.

У деревни Архангельское 7 декабря проявил героизм политрук 7-й роты 280-го стрелкового полка Н.П. Бочаров. Он заменил в бою командира роты и повёл за собой бойцов, которые

стремительным ударом овладели деревней, продвинулись в тыл противника. Здесь они захватили два фашистских орудия и огнём из них уничтожили роту вражеских солдат.

За эти боевые действия Николаю Павловичу Бочарову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Так начинался славный боевой путь 185-й Панкратовско-Пражской ордена Суворова стрелковой дивизии.

О трудных фронтовых дорогах, которыми шли к победе воины дивизии, лучше всего говорят награды и почётные звания, завоёванные её отдельными частями. 1319-й стрелковый Краснознамённый ордена Кутузова полк, 280-й стрелковый Сохачевский ордена Суворова полк, 257-й стрелковый Варшавский ордена Суворова полк, 695-й артиллерийский Варшавский орденов Александра Невского и Богдана Хмельницкого полк и другие – все они внесли свой посильный вклад в общую победу над врагом. <...>

А. Шевченко,
ветеран 185-й с.д.

Публикуется по тексту из газеты «Белгородская правда» № 108 (14921) от 9 мая 1979 года, приложенной к краткой справке о 185-й стрелковой дивизии В. Розанова и В. Зазулина (см. часть I). Оригинал находится в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург).

Б. Солонин. «Гордиться славой своих предков»

У каждого воина, прошедшего по длинным дорогам войны, остались в памяти какие-то по-особому запомнившиеся картины боёв и сражений. Есть такое и у ветеранов 33-й Холмско-Берлинской Краснознамённой ордена Суворова стрелковой дивизии, входившей в 1943–1944 годах в состав 22-й уральской армии, сформированной в городе Свердловске.

С января по июль мы участвовали в боях на территории Псковской области, в ходе которых гитлеровские захватчики

были изгнаны из Новосокольнического, Локнянского, Бежаницкого и Новоржевского районов, а затем и из мест, связанных с именем великого русского поэта А.С. Пушкина – Михайловского, Тригорского, Петровского, Святогорского монастыря и других населённых пунктов Пушкиногорского района.

Особенностью боевых действий в этом районе являлось то, что мы не могли штурмовать Михайловское, не могли стрелять из орудий и миномётов по святым пушкинским местам. Наши пушки стреляли по целям, находившимся на пресловутой линии обороны фашистов – «Пантера», северо-западнее Пушкинских Гор и Государственного Пушкинского музея-заповедника.

Цели были обнаружены заранее артиллерийской и другими войсковыми разведками. Артиллерийской разведкой руководил свердловчанин майор Н.П. Сухотин. <...> А связь в войсках обеспечивал своими подразделениями свердловчанин подполковник И.А. Дергачев. <...>

Гитлер утешал своих вояк, обещал им передышку и отдых в укреплениях «Пантеры», но с отдыхом у фашистских солдат ничего не получилось! Наши воины захватили плацдарм на господствующих высотах в районе Чёртовой горы. Населённые пункты Кузовиха, Подсосонье, Гнилуха, Мошино, Стречно, Чёртова гора, Горушка, Печане и другие были освобождены от фашистских захватчиков навсегда.

Но враг никак не хотел смириться со своим поражением и по 13 раз в день переходил в контратаки, пытался сбросить наши войска в реку Великая, но у него ничего из этого не получилось!

В боях за плацдарм и освобождение Пушкиногорского района отличились воины стрелкового батальона легендарного комбата 33-й дивизии майора Шолмова. Тогда же был ранен осколком вражеского снаряда и его заместитель – капитан И.П. Лебедев. <...> Дивизионные сапёры и разведчики под руководством капитана Писанко незаметно для противника сделали проходы в минных полях и проволочном заграждении. Разведчик К.В. Разумовский <...> дошёл до Берлина!

Начальник штаба 73-го полка подполковник В.С. Татаринов умело руководил взаимодействием нашей пехоты и артиллерии. Мне тоже довелось участвовать вместе со многими боевыми товарищами в боях за плацдарм до 15 апреля 1944 года. Многие наши воины навечно остались лежать на пушкинской земле, но враг был изгнан отсюда навсегда!

На пушкинской земле после войны я побывал уже дважды. Проехал по территории бывшего плацдарма, мимо озера Стречно, Чёртовой горы и мимо того места, где ранее стояла деревня Печане... Познакомился с новой усадьбой колхоза «Ленинский путь». Проезжая по железобетонному мосту через речку Петь, я вспоминал, как выполнял боевую задачу генерала Шафаренко в конце июня 1944 года...

А затем были тёплые встречи с местными жителями и, конечно, посещение пушкинских музеев.

Здесь, в Пушкинских Горах, с особой силой чувствуешь величие творчества поэта и мудрость его слов, начертанных на входе в музей Петровского: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно».

Б. Солонин,
бывший командир батальона,
кавалер ордена Александра Невского.

Публикация из газеты «Пушкинский край» от 19 ноября 1981 г. с .3. Оригинал из архива Н.П. Сухотина в настоящее время находится в Музее боевой славы Урала (г. Екатеринбург). На газетной вырезке есть дарственная надпись:

«Николаю Петровичу Сухотину от автора. Подпись, 15.12.81».

Ю. Валит. О моем однополчанине

<...> Участники Великой Отечественной знают, какие ожесточенные, невероятно упорные и кровопролитные бои шли в районе Ржева в начале 1942 года. Только что враг был отброшен от Москвы. В это время наша 380-я дивизия влилась в 22-ю армию Калининского фронта.

Мы наступали. Уже был освобожден г. Нелидово, завязались бои за Белый. За три дня с 20 февраля наша дивизия овладела 25 населенными пунктами. Жгучая ненависть к врагу захлестывала душу, когда мы видели, что натворили гитлеровцы на нашей земле.

Запомнилось село Васильцево. Фашисты расстреляли колхозницу Некрасову с четырьмя детьми за то, что ее муж и отец [находились] в Красной Армии. Освободили мы 22 февраля деревню Кузовлево. Деревни не было, гитлеровцы, отступая, сожгли её. А до того как поджечь, заходили в дома и расстреливали всех, вплоть до грудных детей.

Через четыре дня противник перешел в контратаку при поддержке танков и авиации. Минометная рота лейтенанта Б.Н. Солонина должна была удержать рубеж у деревни Васьково. Наблюдательный пункт командир роты выбрал себе на вершине сосны, впереди огневой позиции своих минометчиков. Отсюда было отлично видно, где скапливались гитлеровцы, готовясь идти в атаку, и Солонин давал команду: «Огонь!»; видно, где пулеметные гнезда, где минометы, и рота получала точные координаты, снова звучала команда: «Огонь!». Оттуда же, с сосны, Солонин заметил полевую кухню, подождав, пока возле нее соберется побольше гитлеровцев, лейтенант дал приказ своим минометчикам, и они «угостили» врагов градом мин.

Две недели не выходила из непрерывающегося боя рота Солонина, а 6 марта Борис Николаевич был ранен и эвакуирован в эвакуогоспиталь. В нашу дивизию он не возвратился, и только много лет спустя я узнал о судьбе своего однополчанина. Б.Н. Солонин, командир батальона в 33-й стрелковой дивизии прошел от города Холм Новгородской области до Прибалтики. Был еще трижды ранен, заслужил орден Александра Невского и боевые медали.

Ю. Валит,
подполковник в отставке,
бывший политработник
380-й стрелковой дивизии.

Публикация из газеты «Уральский рабочий» от 11 июня 1978 г., с. 4. Оригинал газеты хранится в личном архиве И.А. Дергачева, дело 610, ед.хр. 11.

И.А. Дергачев.
Заметки о Великой Отечественной войне

О малом и большом на войне

Я расскажу вам о маленькой стычке моего взвода с немцами 22 августа 1941 года.

В ночь на этот день мы были посланы в район села Бегуново в пяти километрах от имения Жижина, где родился М.П. Мусоргский. Задача была сформулирована кратко: противник силой до 25 автоматчиков при поддержке одного танка просочился через боевые порядки нашей пехоты, перешедшей в наступление. Взводу было приказано его обнаружить, остановить и уничтожить. На рассвете мы встретили раненого шофёра, который сказал, что неподалеку его обстреляли из кустов. Развернув взвод, я стал продвигаться по обочине дороги в кустах. Пройдя полкилометра, я услышал шум мотора, а спустя минуту из-за поворота дороги выползла легковая открытая машина с офицерами в серых мундирах. В сознании как-то не сразу возникло – перед нами немцы. Мы обстреляли эту машину, уложив на месте двух офицеров, но вызвали на себя море огня. На другую сторону дороги выползли три танка, поодаль остановились машины с двумя минометами. За танками выскочили на поляну десятка два мотоциклистов с двумя пулеметами. Огня фашистов хватило бы на добрую роту...

Они воевали по всем «правилам»: они не могли предположить, что огонь открыт с такой короткой дистанции, они никак не думали, что можно обстреливать танки, не имея перед собой заминированной полосы. Немцы вели огонь через наши головы, дальше, а танки их стояли на месте и, стреляя из пушек и пулеметов, боялись двинуться на нас...

Через некоторое время, когда огонь чуть приутих, мы прекратили обстрел мотоциклистов и минометчиков и отошли за противотанковый ров, оказавшийся поблизости.

Когда меня отправляли на задание, то сказали, что мой взвод сменяет части дивизии, которая должна выйти в этот

район. Не получив приказа об отходе, мы заняли круговую оборону в березовой роще, но частей дивизии так и не дождались. Задержавшись на два часа, немцы двинулись дальше, и тогда мы поняли, что встретились с танковой дивизией фашистов. Мимо нас прошло около двухсот танков.

На первый взгляд наша встреча с противником – маленький и почти смешной эпизод, и ни на чьи судьбы, кроме двух убитых офицеров вермахта, это столкновение влияния не оказало.

Но, разбирая документы штаба армии после войны, я натолкнулся на донесения, по-новому осветившие наше маленькое сражение. То обстоятельство, что немецкая танковая дивизия задержала своё движение на два часа, спасло стрелковый полк нашей дивизии, выгружавшейся в это время на станции Великополье. Полк встретил немецкую дивизию уже в боевой готовности. Если бы немцы вышли к станции раньше, полк был бы обречен на верную гибель.

Это заставило меня как-то по-новому оценить те маленькие военные события, которые не попадали в победные сводки, но были важными для судеб нескольких сотен людей и для хода военных операций.

Печатается по машинописному тексту, хранящемуся в архиве И.А. Дергачева, дело 610, ед. хр. 15, л. 1–2.

На белорусской земле

Судьбы есть не только у людей, но и у целых армий. Двадцать вторая армия уральцев, выдвинутая на рубежи обороны в июне месяце, с четвертого июля вела тяжелейшие бои на рубеже Западной Двины севернее Витебска. После двухнедельного сражения, в ходе которого уральцы удерживали свои позиции, армия была вынуждена отойти на новые позиции. На дорогах её отступления лежали районы Белоруссии – Освейский, Россонский, знаменитая ещё по Отечественной войне 1812 года Клястица.

Потом было много месяцев и даже лет войны, а в июле 1944-го судьба распорядилась так, что армия, в которой служил

и я, снова перешла в решительное наступление на фланге группировки фронтов, участвующих в операции «Багратион», и победные её пути снова пролегли в тех же местах, которые так обильно были политы кровью воинов уральских дивизий в 1941-м. Снова встретились мы с Освеи и Россон, снова вошли в Клястицу...

Все было так. Сбитый со своих позиций противник (так писалось в официальных военных документах) начал отход на запад. <...>. Для управления боем командующий армией генерал-лейтенант Г.П. Коротков сформировал небольшую группу старших офицеров штаба, которая сопровождала его на танках той же бригады. В их числе был и я – тогда старший помощник начальника связи армии. Первые самые радостные встречи с жителями освобожденных районов остались в памяти навсегда. А районы эти были героическими. Четыре района Белоруссии, в центре которых был Россонский, после того, как фашистские армии прокатились в июле сорок первого на восток, организовали партизанскую армию, заблокировали входы на территорию этих районов и сохраняли все порядки советской страны, не пуская к себе фашистов. Так жили они в постоянной напряженной войне на лесных дорогах, пересекавших их территорию. Только в августе 1943 года фашисты бросили против них две дивизии и вынудили партизан уйти в леса, куда вместе с ними переселились и тысячи мирных жителей героической белорусской земли. Жили они зимой в землянках, в шалашах, присыпанных снегом, питались тем, чем богат осенний и зимний лес, изредка нападая на немецкие обозы, отбивая драгоценный для детей хлеб.

Радостной была наша встреча с этими людьми. У нас на глазах они выходили из лесов, выходили с истощенными детьми. Слезы лились по их лицам, и были они слезами радости, радости освобождения, радости победы. Видели они выжженную землю, разрушенные города, но они были снова их, советскими, родными. От города Освеи не осталось ничего, кроме бесформенной груды кирпичей, из которых когда-то была сложена церковь. Вместо деревень были следы пожарищ, и одинокие, обгоревшие

деревья ещё напоминали, что была когда-то жизнь ключом. Не знаю, почему фашисты не сожгли уютный городок Россоны. Жить в нём они страшились. Они зарывались в землю, строили доты, кирпичные казармы вдоль дорог, вытащили из домов оконные рамы, разобрали печи, используя их для своих убежищ. Но вид города поразил нас. Он стоял на вид целый, а улицы все заросли лебедой и крапивой. Напоминал он заколдованное царство: город есть, а жизни в нём нет.

Поразили также разрушения на железной дороге. Педантично разбивали немцы каждый рельс, дробя его на куски при помощи тупой и послушной машины. (Партизаны через несколько дней спустили её под откос чуть дальше к западу).

Такой мы увидели Белоруссию: разрушенной, но не покоренной, торжествующей победу.

Теперь уже немецко-фашистские солдаты оказались в тяжелом положении. Усиленный их батальон, до тысячи солдат и офицеров, при стремительном движении [наших] танков не успел отойти и оказался окруженным в тех самых лесах, в которых томились и голодали жители Клястицы, Освеи, Россон. Мне пришлось просмотреть с самолета ПО-2 (у нас была эскадрилья связи) их расположение в лесу, оборонные бои, которые они уже вяло, но все же еще вели. Можно было заметить, что все они разбиваются на маленькие группы, нет воинской организации, дисциплины. Они не пробовали даже выстрелить по самолету, на котором я летал над ними на высоте в сто – двести метров.

Я вспомнил и своих товарищей, погибших здесь же, на этих дорогах, в этих же лесах в тяжелом сорок первом. Было жалко, что не видят они победного нашего движения, и все же думалось – в это движение вложены и их силы, их кровь, их жизнь.

И.А. Дергачев,
подполковник запаса

Печатается по машинописному тексту с небольшой рукописной правкой, находящемуся в архиве И.А. Дергачева, дело 610, ед. хр. 12, л. 1–3.

Об эпизодах военных действий 22-й армии в районе Великих Лук

<...> С Великими Луками у меня связано много воспоминаний. Впервые я увидел город на рассвете 30 июня после бомбежки станции. Затем, когда отходили от Невеля в середине июля. С 16 июля штаб 22-й армии находился в 4 км к северу от станции Назимово (насколько помню, сразу же за березовым леском, где были штабные блиндажи, лежало село Точилово). Там я был все сорок дней героической обороны Великих Лук. 22 августа в составе сводного отряда я встретил прорвавшуюся танковую дивизию немцев около села Бегуново. Пять дней мы, отрезанные от своих, бродили по берегам Жижицы, пытаясь перейти большак Великие Луки – Торопец. Удалось это сделать только на шестой день. Шли по немецким тылам, какими стала Великолукская земля, еще 10 дней. Соединились со своими в районе ст. Соблаго. В Пено со мной разговаривала Лиза Чайкина, расспрашивала о поведении фашистов и настроении населения.

При наступлении зимой 1941–1942 года армия наша вышла к г. Белый Смоленской области. До февраля 1943 года она «стергла» фашистов в районе Нелидово – Белый фронтом на восток. В 1943 году её перебросили в район южнее Холма. Здесь занимали оборону на правом берегу Ловати. Это был тот участок, где за несколько дней до передачи частей нам совершил подвиг Матросов. Осенью 1943 года штаб наш перебазировался снова в район Великих Лук. ВПУ (временный пункт управления. – *Сост.*) размещалось поблизости от аэродрома и военного городка в непосредственной близости от многострадального города. Я помню бомбежки города, когда в нем, уже пустом, почти никого не оставалось, немцы в ноябре развешивали САБ (осветительные бомбы, дававшие столь яркий свет, что за несколько километров от города можно было легко читать) и в течение нескольких часов малыми партиями бомбардировщиков бомбили его. Одно время ВПУ армии размещалось в д. Земляничино. Существует ли сейчас она? Тогда это была полностью уничтоженная деревня.

Только бродячие кошки, не покидавшие привычных мест, напоминали о том, что здесь жили люди.

Много времени провел я на наблюдательном пункте около деревни Горушка, напротив Насвы, бои за которую шли в феврале. Мы сдвигались правее, фланг наш вытягивался. Вели мы бои в марте 1944 года около Пушкинских гор. Но в апреле, сдав там участок [другим подразделениям армии], мы снова оказались ближе к Великим Лукам. До начала общего наступления штаб располагался в д. Сухобоки, западнее Невеля на дороге (чуть в стороне) к Россонам. Дальше мы двигались через Россоны, Клястицу, Освею и вышли на территорию Латвийской ССР 18 июля 1944 года.

Вот, пожалуй, и все эпизоды, когда 22-я армия действовала около Великих Лук. Самым значительным временем является сорокадневная оборона города в 1941 году.

Располагайте мной. Все, что я помню, знаю (а многое я знаю по документам, собранным Советом ветеранов 22-й армии, зам. председателя которого являюсь), я готов передать Вам. <...>
26.05. 1982 г.

И.А. Дергачев,
подполковник запаса,
бывший офицер связи штаба
22-й армии

Публикуется по машинописному оригиналу (второму экземпляру текста), хранящемуся в личном архиве И.А. Дергачева, дело 610, ед. хр. 13, л. 3–3 об.

Отдел связи штаба 22-й армии в Великой Отечественной войне

В 1941 году начальником отдела и войск связи 22-й армии был полковник Панин Петр Кириллович. В декабре 1942 года ему было присвоено звание генерал-майора. Он был назначен начальником связи Брянского фронта. После расформирования

Брянского фронта в 1944 году генерал Панин возглавил войска связи и управление связи 2-го Прибалтийского фронта. Закончил войну в звании генерал-лейтенанта войск связи.

Заместителем начальника был подполковник Павлов. Старшими помощниками и помощниками начальника связи были следующие офицеры:

1. Капитан Бессонов, участник боевых действий на Халкин-Голе, награжденный медалью «За отвагу». В июле 1941 года, находясь в войсках, попал в окружение, вышел в район боевых действий брянских партизан. Был помощником начальника штаба у Ковпака.

2. Старший лейтенант Зоренко. Позднее был начальником штаба 31-го отдельного полка связи, а с ноября 1944 года – заместителем начальника связи 22-й армии. После войны – генерал-майор, начальник связи Прибалтийского военного округа, советник Египетской армии.

3. Капитан Евстигнеев. Как мне помнится, он погиб в окружении под Невелем.

4. Капитан Николай Петрович Казаринов, бывший директор Центрального телеграфа в Свердловске. Позднее (с лета 1942 года) заместитель начальника связи 22-й армии. В ноябре 1944 года выбыл в Академию связи и оттуда вскоре был назначен ННС (начальником направления связи. – *Сост.*) к одному из Белорусских фронтов. [После войны жил в Уфе].

5. Майор Спивак Иван Денисович. После отъезда П.К. Панина был назначен начальником связи 22-й армии в звании полковника и в этой должности закончил войну. Родом из Сум.

6. Начальник линейно-технического узла – старший техник лейтенант Чернецов.

7. Начальник почтового отделения отдела связи – бывший заместитель начальника управления связи Свердловской области капитан Носков. В 1942 году переведен в Управление связи Калининского фронта. Его сменил майор Рыжов Николай Захарович, бывший начальник отдела кадров Свердловского областного управления связи.

8. Писарь отдела – старшина Вольнский, выбыл с П.К. Паниным. [После войны жил в Краснодаре]. В дальнейшем писарем был старший сержант Плотников.

9. Начальник отделения снабжения отдела связи – инженер-капитан Брагин. Выбыл по ранению в 1942 году. Писарем отделения был Толанов, бывший бухгалтер Свердловского горного института. Погиб 13 февраля 1945 года.

10. Помощник начальника связи – капитан Марголин Иван Николаевич, в феврале – сентябре [был] в штабе Калининского и Прибалтийского фронтов.<...>.

11. Машинистка отдела – вольнонаёмная Колосова Елизавета Васильевна. < >

Позднее в отдел пришли:

1. Помощником начальника связи по трофеям – старший лейтенант Дергачев И.А. с должности заместителя командира роты 31-го отдельного полка связи. Позднее он здесь же – старший помощник начальника связи, затем начальник телефонно-телеграфного отделения отдела связи до конца войны. <...>

2. Помощником начальника связи, а затем начальником отделения боевой подготовки с 1943 года стал инженер-майор Попов Владимир Константинович, бывший главный энергетик завода «Серп и Молот» в Москве. После войны работал на той же должности. В армию пришёл с должности начальника связи бригады морской пехоты.

В конце 1942 – феврале 1943 года начальником отделения боевой подготовки был полковник [фамилия написана неразборчиво: Кривицкий (?), Юрковецкий (?), или Юрковский. – *Сост.*] Пинь Давыдович. Был направлен из Управления связи Калининского фронта. Выбыл туда же.

Публикуется с рукописного оригинала из личного архива И.А. Дергачева, дело 610, ед. хр. 10, л. 1–1об.

Слово за историками

Я ушел на фронт из университета 24 июня 1941 года. В начале июля мне уже пришлось командовать взводом в 22-й уральской армии, вступившей в бои 2 июля. Затем принял я роту, а с февраля 1942 года стал офицером штаба 22-й армии, с которой и прошел всю войну, закончив её в Румынии уже подполковником.

Эта краткая справка о моем участии в войне на Западном, Калининском и 2-м Прибалтийском фронтах приведена только для того, чтобы подчеркнуть право обратиться к молодым историкам университета с призывом: займитесь историей 22-й армии, армии уральской, армии, встретившей врага на рубежах старой государственной границы СССР в районе Себежа, Полоцка, Витебска.

Дивизии и отдельные части 22-й армии были выдвинуты в районы сосредоточения ещё в середине июня 1941 года. Это были уральские дивизии 153-я, 170, 174, 112, 98 и 186-я. Все они перед войной входили в состав войск Уральского военного округа. С ними вместе на фронт выехал и штаб округа, преобразованный в полевое управление 22-й армии.

Отдельные части армии и её дивизий начали бои 22 июня, а 7 июля уже вся армия целиком вела кровопролитные бои с фашистами, нанося им сильные удары, перемалывая технику и живую силу противника. Она разбила несколько танковых дивизий немцев, рвавшихся в глубь страны. Затем соединения армии держали сорокадневную оборону Великих Лук, выполняя приказ Верховного главнокомандующего: «Великие Луки не сдавать». Впрочем, офицерам армии и самим было ясно, каким ключом к Москве являлись в ту пору Великие Луки. В её активе почти двухмесячная оборона на Западной Двине, а в напряженные дни боев под Москвой – удары по противнику в районе Торжка и верховьев Ворги. Именно с этого плацдарма, удержанного 22-й армией, начал зимнее наступление Калининский фронт.

22-я армия освобождала многие районы России, Белоруссии, участвовала в операциях по истреблению фашистских войск в Прибалтике.

О доблести воинов армии, об успешных её боевых действиях упоминают в своих мемуарах крупные военачальники.

Но всё же подвиги армии, её героических соединений, вынесших тяжелые удары в первые месяцы войны, заслоненные последующими сражениями, остаются мало известными.

<...> И без помощи молодых многое не может сдвинуться с места. Нужны молодые, любознательные, вооруженные знаниями истории, которые разобрались бы в той «писаной» истории армии, которая сохранилась в архивных документах. Не менее ценными были бы записи воспоминаний последних могикан армии, участвовавших в сражениях, которые вела она, записи воспоминаний о военном быте, о подвигах отдельных солдат и офицеров (кстати, подвиг Матросова был совершен в боях, которые вела 22-я армия).

Незабываемые страницы биографии моего поколения должны быть сохранены не только в сердцах молодых, но и в их работах по истории Великой Отечественной войны и воинов-уральцев.

И.А. Дергачев,
подполковник запаса,
зам. председателя
Совета ветеранов 22-й армии

Печатается по машинописному тексту, хранящемуся в архиве И.А. Дергачева, дело 610, ед. хр. 17, л. 1–2. Рукой И.А. Дергачева сделана пометка: для газеты «Уральский университет». 15.2.78 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Время неумолимо, и оно отодвигает всё дальше в историю трагические, героические и победные события, в которых с первых дней Великой Отечественной войны участвовала 22-я армия. Все ярче и полнее высвечивается историческое значение самых первых боевых действий Вооруженных Сил СССР, в том числе подразделений 22-й армии, которые в невероятно трудных условиях сдерживали в первые месяцы войны продвижение фашистских войск по территории нашей страны, устояв под сильным и жестоким натиском беспощадного врага, а в декабре 1941 года перешли в наступление.

Эта армия защищала подступы к Москве, участвовала в освобождении Псковской, Калининской областей, Белоруссии, Прибалтики и закончила свой победный путь в Румынии, где встретила День Победы, день радости и торжества.

Документы о 22-й армии, находящиеся в Центральном архиве Министерства обороны России, в других архивах и музеях, и особенно письма и воспоминания, хранящиеся потомками тех, кто не жалея сил и жизни обеспечил разгром фашистской Германии и её союзников, освобождение народов Европы от фашизма, спасение цивилизации, терпеливо ждут своего заинтересованного и вдумчивого исследователя. И хотя изучение военной судьбы 22-й армии продолжается, поскольку постоянно и эффективно работают поисковые отряды в местах, где проходили бои, находят новые артефакты и документы, работают Музеи боевой славы в городах, где формировалась 22-я армия, а также в городах и поселках, которые она освобождала, появление фундаментального труда, в котором с гордостью и уважением, подробно и правдиво будет рассказана история 22-й уральской армии,

достойно прошедшей свой долгий и героический путь к Победе, – дело будущего.

А пока составители предложили вниманию читателей книгу, посвященную подвигу сформированной на Урале 22-й армии в годы Великой Отечественной войны. Она целиком написана самими фронтовиками, непосредственно сражавшимися с фашистскими захватчиками с первых до победных дней войны.

О создании такой книги мечтали ветераны 22-й армии. Она выходит в год 75-летия начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов как напоминание о подвиге тех, кто защищал нашу страну от фашистских захватчиков. Уходят годы. Растёт новое поколение, которое должно знать, как сражались с врагами нашей Родины их деды и прадеды.

Сердечная благодарность всем, кто способствовал появлению этой книги: коллективу сотрудников Музея боевой славы Урала (г. Екатеринбург), предоставивших для публикации документы из архива Н.П. Сухотина, а также за консультативную помощь и моральную поддержку; сотрудникам Музея г. Перми за сведения о 112-й стрелковой дивизии; волонтерам создания этой книги – редактору В.И. Смирновой, корректору Н.Ф. Подпригора, оформителю Д.В. Алексееву, оператору электронной верстки И.П. Гемуевой, всем, кто помогал подготавливать тексты и схемы к печати – Г.Г. Дубровиной, Е.А. Савинкиной, Н.Л. Бажиной.

Особую благодарность составители выражают А.В. Подчиненову за возможность опубликования книги в издательстве Уральского университета.

Составители будут признательны всем, кто, прочитав эту книгу, обратится к своим семейным архивам и пришлет новые свидетельства подвига участников боевых действий 22-й армии (контактировать можно по e-mail: mid555@yandex.ru или по телефону 8-343-350-10-83).

*М.И. Дергачева
Л.Н. Сухотина*

Именной указатель

- Абакулова А.А. 204
Абрамова 261
Абрицкий 230
Адамсон Я.С. 24, 26, 70
Аксёнов С.И. 180
Александров 97
Александров А. 61
Алексеев 180
Алексеев Д.В. 300
Амитон 192
Андриенко 231
Андрянов 192, 196
Андрющенко М.Ф. 180
Анохин Г.С. 270
Аношкина А.Ф. 204
Антоненков 232
Антосенко 106
Антошин 25
Аренд 133, 228
Аринов 260
Артамонов 117, 134, 140
Астапенко 117, 140
Ахматулин Н.А. 273, 274, 277–279
- Бабин В. 247
Бажина Н.Л. 300
Балакин М.И. 185
Балануца В.М. 185
Банников Н.Л. 214
Баранова А.А. 207
Баталов С. 189, 190
Батляев И.И. 158
Батов П.И. 182
Батуева О.В. 207
- Бауман П.О. 8, 115, 121, 142, 229
Бацанов 253
Бачило 228
Бедин Е.В. 26, 91
Бездворный 248
Белов П.А. 234, 235
Беляев 94
Берг 133, 138, 228
Беспалов 6, 185
Бессонов 295
Бирюков Н.И. 27, 31, 62, 69, 92, 184, 247
Блинов 128
Бобенко 211
Богаткин В.Н. 113
Богомоллов А.А. 272, 273
Бондаренко 231
Борисов 231
Бочаров Н.П. 284, 285
Брагин 296
Бранткали Д.К. 21, 115, 117, 126, 138, 140,
Брегвадзе 117, 138, 140
Бредель В. (писатель) 282
Брейко 97
Будаков Н.С. 185
Будённый С.М. 23, 25
Будкин 246
Будько 185
Буйволов 95
Букштиневич М.Ф. 272
Булганин Н.А. 104
Бунин В.Д. 210

- Бухман 189
 Буш 15
- Валит Ю.** 287, 288
 Варванин М.И. 93, 210, 213
 Василевский А.М. 21, 106
 Васильковский В.В. 284
 Васягин 139
 Ватутин Н.Ф. 178
 Везелев 231
 Вейс 230
 Величко С.С. 184
 Вердников 146
 Верро 234
 Веселов 230
 Вилекжанин 263
 Виндушев К.Н. 180
 Виноградова Д. 265
 Виноходов Д. 195, 200
 Виткаускас В.И. 162
 Виткин 202
 Вовченко И.А. 40
 Вовченко М.Л. 96
 Волгин 234
 Волкинштейн 253
 Волков 192, 247
 Вольнский 296
 Вольхин Н.И. 238
 Воробьев 84
 Воронина О.С. 207
 Воронина Т.Н. 205
 Воронов 21
 Вострухов В.И. 25, 46, 64
 Втулкин 133, 228
- Гавриков Ваня** 214
 Гаврилов М.Ф. 26, 62, 69, 94
 Гаген Н.А. 15, 27, 62, 69, 80
 Газеев С.Г. 117, 138
 Гайлис 228
- Гайфуллин Г. 247
 Галимов 229
 Ганцев 231
 Гапко И.С. 184
 Гатауллин 267
 Гвоздев Н.Г. 27, 38, 39, 90, 175
 Гейченко С.С. 280, 283
 Гетман 235
 Гитлер А. 51, 59
 Глушко А.В. 180
 Гноевой 212
 Гогайшвили 32
 Голов 267
 Голубев В.Д. 185
 Горбань 234
 Горбатов А.В. 182
 Горячев С.Г. 180
 Гот Г. 15, 31, 33, 36, 41, 42, 52, 59,
 72, 81, 158, 159
 Готлиб 232
 Гришин 247
 Гуренко К.И. 154
 Гуров К.А. 104
 Гусев 232, 265, 266
 Гусев А.И. 154
 Гусейнов 185, 231
- Дамберг В.Э. 114, 117, 128, 138,
 140, 228
 Данилович 185
 Деви Н.С. 106
 Дергачев И.А. 7–10, 13, 22, 23, 48,
 241, 242, 244, 246, 286, 288, 289,
 292, 294, 296, 298
 Дергачева М.И. 7, 8, 10, 22, 300
 Дехтярь М.А. 189
 Дзарагазов Л.А. 93, 210, 213, 215
 Дигин Н.И. 273, 274, 277–279
 Долгих П.И. 95
 Донец О.В. 249

- Донской 146
 Дорошкевич 230
 Дробышев Г.И. 202, 205
 Дронов Н.С. 7, 18, 64, 114, 127
 Дубровина Г.Г. 300
 Дудчик П.А. 275
 Дулов Д.А. 134, 231
- Евсеев А.Г.** 34, 92
 Евсюков 94, 95
 Евстигнеев 295
 Егоров 117, 140
 Екарашев 230
 Ерёменко А.И. 21, 30, 32, 41, 53, 56, 57, 66, 82, 83, 113, 124, 169
 Ерёменков 234
 Ерлин С.Н. 185
 Ермаков 91
 Ерошенко 94
 Ершаков Ф.А. 14, 17, 24, 42, 50, 55, 63, 64, 70, 82, 84, 90, 98, 101, 103, 159, 161, 221, 222, 224
 Ершова А. 204
 Ехичев 97
- Живлюк В.И.** 262
 Жуков 264, 269
 Жуков В.А. 185
 Жуков Г.К. 18, 56, 61, 70, 108, 109
 Журавлёва К.И. 189, 190, 195
- Зазулин В. 177, 285
 Заостровская 191
 Зарипов 213
 Захаркин 220
 Захаров 232, 259
 Захаров Г.Ф. 14, 17, 25, 50, 64, 84, 90, 98, 103, 161, 165, 221, 224
- Захваткин В.С. 245
 Звягинцев 239
 Зенков 247
 Зенов 231
 Зоренко 295
 Зороастров П.В. 14, 28, 29, 71, 76, 77, 244
 Зотов 212, 213
 Зотов В.Ф. 195, 200
 Зубарев С.П. 77
 Зубков П.Т. 184, 185
 Зуев 253
 Зуев В.С. 209
 Зыгин А.И. 14, 27, 33, 34, 62, 69, 81, 82, 92, 146, 147, 157, 158–160, 184
 Зябликов П.С. 249, 252
 Зязин Г.М. 244, 246
- Иванов** 146, 267
 Иванов А.П. 225, 227
 Иванов С.А. 95
 Иванов П.И. 185
 Ивановский Г. 202, 205
 Ивантеев 92
 Игначёв 91
 Игольников 255
 Ильин Г.П. 240, 241
- Кавалерчик К.М.** 185
 Казаринов Н.П. 295
 Калашников В.Ф. 115, 229
 Калинин М.И. 176
 Калнынь А.Ю. 114, 117, 127, 140, 228
 Карзухин 189, 190
 Карманов И.П. 14, 27, 62, 69, 92
 Кармен Роман 29
 Карпов И.П. 152
 Карпова Н.Н. 204

- Катков А.М. 17, 64, 114, 127, 232
Катуков М.Е. 18
Кива 262
Кириллов 222
Кишевская А.Н. 207
Кисин 189, 190
Китаев 146
Китаев И.Т. 158
Клетнен 117
Клешнин М.Н. 127, 140
Климов 232
Князьков С.А. 272
Коблов В.В. 272
Ковалёв Н.Н. 246
Коверников А.С. 185
Ковпак 295
Козлов 231
Колбасов К.П. 62, 97
Колегов А.А. 198
Колоколов Г.К. 96, 158, 253
Колосова Е.В. 296
Кольшев 43
Колясников 231
Конев И.С. 42, 46, 56, 79, 83, 109, 178
Кононенко Е. 261
Копп А.Ф. 245, 246
Копылов 90
Копылов И.Д. 161, 176
Копяк И.А. 14, 16, 26, 37, 62, 69, 70, 79, 94
Корниенко В.Х. 151
Коровина Н.Г. 204
Коротков Г.П. 20, 64, 114, 126, 127, 291
Косарев Я.И. 238
Косач Н.А. 244, 246
Косякова В.А. 201, 207, 208
Краснов 185
Краюшкина З.М. 204
Кремлёв А.П. 96
Кривокорытов П.Т. 6
Крупнов 185
Крыгин 146
Кудрявцев 211
Кудрявцев П.Г. 184
Кузнецов 117, 140, 222
Кузнецов Г.С. 152
Кузьмин А. 25
Куликов К.Е. 117, 127, 140
Кульчицкий 140
Куприянов С.П. 117, 140
Курганов 92
Куриенко 140
Курме 229
Курочкин П.А. 70
Лазарев 188, 231
Ландовских Г.Ф. 189, 191
Лапinyш 229
Ласкин Н.М. 14, 87, 93
Лацис В. 19, 20
Лебедев И.П. 286
Лебедев-Кумач В. 61
Леваковская Е. 189, 250
Лелюшенко Д.Д. 32, 70, 177
Ленских К.С. 236
Леонов Д.С. 14, 17, 25, 50, 64, 84, 90, 98, 101, 103, 161, 225
Лесик И.А. 184
Лизюков А.И. 111
Лимант 148
Липин 271
Липкинд 189
Лисото 242
Лихачёв В.И. 157, 160
Ложкин Н.И. 245
Лучинский А.А. 182
Лягушкина А. 250

- Мажара Н.М.** 201, 207, 208
Макарьев А.К. 233
Маконин И.Н. 96
Макуха И.Н. 154
Макушев 230
Маландин Г.К. 66, 82
Маликов 265
Малков Г.А. 270
Марголин И.Н. 296
Маркин Л.Д. 185
Марков А.М. 14, 26, 37, 62, 69, 82, 93
Мартынович 185
Масленников И.И. 87, 104
Матвеев В.Б. 227, 233
Матросов А.М. 5, 19, 293, 297
Махинов Е.Л. 221, 225
Мезенев 210
Мещеряков 170
Микельсон 228
Микрюкова Л.И. 205, 207
Милорадов Т.П. 146, 158
Миляха 267
Мирошников 92
Мисейрис 229
Митрофанов 146
Михайлищев А.Д. 187, 189, 190, 196, 200
Михайлов 111, 134, 140
Михайлов Н.Ф. 119
Мишкин 140
Мишустин И.Н. 263, 271, 272
Моисеев 234
Мойзых Е.А. 6
Молодавкин 231
Молотов В.М. 50, 221
Моргунов И.С. 213
Мороз А.А. 207
Морозов 226
Музыкин М.М. 180
Музыченко Я.Е. 96
Муромцев Ф.Н. 85
Мусоргский М.П. 289
Мыльников К.Е. 211
Науменко Н.Ф. 124
Наумов 244
Неверов 140
Нейман 133, 228
Некрасова 288
Непобедимцев 25
Нерянин 25
Никитин 229
Никитин А.И. 96
Николаев О.П. 185
Ничков П.Н. 25, 103
Носков 295
Огаркова В.А. 204, 205, 207, 208
Огородников 117, 140
Озаринский 234
Олейник К.К. 151
Орлов 233
Оробец 235
Осис 230
Острецов Д. 195, 196
Осягин 233
Ощепкова Н.М. 204, 205, 207, 208
Павленко П. 250
Павлов 295
Павлова М.Н. 205
Павлюк Г.В. 146, 158
Панин П.К. 25, 294, 295, 296
Панов 187
Пастернак 230
Пахомов 185
Пелевин А.В. 6, 272–279
Пентин А.Г. 201, 206
Первухин А.Г. 151

- Первушин 98, 101
 Перловский 130, 228
 Персианов 185
 Петров 231
 Петров И.П. 185
 Пигаревич Б.А. 43, 64, 101, 103, 106
 Пилипенко А.П. 14, 92, 224
 Писанко 286
 Писарский 63, 97
 Питерский И.И. 171
 Пластинкин Н.Д. 34, 98
 Платов П.И. 185
 Плотников 140, 295
 Подопригора Н.Ф. 300
 Подчиненов А.В. 300
 Поль Г.Р. 205
 Пономарёва З.А. 205
 Попенко И.М. 185
 Поплавский С.Г. 180
 Попов В.К. 296
 Портных В.В. 204, 205, 207
 Прилепский 232
 Продеус 90
 Пузырёв 228
 Пунтус В. 247, 248
 Пуриаль 229
 Пушкин А.С. 5, 46, 65, 281, 282, 286
- Разумовский К.В.** 286
 Ральников В.С. 189, 196
 Ревуненков Г.В. 184
 Резников 231
 Ремез 231
 Римских Ф.С. 247, 248
 Родионов 94
 Рождественский Р. 5
 Розанов А.Н. 34, 91
 Розанов В.Н. 177, 285
 Рокоссовский К.К. 56
- Романов М.Т. 180
 Ромашин Н.И. 189
 Рохлин Р.Л. 205
 Рудой 233
 Рудчук И.Л. 180
 Рунов А.И. 228
 Рыжов Н.З. 295
 Рылов 246
 Рябинин 267
 Рябухин 95
 Ряхов 247
- Сабурова Т.М. 190, 195, 200
 Савинкина Е.А. 300
 Савицкий 132, 185, 228
 Садов 14
 Салихов Э.Б. 269
 Сальников Г. 263
 Самохин А.Г. 15, 27, 38, 85, 90, 106
 Сандалов Л.М. 113
 Сарафанов 232
 Сафонов 274
 Сахно М.Г. 117, 140
 Северинов 234
 Севостьянов 232
 Седулин Э.Ж. 127
 Селезнев Д.М. 64
 Серебров 91
 Середин И.М. 242, 243
 Сивков 231
 Сидоров Д.П. 185
 Силкин Т.К. 14, 26, 62, 69, 85, 93, 210, 222
 Симонов Н.Н. 193
 Симонова Т.Н. 236
 Синкевич Н.Я. 273, 274, 277–279
 Синцов Ф.Р. 236
 Скачков В.М. 275
 Смирнов Н.В. 180
 Смирнов С.С. 280

- Смирнова В.И. 300
Смушкевич 146
Собянин Г.Е. 275
Созонов 93, 106
Соколов Н.И. 91
Соловьева Е. 198
Солонин Б.Н. 285, 286, 288
Сорокин 94
Сорокина Т. 190, 195, 200
Спивак 117, 140
Спивак И.Д. 295
Сталин И.В. 111
Степанов 229
Стружанов М.И. 145, 156
Струневич 228
Сухов 146
Сухоробров Н.З. 117, 134, 140
Сухогин Н.П. 7–9, 49, 58, 59, 113, 120, 208, 220, 236, 286, 287, 300
Сухотина Л.Н. 7, 8, 10, 58, 112, 120, 156, 208, 236, 300
- Таганов 231
Тажетдинов 211
Тарасов Г.Ф. 46, 95
Татаринов В.С. 286
Терентьев 262
Тимошенко С.К. 35, 53, 56, 66, 89, 104
Титов С. 236
Тихонов П.Я. 148
Ткаченко Я.Т. 198, 238
Толанов 296
Толмачёв И.В. 237, 240
Трифонов 232
Трофимов 273, 276, 277, 279
- Уллас 230
Уральский Н.М. 264, 267, 268
Урбанович В.К. 184
- Устинов А.И. 162, 168, 175
Устинова С.В. 207
Утьро 229
- Фёдоров 104, 117, 134, 140, 232
Фон Шульце 40
Фрейдлин Е.А. 39, 98
Фрунзе М.В. 25
Фуке 205
Фурашев 117, 140
Фуфаев И. 185
Фучик Ю. 250
- Харлашов 231
Храпаненко В. 195, 196, 200
Худин 231
- Царевский И.Н. 96
Цаунит 230
Цукерман Г.Б. 252, 263
- Чайкна Лиза 293
Чапаев А.В. 34, 62, 219, 220
Чапаев В.И. 62, 220
Чапас А.С. 162
Чаша 228
Чемис 228
Череватый Н.Р. 214, 215
Черкасов 92
Черкасов М.А. 146, 185, 250, 251
Черкасова М. 250, 251
Чернецов 295
Чёрный И.Л. 64
Чистов 93
Читадзе А.И. 185
Читадзе А.С. 185
Чурсанов Н.С. 185
- Шабалов 91
Шавыткин 265

Шагам А.Н. 205–207
Шалин 103, 224
Шалин М.А. 17, 64
Шапиро 140
Шапошников Б.М. 56
Шарикалов Г.К. 117, 130
Шарыпов 6
Шварцис 229
Швецов 96
Шевченко А. 283, 285
Шевченко И.П. 106, 236
Шелудяков 265
Шехтман З.С. 180
Шильников С.А. 205
Ширяев С.Н. 185
Шишов 262
Шклярин 231
Шлыков 225, 226

Шлычков 236
Шолмов 286
Шукшин К.Д. 16

Щербинин 231
Щёголев 254
Щукин 98

Юревиц 130, 228
Юсупов 240, 241, 267
Юшкевич В.А. 17, 43, 46, 55, 64,
106, 181, 224
Ющук И.И. 91

Яблоков 224
Яворский 202
Яковлев Д.Я. 35, 62, 91
Яунцемс 229

Принятые сокращения

а.к.	– артиллерийский корпус
АМП	– механизированный артиллерийский полк
а.п.	– артиллерийский полк
арм. зап. полк	– армейский запасной полк
ВВС	– военно-воздушные силы
ВОВ	– Великая Отечественная война
ВПУ	– временный пункт управления
ГАП	– гаубичный артиллерийский полк
гв. ст.п.	– гвардейский стрелковый полк
г.-м.	– генерал-майор
ГРУ	– главное разведывательное управление генерального штаба
ГСП	– гвардейский стрелковый полк
ГШ (генштаб)	– Генеральный штаб
дезсредства	– дезинфицирующие средство
л.с.к.	– латышский стрелковый корпус
гв. л.с.к.	– гвардейский латышский стрелковый корпус
ИПТАП	– истребительно-противотанковый артиллерийский полк
КАП (к.а.п.)	– корпусной артиллерийский полк
КП	– командный пункт
КШР (к.ш.р)	– кабельно-шестовая рота
КЭО	– квартиро-эксплуатационный отдел
ЛАП	– легкий артиллерийский полк
МД (катюши)	– механизированный дивизион (катюши)
мехкорпус	– механизированный корпус
МСБ (мсбат)	– медсанбат, медицинский санитарный батальон
МСД	– мотострелковая дивизия
ННС	– начальник направления связи
НП	– наблюдательный пункт
НШ	– начальник штаба
ОДЭП	– отдельный дорожно-эксплуатационный полк
ОЗАД	– отдельный зенитно-артиллерийский дивизион
ОЗПД	– отдельный зенитный противовоздушный дивизион
ОИПТ	– отдельный истребительно-противотанковый дивизион
ОПТД	– отдельный противотанковый дивизион

ОРМУ	– отдельная рота медицинского усиления
п.а.р.	– подвижной армейский резерв немцев
ПАСС	– полевой армейский санитарный склад
ПВО	– противовоздушная оборона
п.д.	– пехотная дивизия немцев
ППУ	– полевой передвижной госпиталь
ПТО	– противотанковая оборона
РВГК	– резерв Верховного Главного командования
РГК	– резерв Главного командования
РО	– разведывательное отделение
САБ	– осветительные бомбы, дававшие столь яркий свет, что за несколько километров от города можно было легко читать
САП	– самоходно-артиллерийский полк
с.д.	– стрелковая дивизия
с.к.	– стрелковый корпус
с.п.	– стрелковый полк
т.д.	– танковая дивизия
т.е.р.	– технические средства разведки
т.с.р.	– телеграфно-строительная рота
УЗО	– устройство защитного отключения
УралВО	– Уральский военный округ
УР	– укрепленный район
зап. полк	– запасной полк

Оглавление

К ЧИТАТЕЛЮ	5
------------------	---

Часть I

РУБЕЖИ ВОЙНЫ: БОЕВОЙ ПУТЬ 22-й АРМИИ

Боевой путь 22-й армии (И.А. Дергачев)	13
Победа ковалась в сорок первом (И.А. Дергачев)	23
Справка о формировании 22-й армии и вступлении ее войск в бой Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Н.П. Сухотин)	49
Краткая историческая справка о боевом пути 22-й армии в Великой Отечественной войне (к книге о 22-й армии) (Н.П. Сухотин)	59
Краткая справка о наступательных действиях 22-й армии по осво- бождению Латвии от немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (Н.П. Сухотин)	113
Частная операция 22-й армии по окружению и уничтожению Крустпилсской группировки немцев (П.О. Бауман)	121

Часть II

ТВОРЦЫ ПОБЕДЫ: НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ

Боевой путь 174-й (20-й гвардейской) стрелковой дивизии (М.И. Стружанов)	145
Командир 174-й стрелковой дивизии комбриг Зыгин Алексей Иванович (В. Лихачев)	157
179-я стрелковая дивизия (И.Д. Копылов)	161
Краткая справка о боевой деятельности 185-й стрелковой дивизии в период Великой Отечественной войны (В. Розанов, В. Зазулин)	177
186-я стрелковая дивизия (Совет ветеранов 186-й стрелковой дивизии)	181
Боевой путь медико-санитарного обеспечения войск 22-й армии в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. (А.Д. Михайлищев)	187
Отдельная рота медицинского усиления 22-й армии (ОРМУ 22) (В.А. Косякова, Н.М. Мажара)	201
170-я стрелковая дивизия в начальный период Великой Отечественной войны (В.С. Зуев)	209

Часть III

НЕЗАБЫВАЕМОЕ: ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ, ЗАМЕТКИ

Письмо А.В. Чапаева о первых днях войны	219
Письмо Е.Л. Миханова о боях 22-й армии	221
Письмо А.П. Иванова о боях за Крустпилс	225
Письмо В.Б. Матвеева о Крустпилсской операции	227
Письмо В.Б. Матвеева об освобождении левобережной части Екабпилса	233
Письмо К.С. Ленских о начальниках политотдела 22-й армии	236
Письмо И.В. Толмачёва в Совет ветеранов 22-й армии	237
Письмо Юсупова с боевой характеристикой Ильина Георгия Павловича	240
Письмо о 183-м отдельном зенитном артиллерийском дивизионе (фамилия автора не установлена)	242
Письмо Г.М. Зязина в редакцию журнала «Урал»	244
Ф.С. Римских. О первых днях июля 1941 года	247
Письмо П.С. Зябликова о Донеце Ольге Васильевне	249
Г.Б. Цукерман. Воспоминания о боевом пути	252
И.Н. Мишустин. Военные эпизоды	263
[Эпизод 1] Под Холмом в 1943-м	263
[Эпизод 2] Смелое решение	266
[Эпизод 3] Бой за станцию Насва	268
В.В. Коблов. Эпизоды из боевой жизни Героя Советского Союза Александра Пелевина	272
С. Гейченко. Незабываемое	280
А. Шевченко. Память огненных лет	283
Б. Солонин. «Гордиться славою своих предков»	285
Ю. Валит. О моем однополчанине	287
И.А. Дергачев. Заметки о Великой Отечественной войне	289
О малом и большом на войне	289
На белорусской земле	290
Об эпизодах военных действий 22-й армии в районе Великих Лук	293
Отдел связи штаба 22-й армии в Великой Отечественной войне	294
Слово за историками	297
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	299
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	301
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	309

Научное издание

**22-я армия: от первых до победных дней
Великой Отечественной войны**
Воспоминания участников боевых действий

Составители: *М.И. Дергачева, Л.Н. Сухотина*

Редактор *В.И. Смирнова*
Корректор *Н.Ф. Подпригора*
Компьютерная верстка *И.П. Гемуева*

Подписано в печать 05.05.2016. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Гарнитура Times
Усл. печ. л. 18,3. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 300 экз. Заказ 57

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Отпечатано в типографии ООО «Окарина»
630090, Новосибирск, Ленина, 9
e-mail: ocarina@yandex.ru

